

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Пермский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. А. М. Горького

ДЕРИВАЦИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

*Межвузовский сборник
научных трудов*

Пермь 1987

Деривация и история языка: Межвузовский сборник научных трудов / Перм. ун-т. — Пермь, 1987. — 140 с.

В сборнике публикуются работы по проблемам деривации различных единиц языка — предложения, слова, фразеологизма. В нем освещаются как общетеоретические вопросы (соотношение истории и синхронии языка, статика и динамика и др), так и конкретные вопросы описания деривационных отношений и процессов в русском, английском и других языках.

Сборник рассчитан на специалистов широкого профиля.

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Пермского университета

Рецензент: Сектор общего языкознания Института языкознания АН СССР

Редакционная коллегия

Е. С. Кубрякова (Ин-т языкознания АН СССР), **В. А. Мишланов**, **Л. Н. Мурзин** — главный редактор, **Н. Ф. Пономарев**, **Н. П. Потапова** — ответственный секретарь (Пермский ун-т), **А. М. Шахнарович** (Ин-т языкознания АН СССР)

ВВЕДЕНИЕ

В мае 1985 г. под эгидой Института языкознания АН СССР в Пермском университете состоялась II дериватологическая конференция, на которой обсуждались вопросы истории языка и деривации лингвистических единиц. Участники конференции отмечали большое значение рассматриваемых вопросов для развития общей теории языка и решения прикладных задач лингвистики. В данном сборнике отчасти отражены материалы самой конференции, отчасти поставлены новые проблемы в развитии идей той же конференции.

В сборнике поднимается целый ряд связанных между собой проблем, достаточно общих, глобальных, и частных, объединенных перспективным подходом к языку как явлению динамическому по своей природе.

Центральной проблемой сборника является проблема взаимосвязи исторического развития языка и его синхронного состояния. Рассматривая синхронно в ее динамике, авторы ряда статей видят эту связь в механизмах функционирования языка в форме непрерывно создаваемых речевых произведений — текстов (статьи Л. Н. Мурзина, В. П. Губарева, А. А. Мошевой, В. А. Михайленко, Н. Ф. Пономарева и др.). Важно, что обращение к истории языка позволяет объяснить факты деривации современного языка (статьи А. И. Кузнецовой, А. А. Грузберга).

Во многих работах исследуются вопросы словообразования, деривационного синтаксиса и деривационной семантики в синхронном срезе языка. При этом одни авторы сосредотачивают внимание на деривационных отношениях между языковыми единицами (Ю. С. Азарх, Л. И. Шиханова, О. А. Дмитриева, Н. В. Коссек), другие обращаются преимущественно к анализу семантических процессов (Б. С. Шварцкопф, М. Н. Литвинова, В. И. Карасик).

В ряде статей более детально описаны отдельные типы деривации, в частности семантический (статьи Н. В. Коссек, М. Н. Литвиновой). Впервые ставится вопрос о специфике фразеологической деривации (статьи Б. С. Шварцкопфа и В. П. Губарева).

Сборник завершается коллективной статьей «Вопросы истории и деривации в работах С. Ю. Адливанкина», где прослеживается творческий путь ученого, связанный с разработкой многих историко-деривационных проблем.

ДЕРИВАЦИЯ В СИНХРОННОМ И ДИАХРОННОМ АСПЕКТАХ

Введенное Ф. де Соссюром разграничение синхронии и диахронии в исследовании языка было воспринято структурной лингвистикой как методологический принцип. С тех пор прошло немало времени, проблема неоднократно дискутировалась, появилось множество точек зрения на характер и природу синхронии и диахронии, их взаимоотношения¹. Но проблема до сих пор остается проблемой. Более того, сегодня она становится более острой, и это связано с одной существенной переориентацией современной лингвистики в понимании предмета своего исследования — языка.

В книге «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюр рассматривал проблему разграничения синхронии и диахронии как производную от проблемы разграничения языка и речи, ибо видел в языке систему отношений между сосуществующими явлениями². И до тех пор, пока мы усматриваем в языке систему отношений между элементами, мы не можем решать указанную проблему иначе, как в духе соссюровской лингвистики. Это значит, что в диахронии мы наделяем язык такими атрибутами, как процессуальность (динамика, развитие) и время, тогда как в синхронии язык характеризуется другими параметрами: с одной стороны, системностью, с другой — одновременностью, снятием фактора времени. Хотя Соссюр полагал, что панхроническая точка зрения на язык, возможная вообще, все-таки не применима к конкретным языковым фактам, она не случайно утвердилась в крайне левой школе классического структурализма — в концепции Луи Ельмслева. Поэтому когда в современной лингвистике, пытаясь сохранить неизменными понятия синхронии и диахронии, говорят о языковых процессах, например, в словообразовании, то возникает существенное противоречие между пониманием языка как статической системы и пониманием синхронии в динамическом смысле. Динамическая синхрония или синхронная динамика — термины явно алогичные, конечно, с точки зрения соссюровской лингвистики.

Это противоречие в лингвистической гносеологии до последнего времени разрешалось в пользу статического толкования языка: так как язык статичен, то его синхрония тем более должна быть статичной. Следовательно, динамика языка в синхронном срезе предстает как некоторая система отношений, деривация единиц — это по существу деривацион-

ные отношения. Термин «словообразование», например, толкуется уже не в буквальном, щербовском, смысле — как образование слов, а как отношение производности или мотивированности знаков. По мнению С. Д. Кацнельсона, синтаксическая деривация в концепции Н. Хомского по существу также сводилась к деривационным отношениям, ибо основную цель ее автор видел в приписывании заданным предложениям их «деривационной истории»³. Думается, что такое решение вопроса, сведение динамики языка в синхронии к статике, логически вполне возможно, однако лишь применительно к гносеологии, способу познания языка. Если же говорить об онтологии языка, признавать, что язык есть одна из форм движения материи, то нам придется решать возникшее противоречие иным путем. Далее мы попытаемся предложить одно из таких возможных решений.

Убеждение в том, что язык являет собой систему динамическую, непрерывно изменяющуюся, форма существования которой — коммуникативные и речемыслительные процессы, как известно, восходит к Гумбольдту. Оно развивалось Потебней, некоторыми представителями казанской школы⁴. Однако для них данное состояние языка совершенно естественно входило в историю, и поэтому не возникало и самой проблемы разграничения синхронии и диахронии. Это проблема уже XX в., когда понятие синхронного среза языка как самостоятельного предмета языкознания было достаточно обосновано и стало общепризнанным.

Можно и сегодня не касаться этой проблемы, считая, что разграничение синхронии и диахронии несущественно или неактуально. Но, с нашей точки зрения, это не так. Поэтому важно выяснить, что собой представляет деривация в синхронном и диахронном аспектах.

Понимая под деривацией не отношения, а процессы образования лингвистических единиц, мы как будто бы должны отнести деривацию к явлениям диахронного порядка. Такое решение вопроса, на первый взгляд, выглядит вполне логично, но тогда деривация уже не будет иметь к синхронии никакого отношения. Между тем дело обстоит значительно сложнее.

Начнем с того, что в языке как динамической системе действуют, как заметил еще Бодуэн де Куртене, два типа механизмов⁵. Одни из них обеспечивают воспроизводство в тексте прежнего состояния языка, другие — производство данного текста.

Любой текст, даже самый стандартный типа «Здравствуй! Привет! Как дела? Нормально!», сам по себе уникален как

целое, ибо в нем отражается каждый раз особенная ситуация, отличающаяся чем-то от другой, подобной, хотя бы настроением говорящего, его отношением к речи и партнеру по коммуникации и т. п. Но, образно говоря, текст строится на материале, уже бывшем в употреблении, его составляющие уже включались в предшествующие тексты. Поэтому в тексте, который создается в данный момент, запечатлена история, и в то же время воплощена современность. Но если текст представляет собой диалектическое единство синхронии и диахронии, то логично ли утверждать, что такое же единство заключено в его компонентах? Думается, логично. Все текстовые единицы, вне зависимости от их структуры и функции в тексте, одновременно и носители нового, и хранители старого. Они одновременно и принадлежат истории, и не принадлежат ей, являясь воплощением данного состояния языка. Но, разумеется, компоненты текста не однородны в этом плане. Одни из них в большинстве случаев воспроизводятся в готовом виде. Правда, они тоже видоизменяются, неслучайно, например, морфемы и слова мы называем единицами языка: их изменение от текста к тексту хотя и наблюдается, но сходства, общности в этих единицах значительно больше, и создается впечатление, что они вообще не изменяются и поэтому служат единицами измерения известного тождества текстов.

Другие компоненты текста оцениваются иначе — как образуемые, создаваемые в данном тексте. Первые Шерба назвал мертвыми, вторые — живыми все вновь и вновь образуемыми⁶. К последним относятся не только словосочетания и предложения (это очевидно), но и формы слов в виде грамматических, лексических и синтаксических неологизмов. Такое разграничение готовых и вновь образуемых компонентов текста, конечно, является относительным. Нет абсолютно готовых и абсолютно новых компонентов. Возьмем явный неологизм — «Июль обезночел» В. Маяковского. Представляется очевидным, что новым здесь является способ выражения идеи «Июль лишился ночей», суть которого заключается в не использованном ранее сочетании морфем. Но, не говоря об известной ранее модели — образце (ср. *обезножел*), все морфемы уже много раз употреблялись. Следовательно, они-то и суть носители старого? Да, но поскольку ни одна морфема не существует изолированно от других морфем, мы должны считать, что «сочетаемость» есть ее признак, ее свойство, изменение которого не позволяет ставить знак равенства между суффиксом *-е-* в *обезножел* и *-е-* в *обезночел*. Вместе с тем это одна и та же морфема. Такова диалектика языка! Готовые компоненты являются новыми, в то же вре-

мя образуемые — готовыми. В этом, между прочим, заключается один из доводов против подходов к языку как к статической системе, когда к «языку», т. е. предмету лингвистического исследования, относят лишь готовые единицы, вошедшие в общее употребление.

Дериватология как динамическая дисциплина имеет дело, очевидно, не с готовыми единицами, а с вновь образуемыми. Именно процесс их образования служит основным объектом изучения в дериватологии. Но так как процесс протекает во времени, то возникает вопрос, о котором мы уже упоминали: не относится ли дериватология по предмету исследования к дисциплинам исторического цикла? На первый взгляд, так и должно быть. Во всяком случае, именно фактор времени нередко мешает расценивать деривацию как синхронный процесс. Однако здравый смысл подсказывает, что природа деривации синхронна. И дело, разумеется, не в том, что время, затрачиваемое на образование в тексте той или иной единицы, достаточно мало, чтобы можно было им пренебречь, — довод, имевший силу, если бы речь шла о гносеологической стороне деривации. В процессе познания при сопоставлении производных и производящих единиц мы действительно пренебрегаем этим временем, употребляя, например, термин «деривационная история»: все хорошо понимают, что символ «история» имеет здесь условный, т. е. «вне-исторический», смысл. Но деривация для нас онтологически значима, и поэтому фактор времени в любом случае мы не можем не учитывать, по крайней мере, в наших теоретических рассуждениях о деривации.

Логическое противоречие, с которым мы здесь сталкиваемся, на самом деле только кажущееся, оно разрешается очень просто, ибо время, как бы мы ни рассматривали язык — в диахронном или синхронном срезе, в действительности не устраняется из языка. Но если деривационный процесс, обладающий определенной временной протяженностью, протекает одновременно с множеством других аналогичных процессов, то, значит, он принадлежит синхронии языка так же, как и те правила (законы), по которым он происходит, и те операторы, с помощью которых он осуществляется. На этом основании деривационную историю производной единицы можно, в свою очередь, понимать как единицу языка, входящую в его динамическую систему. Динамическая система языка в той же степени синхронна, в какой синхронна система готовых единиц, хранящихся в памяти говорящего.

Все это, как ни парадоксально на первый взгляд, не значит, что деривация вообще внеисторична. Она носит исторический характер уже потому, что в каждую историческую

эпоху деривационные правила и процессы, им подчиняющиеся, своеобразны. Правда, существуют общие, универсальные законы деривации, которые действуют на протяжении всей истории языка и во всех языках. Таков, в частности, закон компрессии. Но есть всекие основания утверждать, что сегодня этот закон действует не так, как, например, в древнерусском языке, — не так в статистическом отношении и избирательно относительно тех или иных участков системы языка. В общем довольно тривиальное положение, согласно которому результаты деривационных процессов накапливаются в истории языка, передаются из поколения в поколение, а средства деривации каждый раз как бы «извлекаются» из истории, также свидетельствует о том, что деривация по своей природе не только синхронна, но и диахронна, и поэтому должна изучаться в том и другом аспектах.

Однако «синхронно-диахронная» диалектика деривации принадлежала бы просто спекулятивной философии, т. е. имела бы лишь общетеоретическое значение, если бы она не находила подтверждения в онтологии языка. Обратим внимание в этой связи на то, что деривационные процессы неоднородны относительно синхронии и диахронии. Одни процессы мы называем собственно деривационными, другие — дериватоидными. Собственно деривационные процессы приводят к образованию новых единиц (неологизмов в самом широком смысле) уже в процессе построения текста. Таковы контаминация, компрессия, универбизация, метафоризация, конверсия и др. Эти процессы в основном связаны с творческим началом в языке. Иное дело — дериватоидные процессы. Это процессы, прежде всего связанные с неоднократным воспроизведением в речевых актах уже образованных единиц. В результате такого воспроизведения в языке постепенно «накапливаются» новые качества данной единицы, наблюдается переход количества в качество, и мы получаем новую единицу. К дериватоидным процессам следует относить морфолого-синтаксический способ словообразования, когда постоянно употребляемые рядом стоящие слова сливаются в одно слово, ср. образование сложных предлогов («в отношении к»); так называемое опрощение сложного (производного) слова, которое имеет место всякий раз, когда производное слово употребляется в функции готового; процессы фразеологизации, когда то или иное образное выражение превращается во фразеологизм.

Нетрудно видеть, что собственно деривационные процессы «тяготеют» к синхронии, а дериватоидные — к диахронии. И дело здесь не только в количестве времени, затрачиваемом на образование новых единиц в том и другом случае. Хотя

обычно дериватоидные процессы в большей степени долговременны, не это играет решающую роль в их соотносительности с диахронией, а не с синхронией: иногда единица приобретает новое качество при воспроизведении ее в одном и том же тексте. Не столь существенно для данного разграничения этих процессов и то обстоятельство, что дериватоидные процессы, как правило, выполняют функцию «закрепителя» в языке результатов собственно деривационных процессов, например, существительные типа *столовая* первоначально возникли как результат компрессии. Важнее указать на то, что в основе собственно деривации лежат правила образования текстов, а в основе дериватоидных процессов — правила воспроизведения в тексте единиц, извлечения их из памяти носителя языка. Таким образом, собственно деривационные процессы синхронны потому, что они предназначены для производства в текстах новых единиц языка, а дериватоидные диахронны потому, что предназначены для воспроизведения в текстах прошлого состояния языка, т. е. его истории, хотя в результате такого воспроизведения и образуются новые качества слов, языка в целом.

Очевидно, что деривационные в собственном смысле и дериватоидные процессы тесно связаны между собой и предполагают друг друга. Язык не был бы столь совершенным орудием общения без тех и других одновременно. Рассмотрим в качестве примера употребление слова *момент* в практике спортивных комментаторов. Это слово используется в значении «острый момент». С большой долей вероятности можно утверждать, что указанное значение появилось как результат компрессии-метонимии: *острый момент* → *момент*. Какие факты говорят об этом? Употребление данного слова с противоположным значением (неострый, вялый момент) в спортивном комментарии не наблюдается. Первоначально это слово я зафиксировал в речи Н. Озерова в восклицательном предложении с очень эмоциональной окраской («Какой момент у ворот Третьяка!») — в матче с канадцами несколько лет назад. В таком предложении опущение определения *острый* вполне оправдано: отсутствие его восполняется конструкцией и интонацией, не говоря уже о ситуации. Следовательно, перед нами типичный случай синтаксической компрессии. Но это слово начинает употребляться без каких-либо определений (кроме чисто местоименных) уже в других конструкциях: «Момент был упущен. Не было моментов у ворот. Хоккеист умеет выбрать момент» и т. п. Произошло чисто формальное изменение, которое сопровождалось и более существенными изменениями — семантическими: слово, сохранив связь со значением «острый момент», приобрело бо-

лее широкое, расплывчатое значение: например, удобный момент — для создания острой ситуации и т. п. У слова появляется новое качество и сравнительно со значением, к которому привела компрессия. Причем новое качество не всегда остается незамеченным говорящими. Тот же Н. Озеров в одном из своих последующих комментариев (3 мая 1985 г., матч СССР — США) сказал: «Еще один момент у ворот Мышкина, если это можно назвать *моментом*». Комментарий к этой фразе, я думаю, излишни.

В заключение следует подчеркнуть, что в статье была предпринята попытка увязать вынесенные в заголовок понятия с идеей динамизма языка — идеей, которая в современной лингвистике представляется центральной. Некоторые рассмотренные положения кажутся очевидными, другие — требуют конкретного развития и дальнейшего обсуждения.

¹ О соотношении синхронного анализа языка и исторического изучения языков. М., 1969; Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 116.

³ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

⁴ См. основные труды В. фон Гумбольдта в новом переводе на русский язык: «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества» (особенно раздел «Форма языка» и «Природа и свойства языка вообще») в книге «Избранные труды по языкознанию» (М., 1984); философскую работу А. А. Потебни «Мысль и язык» в книге «Эстетика и поэтика» (М., 1975); Н. А. Крушевского «Очерк жизни о языке» и др. См. также: Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1968. Гл. 4, 7; Мурзин Л. Н. Логическая и психологическая трактовка синтаксических процессов. Пермь, 1980.

⁵ Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. I. С. 68.

⁶ Щерба Л. В. Новая грамматика // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 77.

В. А. МИХАЙЛЕНКО
Тульский пединститут

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОСВЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Функционирование структур, содержащих прямую или косвенную речь в качестве структурно обязательного компонента модели, следует рассматривать как пример синтаксической деривации. В качестве ведущего деривационного процесса, лежащего в основе образования сложных предложений

при взаимодействии соположенных структур анализируемого типа, выступает контаминация. Сущность контаминации «сводится к взаимодействию готовых предложений, в результате которого получается новое предложение»¹.

Семантика глаголов речемыслительного акта детерминирует семантическую структуру предложений с чужими речениями как синтаксическими построениями особого рода. Авторы «Русской грамматики» признаком прямой речи считают отсутствие синтаксической связи между авторским планом и чужой речью, в случае косвенной речи признается наличие такой связи, а именно — изъяснительной. Таким образом, конструкции первого типа не получают классификационной характеристики, а конструкции второго типа относятся к сложноподчиненному предложению². Будучи словами открытой семантики, глаголы речи в составе анализируемых синтаксических конструкций обладают фразовой валентностью относительно придаточного дополнительного предложения, являющегося синтаксическим дериватом финитного глагола. Глагольность служит важнейшим признаком интродуктивного предложения, что значительно осложняет структуру результирующего предложения. Интродуктивное предложение, выступающее в функции развернутого члена предложения — дополнения, раскрывает содержание глаголов речи в большей степени, чем объект-позиция. Предложение с косвенной речью: (1) Полковник рассказал, что манифест об объявлении войны уже вышел в Петербурге (Л. Н. Толстой) может быть представлено как дериват выражения, содержащего две пропозиции: Полковник рассказал (об этом) и Манифест об объявлении войны уже вышел в Петербурге. Структура результирующего предложения анализируемого типа характеризуется тем, что базовое предложение может содержать эксплицитно или имплицитно выраженное местоименно-указательное слово (о том), с которым денотативно соотносится все интродуктивное предложение.

Семантика модусных глаголов речи, образующих результирующее предложение такой структуры, детерминирует определенную семантическую модель предложения, включающую четыре обязательных компонента: сообщаемый факт, факт сообщения, участника сообщаемого факта и участника факта сообщения, будь то отправитель или адресат³. «Сообщаемый факт» тождествен интродуктивному предложению, а «участник сообщаемого факта» — его грамматическому подлежащему. «Факт сообщения» соотносится с содержащим диктумный предикат базовым предложением, а «участник факта сообщения» — с грамматическим подлежащим или косвенным дополнением базового предложения.

Интродуктивное предложение в составе результирующих предложений указанного вида может утрачивать статус предложения и становиться словосочетанием. Создание такого номинативного эквивалента интродуктивного предложения оказывается возможным благодаря семантико-синтаксическим свойствам глаголов речи как лексических единиц открытой семантики. Особенность операции подстановки заключается в том, что главное предложение, деривационно восходящее к базовому, имеет пустую позицию, представленную указательным местоимением «это», которое реализует свою валентность в зависимости от глагольного управления, и предполагающую употребление на основе этого соответствующего местоименно-указательного слова. С последним семантически соотносится содержание всего придаточного предложения, деривационно восходящего к интродуктивному предложению. Ср.: Полковник рассказал о выходе в Петербурге манифеста об объявлении войны. При операции свертывания интродуктивного предложения оператор подчинения «что» элиминируется как формальный маркер придаточной изъяснительной части сложноподчиненного комплекса указанного типа.

Сообщения, основывающиеся на косвенной информации, отличаются от собственного сообщения коммуникатора не только смещением лица, грамматического времени, наклонения и других шифтерных категорий, но и изменением формы вопросов, приказаний и других волеизъявлений. По наблюдению Д. Вундерлиха, при внутриязыковой транспозиции в виде перифраз и включения в косвенную речь сохраняется пропозициональное содержание высказывания, но происходит изменение структуры пропозиции⁴.

Зародившаяся в недрах прямой речи косвенная речь не сразу «выработала» современный стереотип косвенного высказывания со смещением указанных шифтерных категорий. В частности, в немецком языке чужая речь характеризовалась набором различных грамматических признаков в различные периоды развития языка. По-видимому, следует предположить, что прямая речь как непосредственная языковая форма воспроизведения чужого высказывания и его эмоционального содержания представляет для германских языков, как, впрочем, и для других, более древнее состояние. На этот факт указывает немецкий лингвист О. Бехагель: «Самым первоначальным способом передачи слов или мыслей другого лица является тот, при котором содержанию этих слов или мыслей предпосылается глагол речевого или мыслительного акта именно в той форме, в какой эти слова произносились мысленно или вслух. Кажется несомненным, что

индоевропейский язык не знал иного способа выражения подобного содержания»⁵. В частности, прямая речь выступает в качестве предложения-дериванта в таком древнем германском языке, как готский, основной письменный памятник которого — «Серебряный кодекс» — представляет собой рукописный вариант перевода библии. Для диахронического описания данного явления в германских языках готский материал ценен тем, что «структура готского языка сохраняет систему архаичных черт германской группы языков, близкую многим особенностям общегерманского языка»⁶.

В готском языке отражен факт преимущественного использования форм непосредственного воспроизведения чужой речи третьим лицом, т. е. прямой речи, в подавляющем большинстве случаев передачи воспроизводимого высказывания. Например: (2) *Jah qap du im; ga ggi* (И сказал им: Идите — Matth. VIII, 32); (3) *Jah sai, manna prutsfill habands durrinnands inwait ina qipands: frauja, jabai wileis, magt mik gahrainja* (И вот, подошел прокаженный, поклонился ему, говоря: Господи, если хочешь, можешь меня очистить — Matth. VIII, 2).

Однако уже в готском языке обнаружены синтаксические построения с глаголами речи *qipan* «говорить», «сказать», *godjan* «говорить», вводящими с помощью союза *patei* «что», реже — его синонимов *ei*, *rei*, придаточные дополнительные, передающие содержание чужого высказывания. Способы передачи чужого высказывания в готских текстах еще не зафиксированы достаточно грамматически полно, они переживают период становления и синтаксического оформления в особую структуру. При этом семантико-синтаксический статус членов предложения-дериванта (прямой речи) и членов предложения-деривата (косвенной речи) сохраняется независимо от того, выработан ли уже в языке синтаксический стереотип косвенной речи или он только выделяется из структуры прямой речи. Перформативный глагол речемыслительного акта и в исходном, и в производном предложениях занимает вершинную позицию сказуемого. В этот период развития древних германских языков «... синтаксическая структура косвенной речи ... отличается недостаточной синтаксической оформленностью. Грамматические формы ее выражения не отстоялись еще в привычных, прочных рамках, ее структура еще текуча ... Сфера применения косвенной речи, кроме того, ограничена, непоследовательна. Все это мешает ей стать свободной и гибкой синтаксической категорией»⁷.

Общими признаками оформления косвенной речи как опосредованной разновидности воспроизводимой речи являются зависимость от предложения, содержащего акт высказыва-

ция, и перестройка лексико-грамматических отношений внутри зависимого предложения с учетом личности автора, передающего высказывание. Однако в готском языке не всегда эксплицитно выражено такое релевантное средство грамматической характеристики косвенной речи, как переключение шифтерных категорий. В нем прямая речь находится на различных ступенях транспозиции в косвенную речь. Выражая идентичное содержание, придаточное предложение может полностью сохранять грамматическую оформленность шифтерных категорий прямой речи: (4) *Jah qam at imma pruttsfill habands, bidjands ina jah kniwam knussjands jah qipands du imma patei jabai wileis, magt mik gahrainja n* (И пришел к нему прокаженный и, умоляя его и падая пред ним на колени, и говоря ему, что если хочешь, можешь меня очистить — *Marc. I, 40*). Единственное отличие структуры прямой речи (см. пример 3) от структуры косвенной речи заключается в наличии в последней комплементаризера (оператора подчинения) *patei* «что».

При транспозиции прямой речи в косвенную в готском языке, как правило, происходит одновременное переключение не всех шифтерных категорий, а лишь некоторых, т. е. осуществляется один шаг деривации. Еще не переключенные шифтерные категории пока не отпочковались от соответствующих элементов прямой речи, сохранив генетическую связь с исходной структурой, в недрах которой они зародились. Деривационные процессы в языке свидетельствуют, таким образом, о том, что язык не делает резких скачков в своем развитии. Ср., в частности, случаи отсутствия переключения лица: (5) *Jah bigitandans ina qerun imma patei allai rik sokjand* (И нашедши его, говорят ему, что все тебя ищут — *Marc. I, 37*). В некоторых случаях в силу отсутствия личного местоимения как эксплицитного средства выражения лица и числа глагола единственным маркером может выступать морфологическая форма глагола. Например: (6) ... *swaswe usgeisnodedun allai jah hauhidedun mikiljandans gup, qipandans patei aiw swa ni gasehvum* (... так что все изумлялись и прославляли бога, говоря, что никогда ничего такого мы не видали — *Marc. II, 12*). В другой редакции этого отрывка использована форма 3 лица множественного числа претерита *gasehvun* «они видели», что свидетельствует о переключении лица в косвенной речи. Наличие двух различных морфологических форм доказывает, что в готском языке еще отсутствовал четко выработанный стереотип грамматического оформления косвенного высказывания в сфере шифтерной категории лица.

Переключение шифтерной категории лица могло обуслов-

ливаться прагматическими факторами. Показательным представляется способ передачи прямого и косвенного высказывания в диалогическом единстве, репрезентирующем коммуникацию двух персонажей — Иисуса и Пилата — в главе XVIII «От Иоанна»: (7) *(paruh) galaip in praitauria aftra Peilatus jah wopida Jesu qaruh imma: pu is piudans Judaie?* (Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал ему: Ты царь иудейский? — *Joh. XVIII, 33*). Ответная реплика Иисуса также передается в форме прямого высказывания: (8) *andhof Jesus: piudangardi meina nist us ramta fairhvau* (Отвечал Иисус: Царство мое не от мира сего — *Joh. XVIII, 36*). В двух последующих репликах сохраняется ситуация прямой коммуникации, предусматривающая участие в беседе 1 и 2 лица: (9) *paruh qar imma Peilatus: an nuh piudans is pu? Andhafjands Jesus (qar): pu qipis ei piudans im ik* (Тогда сказал ему Пилат: Итак, ты царь? Отвечая, Иисус сказал: Ты говоришь, что я царь — *Joh. XVIII, 37*).

Переключение лица в косвенном высказывании позволяет различать субъект высказывания, говорящего, и передающего высказывание, или автора, так как сохранение системы лиц прямой речи привело бы к затушевыванию отношений между коммуникантами: Ты говоришь, что ты царь. Отмечая факт двойного оформления воспроизводимой речи, а именно включение содержания прямой речи одного персонажа в прямую речь другого персонажа, Т. В. Строева в исследовании, посвященном модальности косвенной речи в немецком языке, указывает, что «переплетение двух одинаковых личных планов здесь так же неуместно и неудобно, как неудобной была бы и передача обоих высказываний в плане лиц косвенной речи (ср.: «Иисус сказал, что он сказал, что он царь»), где «он» раскрывалось бы то как Пилат, то как Иисус⁸.

Отмечаются также случаи отсутствия переключения грамматического времени и наклонения. Например: (10) *amen, qipa izwis, patei andnemun mizdon seina* (Истинно говорю вам, что они уже получили награду свою — *Matth. VI, 16*); (11) *qipuh pan izwis patei nih Saulaumon in allamma wulpau seinamma gawasida sik swe ains pize* (Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них — *Matth. VI, 29*). В подавляющем большинстве интродуктивных предложений, передающих содержание косвенного высказывания, употребляется индикатив. Формы оптатива используются в аналогичных синтаксических условиях, как правило, при выражении нереальности косвенного высказывания, его предположительного или це-

левого характера: (12) *Jah habaidedun fiskans fawans, jah pans gariupjands qar ei atlagidedeina jah pans* (Было у них и несколько рыб, и, благословив, он сказал, чтобы раздали и их — *Marc. VIII, 7*). Употребление индикатива как глагольного наклонения, отражающего реальный факт, во многом объясняется широким контекстом, знанием экстралингвистической ситуации. Говорящий уверен в описываемом им «положении вещей», передаваемом содержанием косвенного высказывания, считает его истинным, отражающим реальную ситуацию, о чем свидетельствует использование форм изъявительного наклонения, а не оптатива как гипотетического наклонения. Например: (13) *qira izwis patei managei fram urgunsa jah saggqa qimand* (Говорю же вам, что многие придут с востока и запада — *Matth. VIII, 11*). Косвенная речь может включать содержание распространяемых книжниками и фарисеями слухов, которым автор «Серебряного кодекса», конечно, не мог верить в силу своих взглядов, и тем не менее в ней употребляется индикатив как наклонение реальности: (14) *Jah bokarjos pai af Jirusaulwmai qimandans qerup patei Baiailzaibul habaip, jah patei in ramma reikistin un hulpono uswairpir paim un hulpon* (А книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что он имеет в себе веельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя — *Marc. III, 22*).

Синтаксической перестройкой типа речи (прямая речь → косвенная речь) в готском языке не регламентируется переключение временных форм глагола, как в современном немецком языке. Во многом это объясняется существованием в глагольной системе готского языка только двух синтетических временных форм действительного залога — настоящего времени (презент) и прошедшего времени (претерит) — при отсутствии аналитических форм и вследствие этого относительного употребления времен. В примере (11) глагольная форма претерита *gawasida sik* («кодевался») имеет значение предшествования относительно момента речи в настоящем, что соответствовало бы перфекту в современном немецком языке.

Презент в футуральном значении, служащий для обозначения относительного значения последующего действия по отношению к акту высказывания в настоящем или прошлом, функционально соотносится с футурумом или кондиционализмом в современном немецком языке. Например: (15) *wvaiwa ru qipis patei frijas wairpir?* (Как же ты говоришь, что станете свободными? — *Joh. VIII, 33*). При побудительно-повелительном характере содержания воспроизводимого высказывания значение футуральности передается сочетанием

формы настоящего времени глагола *haban* «иметь» с другим глаголом (например *wisan* «быть»). Глагольное действие, выражаемое придаточным предложением, транспонировано в сферу будущего по отношению к моменту акта высказывания благодаря значению долженствования, вносимому глаголом *haban* в анализируемую конструкцию. Например: (16) *Jah qar paim siponjam seinaim ei skip habaip wesi at imma in pizos manageins, ei ni praiheina ina* (И сказал ученикам своим, чтобы готова была для него лодка, по причине большого стечения народа, чтобы не теснили его — *Marc. III, 9*).

Таким образом, структура главного предложения не оказывает влияния на грамматическое оформление косвенной речи, которая функционирует с точки зрения употребления временных и залоговых форм совершенно автономно, как самостоятельное целое, с полным сохранением тех временных и залоговых форм, которые непосредственно используются субъектом высказывания, говорящим, в прямом коммуникативном акте. Отсутствие синтаксического сдвига свидетельствует о том, что в готском языке грамматические способы воспроизведения чужого высказывания еще не вылились в строгие структурно-логические формы.

Подобно готскому языку, в другие периоды развития немецкого языка также отмечается факт преимущественного использования форм непосредственного воспроизведения чужой речи третьим лицом. Например, в древневерхненемецком языке: (17) *Uuard tho gitân in thên tagun, framquam gibot fon demo aluualten keisire, thaz gibrievit vvardi al these umbiuuerft* (В те дни вышло повеление от всемогущего императора сделать перепись по всей земле; буквально: чтобы переписана стала вся эта земля — *Tatian*). Отглагольное существительное (*nomen actionis*) *gibot* «повеление, приказ» не находится в контактной позиции относительно придаточного определительного, вводимого союзом *thaz* («что», «чтобы») и раскрывающего содержание императорского указа. В современном немецком языке ведущей нормой является непосредственное расположение этих частей высказывания относительно друг друга. Следует указать на использование в древневерхненемецком источнике описательного оборота с пассивным значением, состоящего из вспомогательного глагола *werdan* «становиться» и причастия прошедшего времени глагола *gibrieven* «переписать», в то время как в готском оригинале содержание высочайшего повеления передается инфинитивным оборотом: (18) *Warp rap in dagans jainans, urrann gagrefts fram kaisara Agustau, gameljan allana midjungard* (В те дни вышло по-

веление от кесаря Августа сделать перепись по всей земле; дословно: переписать всю землю — Luc. II, 1).

В готском языке «основной стержень залоговых противопоставлений образует ... противопоставление действительный залог—медиопассив»⁹, и медиопассив как синтетическая форма употребляется наряду с аналитической формой, состоящей из сочетания причастия II с формами претерита от глагола *waipra* «становиться». Отсутствие единой грамматической парадигмы страдательного залога «создавало пестроту и противоречивость в употреблении»¹⁰. В древневерхненемецкой период развития языка синтетическая форма медиопассива вытесняется указанным описательным оборотом с пассивным значением (*werden* + причастие II).

При транспозиции прямой речи в косвенную в древневерхненемецком языке переключение грамматического лица носит более регулярный характер, чем в готском: (19) *Sanctus Paulus kehiez tîen, dîe in sînên zîten uuândon des sûonetagen, tâz er êr nechâme, êr romanum imperium zegienge ûnde Antichristus rîchesôn begôndi* (Святой Павел возвестил тем, кто в его времена ожидал страшного суда, что он придет не раньше, чем погибнет Римская империя и начнется царствие Антихриста — Notker).

При временной одноплановости действия главного и придаточного предложений сложноподчиненного комплекса в настоящем времени используется индикатив, выражающий модальную характеристику достоверности воспроизводимого высказывания. Например: (20) *Thô quad imo daz uuîb: ... Unsara faterâ in thesemo berge betôtun, inti ir quedent, uuanta in Hierusalem ist stat dâr gilimphit zi bettônne* (Тогда сказала ему женщина: ... Наши отцы поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где подобает поклоняться, находится в Иерусалиме — Tatian). Употребление опатива в древневерхненемецком языке является обязательным условием для выражения модального значения побудительности, целевого характера высказывания. Аналогичные семантико-синтаксические факторы являются ведущими в сходных синтаксических построениях готского языка. Ср. примеры (21), (12) и (16); (21) *Tho quad imo sùm fon theru menigi: meistar, quid minemo bruder thaz her teile mit mir erdi* (Некто из народа сказал ему: учитель, скажи моему брату, чтобы он разделил со мною наследство — Tatian).

Отнесение глагольного действия в сферу прошедшего времени в базовом предложении ведет к употреблению морфологической формы претерита и в интродуктивной части сложноподчиненного комплекса анализируемого типа. В этом случае происходит сдвиг наклонения в направлении индикатива

→ конъюнктив независимо от того, отражает ли содержание косвенного высказывания реальное «положение вещей» или носит гипотетический характер. В готском же языке в аналогичных семантико-синтаксических условиях употреблялся претерит индикатива. Таким образом, и в готском, и в древневерхненемецком языке отмечена транспозиция всего содержания косвенного высказывания в план прошедшего, причем «претерит в придаточной части мог обозначать действие, которое одновременно с действием главной части, следует за ним или предшествует ему»¹¹, и несущественно, какую временную форму мог использовать субъект речи в прямом высказывании. Ср. соответственно древневерхненемецкий пример из Notkera (19), иллюстрирующий «будущее в прошедшем», и пример из готского (6), иллюстрирующий «прошедшее в прошедшем», т. е. предпрошедшее действие.

Употребление формы презенса в придаточном предложении после претерита в главном является оправданным в том случае, «если высказывание придаточной части, хотя оно относится к прошлому, сохранило свое значение для говорящего и в настоящее время»¹², другими словами, если глагольное действие, имевшее место в прошлом, продолжается и в настоящем. Ср. примеры (14) и (22): *Antuurtanti daz uuîb inti quad: «ni habu gomman». Thô quad iru der heilant: «uuola quâdi, thaz thû ni habes gomman; thû habêtôs finf gomman inti den thû nû habês, nist dîn gomman, thaz quâdi dû uuâr»* (Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Тогда сказал ей спаситель: правду ты сказала, что у тебя нет мужа; ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не твой муж, это справедливо ты сказала — Tatian).

Таким образом, в древневерхненемецком языке по сравнению с готским правила переключения грамматического лица, времени, наклонения и других шифтерных категорий в косвенной речи приобретают более строгий и систематичный характер.

На более позднем этапе развития немецкого языка, в средневерхненемецкой период, охватывающий XI—XIV вв., синтаксический шаблон косвенного высказывания получает дальнейшее развитие и закрепление в языке. Как показывает эмпирический материал, в готском языке в функции лексической единицы, вводящей и прямую, и косвенную разновидности воспроизводимой речи, преимущественно используется глагол *qîran* «говорить», «сказать», реже — его синоним *godjan*. Другие лексические единицы, например *andhafjan* «отвечать», выступают в указанной функции редко и, как правило, в сопровождении основного глагола говорения *qîran*, например, (9) ... *andhafjands Jesus (qar)* дословно

означает «отвечающий Иисус сказал». В древневерхненемецком языке обе разновидности воспроизводимого высказывания — и прямого, и косвенного — могут вводиться финитным глаголом *quedan* «говорить», «сказать», этимологически также восходящим к готскому *qīraþ*. Показательными в этой связи являются примеры (21), (22) из «Тациана». В средневерхненемецкий период развития немецкого языка происходит заметное увеличение количества глагольных лексем, способных выступать в функции вводящего компонента воспроизводимой речи: наряду с *sprechen* «говорить», «сказать» «еще 15 глаголов несут функцию ввода прямой речи, никогда не сопровождаясь поясняющим *sprechen*: это *sagen*, *jehen*, *vragen*, *reden*, *antworten*, *denken*, *ruofen*, *singen*, *klagen*, *vragrien*, *grüezen*, *lernen*, *erschellen*, *striten*, *raten*»¹³. Эти же глаголы обладают способностью вводить косвенную речь, причем базовое предложение может располагаться не только в препозиции относительно интродуктивного, но и в интерпозиции и постпозиции, например: (23) *Die drie künige wāren, als ich gesaget hān, / von vil hōhem ellen. in wāren under-tān/ ouch di besten recken, von den man hāt gesaget, / stārc únd vil küene, in scarpfen striten unverzaget* (Три короля были, как я уже сказал, людьми большого мужества и отваги. Им были подвластны также лучшие витязи, о которых говорили: они сильные и очень смелые, бесстрашные в жестоких сражениях — *Das Nibelungenlied*); (24) *Dō sprach der künic Gunther: «dā ist mir harte leit. / mir hāt nūn vrouwe Prūnhilt ein mēre hie geseit, / du habes dich des gerüemet, daz du ir scho nen līp/ allerērst hābes geminnet, daz sagt vrou Kriemhilt din wīp* (В ответ державный Гунтер: Скрывать не стану, зять./ Осмелилась невестке сестра моя сказать./ Что ты Брюнхильду первым познал в обиду мне./ И этим не побрезговал похвастаться жене — *Das Nibelungenlied*).

В средневерхненемецкий период уже отмечается тенденция использовать в функции введения воспроизводимых высказываний не только речевые глаголы, но и единицы других лексико-семантических групп, например психической сферы: (25) *Die zīt wart disen recken in gelfe vil gedreut./ Dancwart unt Hagene die wāren ungefreut./ wi ez dem künige ergienge, des sorgete in der muot./ si dāhten: «unser reise diu ist uns gescken niht zeguot»* (Смутила гордость девы гостей отважных дух./ Был Хаген нем и мрачен, взор Данкварта потух./ Что станет с государем? Как Гунтера спасти?/ «Домой, — так оба думали, — нам нет уже пути» — *Das Nibelungenlied*). Структура базового предложения может редуцироваться до состава вводного предложения: (26) *Der dritte der gesellen*

der ist sō gremelich, / (unt doch mit schönem lībe, küneginne rīch) / swinden sīnen blicken, der er sō vil getuot. / er ist in sīnen sinnen, ich wene, grimmē gemuot (Третий рыцарь тоже приятной наружности, моя повелительница, но он очень мрачный. Судя по быстрым взглядам, которые он бросает по сторонам, его дух, я полагаю, что-то терзает — *Das Nibelungenlied*).

Признаками подчиненности интродуктивного предложения являются оператор подчиненности — союз *daz* «что», синтаксическая структура косвенного высказывания, оптатив: (27) *Dō wart vroun Prūnhilde gesaget mit mēren / daz un-kunde recken dā komen wāren* (Вот сообразили Брюнхильде, что по морю прибыли неизвестные рыцари в прекрасной одежде — *Das Nibelungenlied*). При асиндетическом типе связи между базовым и интродуктивным предложением единственным признаком грамматической подчиненности последнего выступает оптатив. Например: (28) *Dō sprach diu küniginne: «heizet here gān/ den fürsten vonme Rīne, ich wil in hōren lān/ wie mich hāt gehōnet sīner swester līp./ si sagt hie offenlīche, ich sī Sīfrides wīp* (Пускай властитель рейнский сюда придет сейчас/ И от меня услышит, как я вот здесь, при вас,/ Его родной сестрою была оскорблена: Наложницею Зигфрида я ею названа — *Das Nibelungenlied*). Субъект глагола речи и субъект высказывания могут быть идентичны только в том случае, когда повествование ведется от первого лица. В таком случае базовое предложение выступает в качестве актуализатора речи: (29) *Dō sprach ein ir gesinde: «vrouwe, ich mac wol jehen/ daz ich ir deheinen nie mēr habe gesehen/ wan gelīche Sīfrīde einer darunder stāt./ den sult ir wol enpfāhen, daz ist mit triuwēn mīn gāt»* (Один из ее придворных сказал: Повелительница, я могу только сказать, что я никого из них прежде не видел. Разве что среди них есть один рыцарь, внешне похожий на Зигфрида — *Das Nibelungenlied*).

В средневерхненемецком языке наблюдается тенденция использовать оптатив не только в узкой сфере гипотетического действия, но и в более широкой сфере — для передачи субъективного мнения, суждения. В средневерхненемецком и особенно в современном немецком языке косвенную разновидность воспроизводимой речи при союзном типе связи между интродуктивным и базовым предложением отличает порядок слов придаточного предложения, когда позиции грамматического подлежащего и сказуемого оказываются крайне разведенными, и, следовательно, формально-грамматическая структура предложения вступает в противоречие с его логико-семантической репрезентацией. При асиндетическом типе

связи в таких предложениях устанавливается порядок слов, характерный для прямой разновидности воспроизводимой речи. В таком случае опатив (сослагательное наклонение) является единственным формальным маркером косвенности.

¹ Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974. С. 67.

² Михайленко В. А. Чужая и авторская речь в структуре предложения и текста // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983. С. 150.

³ Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 99.

⁴ Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt a. M., 1976. S. 71.

⁵ Behaghel O. Über die Entstehung der abhängigen Rede im Deutschen. Paderborn, 1877. S. 5.

⁶ Гухман М. М. Готский язык. М., 1958. С. 21.

⁷ Строева Т. В. Модальность косвенной речи в немецком языке: Дис... д-ра филол. наук. Л., 1950. С. 54—55.

⁸ Там же. С. 90.

⁹ Гухман М. М. Указ. соч. С. 174.

¹⁰ Там же. С. 179.

¹¹ Филичева Н. И. История немецкого языка: Курс лекций. М., 1959. С. 99.

¹² Там же. С. 99.

¹³ Строева Т. В. Указ. соч. С. 248.

М. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ
Институт русского языка АН СССР

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЯ И ЧЛЕНИМОСТЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА НА ПРЕДИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Известно, что в лингвистике одним из главных при выборе и обосновании принципов анализа является понятие уровня. Как писал Э. Бенвенист, «лишь с помощью этого понятия удастся правильно отразить такую существенную особенность языка, как его членораздельный характер и дискретность его элементов. ...Рассматриваемый текст любой длины прежде всего должен быть сегментирован на все более мелкие отрезки... разложение языковых единиц дает нам их формальное строение; интеграция же дает значимые единицы» (более высокого уровня. — М. П.)¹.

Задача представить связный текст в виде линейной последовательности предикативных единиц возникает как необходимое звено анализа при изучении процессов эволюции синтаксического строя в истории русского языка. Опираясь на общее представление о дискретности предикативных единиц (ПЕ) в ряду их следования в любом связном тексте, иссле-

дователь древнерусского синтаксиса уровня сложного предложения может наблюдать приемы и средства соединения ПЕ в сложные синтаксические конструкции, отвлекаясь при этом от априорного ретроспективного использования классификационных понятий, разработанных на материале языка более поздних этапов развития. Однако при членении древнерусских текстов на отдельные ПЕ исследователь сталкивается с тем, что характер синтаксического функционирования причастий препятствует непротиворечивости такого членения.

Предметом изучения в данной статье является статус древнерусского причастия с точки зрения членимости текста на ПЕ. Обсуждение этого вопроса требует учета данных всех синтаксических уровней: структурная схема ПЕ строится на основе множества конкретных предикативных словосочетаний; ПЕ как части входят в состав сложных синтаксических конструкций и — одновременно — представляют собой линейную последовательность, т. е. входят в связный текст как самостоятельные дискретные единицы.

Говоря о древнерусском тексте в аспекте членения его до уровня отдельных ПЕ, необходимо обратить внимание на ведущий архаический по сути принцип его построения. Этот принцип обычно называют цепочечным нанизыванием предикативных единиц². Определим некоторые существенные для темы статьи признаки организованного таким образом текста: а) перед каждой ПЕ, входящей в подобный текст, в том числе часто и перед первой, ставится начинательный союз; б) весь ряд ПЕ — открытый, количество ПЕ в цепочке обусловлено количеством передаваемой информации; в) порядок следования ПЕ в тексте соответствует реальному ходу излагаемых событий (какому-нибудь установленному соотношению фактов действительности); г) в таком тексте в принципе не должно быть оформленных сложных синтаксических конструкций.

В чистом виде тексты, построенные по названным принципам, встречаются в памятниках письменности сравнительно редко, чаще можно наблюдать разнообразные включения в подобный текст различных синтаксических конструкций уровня простого и сложного предложения. Однако общая структура древнего текста при этом в основном сохраняется.

В древнерусских текстах обычно маркируется начало очередной ПЕ ряда. Такую общую функцию выполняют следующие разряды служебных слов: начинательные союзы (и, а, да), синтаксические частицы (бо, ли, же)³, сочинительные и подчинительные союзы, корреляты. Эти средства могут быть

использованы как достаточно надежные показатели при членении текста до уровня отдельных ПЕ, и, таким образом, наличие служебного средства есть показатель наличия самостоятельной ПЕ как единицы связного текста.

Известно, что синтаксические служебные средства может отличать полифункциональность, т. е. слабая специализация для обозначения определенных типов синтаксической связи. Так, слово *и* функционирует на трех синтаксических уровнях: в пределах простого предложения *и* соединяет однородные члены; в пределах сложного предложения *и* — сочинительный союз, соединяющий две ПЕ в сложную синтаксическую конструкцию; в рамках текста, построенного по принципу цепочечного нанизывания ПЕ, *и* — начинательный союз, присоединяющий очередную ПЕ ряда и маркирующий начало очередной ПЕ. Отметим, что в простом и сложносочиненном предложении *и* соединяет равноправные в синтаксическом отношении элементы, а в качестве начинательного союза *и* следует рассматривать как средство текстовой связи ПЕ, т. е. функционирование этого служебного слова реализуется вне рамок предложения. Отсюда в текстах с цепочечным нанизыванием ПЕ в принципе не должно быть однородных членов (они возможны только в рамках простого предложения), и в этих текстах не может реализоваться свойство обратимости (присущее частям некоторых сложных предложений). Тем не менее часто встречающееся в древних текстах употребление ряда глагольных форм, обычно соединенных словом *и*, не следует воспринимать как ряд однородных сказуемых, отнесенных к одному субъекту действия. Эти так сказать неполные синтаксические конструкции, выступающие в позиции между двумя начинательными союзами, нужно, по-видимому, рассматривать как отдельные ПЕ, т. е. как звенья цепочки ПЕ, составляющих связный текст⁴. Возможно, в этой особенности отражен такой этап развития письменной речи, когда не ощущалась еще необходимость эксплицировать каждый раз оба члена предикативного словосочетания.

Обратимся к примерам употребления причастий в древнерусских текстах.

(1) ... и вступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одолЕти нача Ярославъ, видевъ же Святополкъ, и побеже, и одолЕ Ярославъ, Святополкъ же бежа в ляхы...⁵; (2) ... и паде шатер, и полци Аликсандрови видевши падение шатра того, и възрадовашеся⁶; (3) ... они же видЕвше с оной страны и приехаша в лодьи противу ему и взяша и в лодью и привезоша и к дружинЕ⁷; (4) ... и поидоста по ДнЕпру, и идуче мимо и узрЕста на горЕ градок и...⁸ Эти отрывки из летописей — образцы текстов, построенных по принципу цепочеч-

ного нанизывания ПЕ. В примерах (1) и (2) в линейную последовательность включены полные двусоставные предложения, для чего использованы два взаимоисключающихся служебных слова: начинательный союз *и* и синтаксическая частица *же* (последняя в позиции второго слова при смене субъекта действия). В примерах (3) и (4) нет смены субъектов действия, они не выражены специальной словоформой, а отражены лишь в согласовании форм предикатов.

Причастия во всех случаях функционируют наряду с глаголами-сказуемыми, выступают в аналогичных с ними синтаксических функциях. С современной нам точки зрения, здесь как бы употреблены «лишние» *и*, так как согласованные с именами причастия не могут теперь выступать в предикативных словосочетаниях, т. е. составлять предикативную основу предложения. Однако это *и* включает причастия в ряды предикатов, выстроенных именно в той последовательности, которая соответствует реальному ходу описываемых событий (изъять или переставить эти причастия, не нарушив смысла, невозможно). Причастия употреблены здесь наряду с финитными формами глаголов. Очевидно, что в приведенных примерах причастия, как и глагольные формы, выполняют синтаксическую функцию сказуемого.

Иной характерный пример: ... Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и увЕдЕвъ, яко своего князя, пославъ к ним, иже около ео суть, рече им ...⁹ Здесь непонятно употребление формы *пославъ*: мы бы ожидали форму 3 л. ед. ч., так как перед *пославъ* нет повтора *и* (испытавъ и увЕдЕвъ посла). С другой стороны, форма *пославъ* семантически явно связана с аористом *рече* (послав рече). Таким образом, позиция причастия *пославъ* в тексте такова, что его синтаксическая функция не эксплицирована. Скорей всего, этот отрывок — пример такой организации сложного текста с рядом сложноподчиненных предложений, при которой в качестве сказуемых в главных предложениях безразлично употребляются как формы глаголов, так и формы причастий, все они отнесены к одному субъекту действия (испытавъ, чья еста; увЕдЕвъ, яко князя; пославъ к ним, иже около суть; рече им ...). Дискретность этих структур обозначена специализированными служебными средствами (частица *же*, союзы *яко*, *иже*, союзное слово *чья*); функция служебного слова *и* воспринимается противоречиво: оно или соединяет однородные члены предложения (испытавъ и увЕдЕвъ), или же продолжает выполнять роль начинательного союза в тексте, организация которого претерпела уже принципиальные изменения. Обратим внимание на то, что между формой причастия *пославъ* и аористом *рече* отсутствует маркирующее начало ПЕ служеб-

ное средство. Перед нами пример употребления причастия в такой синтаксической функции, которую теперь принято называть второстепенным сказуемым. В современном русском языке это функция деепричастия. Если причастие выступает в такой функции, то оно и глагол оказываются в пределах одной ПЕ.

Приведем еще несколько подобных примеров: И пославши Ольга къ деревлянѡмъ, рече имъ...; Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зело и възвариша. Ольга же, помши мало дружины, легко идущи приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ¹⁰; Пославъ нача поимати у нарочитые чади дЕти и даяти нача на ученье книжное¹¹; и посла къ деревлянѡмъ, рькущи аще...¹²; и видЕвше греци, и убояшася, и рЕша выславше ко Олгови¹³. Большинство этих примеров из Повести временных лет выписаны из текста, посвященного одному и тому же эпизоду. В этом отрывке находятся также и случаи употребления причастий, подобные тем, которые были рассмотрены выше, например: принявши Ольга и рече ... Таким образом, можно констатировать, что в текстах древнерусских памятников письменности причастия — как и формы финитных глаголов — могут выступать в функции предиката-сказуемого в отдельной, самостоятельной ПЕ, и в то же время формы причастий могут выступать как второстепенное сказуемое, совместно с финитной формой глагола-сказуемого в пределах одной ПЕ.

Слово *и* является в древнерусских текстах таким средством синтаксической связи, которое чаще других можно отметить в функции равноправного соединения в одну общую смысловую линию форм причастий и форм финитных глаголов, но начало самостоятельных ПЕ, составляющих связный текст, может маркироваться и другими формальными средствами синтаксической связи. Приведем некоторые примеры: и даша един от них 100 бел на трапезу, а молвя таково слово...¹⁴; ... Юрьи же самъ не иде, ни послуша князеи резаньских молбы, но хотя сам особъ брань творити¹⁵; Да приходячи Русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже придуть гости, да емлют мЕсячину на шесть мЕсяць...¹⁶; ...и пойдоста по Волзе кдЕ приидуча в погость, ту же нарекаста лучьшиЕ жены, глаголюща, яко...¹⁷; сей убо прииде к святому Сергию, яко же велию веру имеа ко старцу, въпросити его, аще повелит ему противу безбожных изити: ведяще бо мужа добродетелна суца и дар пророчества имуща¹⁸.

В свое время вопрос об употреблении причастий в текстах древнерусских памятников письменности исследовал А. А. Потебня. Он рассматривал и случаи употребления *и* между формой финитного глагола и формой причастия, и случаи без

союзов между ними¹⁹. Положение причастий в грамматическом строе древнерусского языка А. А. Потебня связывает с незавершенностью общего процесса противопоставления категорий имени и глагола²⁰. В области синтаксиса это проявляется в том, что в простом предложении формы причастий могли выступать как в аппозитивной (определятельной при имени), так и в предикативной функции. Противоречие, выражающееся в недифференцированности специализации синтаксических функций причастий, в истории русского языка разрешается на морфологическом уровне — образованием категории деепричастия: «Так, из причастия, как определения, получается деепричастие, которое не остается в роли определения по наследству, а создает новую роль»²¹.

Тезис о развитии в истории русского языка категории деепричастия на базе причастий мы пытаемся представить со стороны статуса ПЕ с причастием в функции сказуемого, т. е. рассмотреть вопрос о предикативности словосочетаний типа *князь вставъ*. С этим связан вопрос о двучленности структуры предложения, точнее — об исторической изменчивости этого свойства. Как пишет Д. Н. Шмелев, «поскольку основа возникновения предикативного значения все-таки в сочетании двух приспособленных для проявления такого значения словоформ, принятие именно двучленной конструкции, двучленного словосочетания за исходную точку организации предложения представляется более реалистичным». И далее: «Если сочетание словоформ отличается той особенностью, что становится законченной отдельной частью текста... грамматически и интонационно независимой от смежных с ним частей того же текста, то этому сочетанию приписывается свойство предикативности, а само оно обозначается как предикативное»²².

Эти общетеоретические положения позволяют, как представляется, осмыслить следующим образом результаты анализа функционирования причастий в древнерусских текстах. Опираясь на служебные средства как на формальные показатели предикативности (дискретности) отрезков текста, мы обнаруживаем, что словосочетания типа *князь вставъ*, ограниченные с двух сторон формальными показателями «отдельности» ПЕ, самодостаточны для выражения такого звена текста, которое с необходимостью включается в цепь ПЕ, развертывающую общую последовательность описываемых событий. С другой — формальной — стороны, по-видимому, эксплицитно выраженная двусоставность каждой ПЕ ряда не являлась обязательным признаком отдельности ПЕ. Таким образом, в наборе предикативных словосочетаний древнерусского языка можно числить и словосочетания имен с прича-

ствиями. Наличие у них форм именного словоизменения и, тем самым, отнесенность к группе подлежащего могли на ранних этапах не препятствовать функционированию в текстах словосочетаний типа *князь вставъ* наряду с другими предикативными сочетаниями (в числе которых, как известно, весьма часто употреблялись и абсолютные причастные обороты).

Однако мы осознаем некоторую прямолинейность такого заключения. Изменение даже одного звена грамматической системы всегда есть результат взаимодействия комплекса явлений разных уровней языка; мы же берем только аспект функционирования ПЕ с причастиями в функции сказуемого. Для понимания исторического процесса дифференциации и специализации синтаксических функций причастий необходим учет и других сторон их существования в системе языка, в первую очередь — морфологического аспекта истории категорий причастия и деепричастия, а также данных современных диалектов русского языка²³.

Если принять общее положение о том, что «части речи — это морфологизованные, застывшие члены предложения»²⁴, то для определения грамматического статуса причастия в древнерусских текстах надо проанализировать синтаксическое функционирование его в пределах отдельных ПЕ. Однако сами эти ПЕ в древнерусских текстах с современной точки зрения характеризуются незавершенностью структурных схем, что, как мы пытались показать, обусловлено общими архаическими принципами строения рассматриваемых текстов. Нечеткая синтаксическая специализация причастий в пределах ПЕ отражает незавершенность развития в этом звене общего противопоставления имени и глагола. Данное звено — «точка роста», из которой развились современное деепричастие и современные принципы членения связного текста на отдельные ПЕ.

¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 129, 136.

² Ринберг В. Л. Древнерусские сложные конструкции и их современные параллели. Киев, 1975; Кершиене Р. Б. Преображенская М. Н. Организация текста по принципу цепочечного нанизывания предикативных единиц // Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., 1983.

³ Преображенская М. Н. Способ сцепления предикативных единиц с помощью частиц // Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., 1983.

⁴ Трестерова З. К некоторым особенностям связности древнерусского текста и их роли в перестройке «типа» синтаксиса // Восточные славяне. Языки, история, культура. М., 1985.

⁵ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII в. М., 1978. С. 156.

- ⁶ Слуцкая летопись // Полн. собр. русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 83.
- ⁷ Повесть временных лет. С. 80.
- ⁸ Там же. С. 36.
- ⁹ Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969. С. 79—80.
- ¹⁰ Там же. С. 42.
- ¹¹ Там же. С. 74.
- ¹² Там же. С. 42.
- ¹³ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. С. 44.
- ¹⁴ Житие Михаила Клопского // Изборник. С. 416.
- ¹⁵ Слуцкая летопись. С. 82.
- ¹⁶ Повести временных лет // Памятники литературы Древней Руси. С. 44.
- ¹⁷ Повесть временных лет // Изборник. С. 78.
- ¹⁸ Житие Сергия Радонежского // Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982. С. 250.
- ¹⁹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I—II. С. 190—192.
- ²⁰ Ср.: Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 12.
- ²¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. С. 80.
- ²² Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976. С. 9, 17.
- ²³ Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971; Они же. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол.
- ²⁴ Аванесов Р. И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. 1936. № 4. С. 54.

А. А. МОШЕВА
Пермский университет

СУБСТАНТИВАЦИЯ В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ)

«Синхронную динамику языка не следует смешивать с его диахронией, которая представляет собой исторический процесс развития одного синхронного состояния системы языка в типологически новое синхронное состояние»

С. Ю. Адливанкин, Л. Н. Мурзин
(О предмете и задачах дериватологии)

Важнейшим требованием современной лингвистики является разграничение фактов синхронии и диахронии при изучении языка. В значительной степени это относится к слово-

образованию. Е. А. Земская пишет: «Разграничение синхронного и диахронического подходов имеет большое значение при изучении словообразования, так как именно в этом разделе языкознания смешение диахронии и синхронии происходит особенно часто»¹. Исследуя способы русского словообразования, В. Н. Немченко также отмечает, что «в существующей специальной литературе (в том числе и учебной) способы словообразования с диахронической и синхронической точек зрения разграничиваются крайне непоследовательно»².

Е. А. Земская так определяет эти два принципиально различных аспекта: «Синхронное словообразование изучает отношения сосуществующих единиц, диахроническое — процессы превращения одних единиц в другие»³. Необходимым условием синхронной производности является наличие производящей основы при каждой производной основе. «Соотношение производных и производящих основ составляет суть механизма словообразования»⁴. Этими теоретическими положениями мы и будем руководствоваться, анализируя факты живой народной речи.

В настоящей статье предпринимается попытка показать различие между субстантиватами диахронического и синхронического планов. Материалом исследования послужили личные наблюдения автора над говорами Пермской области и городским просторечием, а также отдельные примеры, взятые из картотеки Акчимского словаря.

Субстантивация издавна привлекала внимание лингвистов. За последние тридцать лет интерес к данному языковому явлению особенно оживился. Ему посвятили свои труды такие ученые, как А. М. Барзилович, В. В. Лопатин, О. М. Доконова, И. И. Постникова, И. Ф. Протченко, В. М. Никитевич, В. В. Носкова, Е. П. Калечиц, В. М. Марков и др. Рассматриваются самые различные вопросы; например, о том, как возникают субстантиваты, каковы их соотношения с однокоренными суффиксальными именами существительными и стилистическая роль, степень субстантивированности отдельных слов, семантические разряды и т. д. Исследования ведутся на материале словарей современного русского литературного языка, произведений художественной литературы, публицистики, фольклора, народных говоров.

Из доступных нам специальных работ, посвященных субстантивации в диалектах, назовем статью В. Н. Светловой по свердловским и тюменским говорам⁵. Это интересное и ценное в научном отношении описание, привлекающее обилием достоверного фактического материала и своеобразной его подачей. Выделены следующие группы субстантивированных

прилагательных: слова женского рода с суффиксом *-н-* и его производными; слова среднего рода абстрактного значения; субстантивированные прилагательные полной формы всех трех родов; топонимы.

В словообразовательном аспекте субстантивация впервые глубоко и всесторонне исследована В. В. Лопатиным⁶. Он выявил специфику данного способа образования имен существительных, разработал ряд важнейших общетеоретических и методологических положений, выделил словообразовательные типы субстантиватов. Субстантивация прилагательных определяется как «образование существительных, структурно мотивированных прилагательными, с использованием в качестве словообразовательного средства флексий прилагательного (парадигмы одного грамматического рода или только множественного числа)»⁷.

Субстантивация представляет собой способ словообразования без словообразовательных аффиксов, т. е. с материально не выраженной производностью. «Формальным показателем мотивированности существительного прилагательным, — пишет В. В. Лопатин, — носителем словообразовательного значения в этих словах и является сохранение в имени существительном части парадигмы, свойственной мотивирующему — прилагательному, а именно закрепление за существительным функционально преобразующейся парадигмы одного из трех родов прилагательного (категория рода превращается при этом из собственно грамматической в лексико-грамматическую)»⁸.

К субстантиватам синхронного плана, по В. В. Лопатину, относятся такие имена существительные, которые склоняются как прилагательные и структурно мотивированы омонимичными именами прилагательными. Например: богатый, больной, взрослый, немой; учительская, операционная; горячее, соленое, жирное; белое, синее; ситцевое, шерстяное; сучьи и т. д. В народной речи такие слова широко распространены. Так, в акчимском говоре свыше 90 % прилагательных, характеризующих человека по различным признакам, образуют субстантиваты; производные, мотивированные именами прилагательными-цветообозначениями, составляют пять словообразовательных типов богатого лексического наполнения⁹.

В диалектах, как и вообще в русском языке, имеется ряд существительных адъективного (прилагательного) склонения, но при этом лишенных в синхронии словообразовательной мотивированности. Их следует считать субстантиватами диахронического плана. Во-первых, это слова, у которых нет омонимов — прилагательных в лексическом составе говора. На-

пример: *сохатый* и *кысатый* (лось), *леший*, *портной*, *нищий* и т. п. Заметим попутно, что диалектная речь по коррелятивным существительным женского рода к субстантиватам *портной* и *нищий* расходитсЯ с литературным языком. В известных нам пермских говорах и городском просторечии имеется слово *портная* (также *портниха*, хотя в говорах реже, а в городской речи, наоборот, обычным является *портниха*, а *портная* — редко). *Нищая* в диалектической речи не зафиксировано, ему эквивалентно существительное *нищуха*. Необходимо заметить, что слово *нищий* со всеми его производными ушло в пассивный запас. Говорят: *А теперь бедных-то нет, ни шиш и х-то*¹⁰ *нету, раньше были* (А)¹¹. В русском литературном языке нет слова *портная*. Оно не отмечено словарями Д. Н. Ушакова и академическим семнадцатитомным, на его отсутствие обращают внимание исследователи языка. Так, М. Ф. Палевская пишет: «Субстантивированные прилагательные со значением лица мужского пола в качестве параллельных образований в системе лиц женского пола имеют имена существительные: *нищенка*, *портниха* (слово *портная* не употребляется, слово *нищая* значительно реже, чем *нищенка*)»¹².

Во-вторых, есть субстантиваты, утратившие словообразовательную соотносительность с омонимичными прилагательными. Например: *легкие* 'орган дыхания'; ср. прилагательное *легкий* (легкие весла). Наконец, в словарном составе диалекта известны пришедшие из литературного языка имена существительные адъективного склонения типа *запятая*, *насекомое*, *вселенная*, которые прилагательными никогда не были. Ряд субстантиватов, не имеющих отношения к синхронному словообразованию, мы находим в лексико-семантической группе наименований лица. Например: *военнообязанный*, *военнопленный*; *лесничий*, *вожатый* (существительные с древними суффиксами *-чий*, *-атай*; последний перешел в *-атый*); *набольший*, *благочинный*, приведенные выше *портной* и *портная* и т. п. *Народу-то всякого было. Набольший приедет, лесот выкупал который* (А).

Выделяется среди диахронических субстантиватов со значением лица слово *братский* 'двоюродный брат'. *Братанником называют двоюродного брата, братский тоже называют* (А). *Братского уж призвали на действительную* (Ч). В акчимском говоре общерусское прилагательное *братский* не зафиксировано, поэтому говорить о синхронной мотивированности субстантивата не приходится. Неизвестно, когда и как возникло это существительное. По форме и лексико-тематической отнесенности оно напоминает древнерусское *детьскъ* 'ребенок' и как термин родства, произведенный

также от термина родства, в чем-то имеет сходство с образованиями *дядина* 'жена дяди', *братова* 'жена брата' в русских диалектах и украинском языке¹³. Ср. также существительное *мужской* в значении 'мужчина' в архаическом слое говоров. *Гляжу — муськой идет под окнами, незнакомой, в белой фуражке* (Н); *Пожар случился, а мужских никого дома не было* (Кр, из записей автора, 1940 г.).

О человеке, спасшемся, не погибшем при стечении трагических обстоятельств, говорят *нероковой*, о женщине — *нероковая*. *Нероковая уж — поймалась за лодку* (А). Слово известно в городском просторечии. *Меня уж дважды сшибала машина-то, а благополучно. Нероковая, говорят* (П, записано от слепой); *Выпрыгнул ребенок со второго этажа — и ничего, нероковой, жив и цел остался* (Сл). В роли прилагательного рассматриваемое слово нам не встретилось; не зафиксировано и *роковой* (в Словаре Д. Н. Ушакова оно подается с пометой «книжнос»). Несмотря на адъективное склонение, приведенный субстантиват, как и *братский*, мы не можем отнести к числу синхронических.

В некоторых диалектах Пермской области встречается имя существительное *родова* 'род, родня'. *У нас вся родова крепкая, здоровая. В нашей родове таких больных вовсе не бывало. И по отцу и по матери все здоровые* (О); *Летом опять вся родова соберется ко мне в деревню. Дом большой, есть где* (Кн). Имеются отдельные примеры употребления данного слова в значении не просто 'родня', а с ограничительным оттенком — 'предки, умершие родственники'. *Там в одном месте вся наша родова захоронена; Все были долговечные, из нашей родовой никто молодой не умерал* (Н). В данном говоре слово очень редкое, отмечено только у представителей архаического слоя, в отличие от диалектов других районов, где оно используется и старыми, и молодыми, даже учителями, и не переходит в пассивный запас. К синхроническим субстантиватам слово не относится, так как не имеет адъективной парадигмы склонения и не мотивируется омонимичным прилагательным. По происхождению это субстантивированное притяжательное прилагательное¹⁴.

Выпали из системы синхронного словообразования слова *на ночеву*, *с ночевой* 'с ночевкой' и *на верхову*, *на верховой* 'верхом на лошади'. Первое повсеместно употребляется в двух падежах: винительном (сесть на верхову) и предложном (ехать на верховой). В некоторых диалектах, как в акчимском, зафиксирована только одна форма предложного падежа. В говорах восточной части Пермской области имеется вариант *на вершну*, *на вершиной*¹⁵. *Сел на вершну да и улетел все в Шумково* (К). Утрата отдельных падеж-

ных форм свидетельствует об адвербиализации субстантивов.

Не относятся к синхронической субстантивации следующие слова: *вёшна* с основным значением 'весенний сев' и рядом других лексико-семантических вариантов, *подрoсша* 'телка', общерусские *добро*, *зло*, *худо*, *тепло*, *мокро*. Последние в речи встречаются довольно часто. Например: *Все у нас было пытанo, все испытано — худо и добро; Волим — речка холодная. Эта купань не доводит ребят до добра; А че с Украины-то, че от тепла-то да от добра-то едут в Пермь?; Ох, знаешь, како добро сепаратор!* (т. е. благо); *Я их брошу до тепла. долги дни будут — тогда и вымою* (о половиках; А); *Че накосишь в еко мокро? Да ишо задождит того гляди* (Ч). *Не клади-ко ты тут тетрадки, вымокнут на мокре. Дай-ко сотру со стола* (Сл).

Имена существительные типа *добро*, *зло* не имеют общей с прилагательными парадигмы. Другое дело во многих случаях синонимичные им слова типа *доброе*, *худое*, которые склоняются как прилагательные, присвоив часть парадигмы среднего рода, и мотивированы соответствующими прилагательными. Они относятся к синхроническим субстантиватам в современном русском языке. См. примеры: *Доброго-то мало, не накопили, все дешевинькие юбки-кофты* (Кр); *Худое все забылося, не надо о худом споминать* (Ч); *Че больше говорить? Доброго вам уж рассказывали, все уж рассказали* (А); *От свекровишки я не видела ни теплого, ни холодного, а свекор отхолодит, он же и согриет* (Кр).

В именах существительных *добро*, *зло*, *тепло* и других выражена качественность, они мотивированы соответствующими однокоренными качественными прилагательными и исторически восходят к субстантивированным кратким прилагательным, а в современном русском языке, согласно концепции В. В. Лопатина, «должны интерпретироваться как относящиеся к нулевой суффиксации»¹⁶.

Имя существительное *вёшна* синхронно не мотивируется прилагательным *вешний*, которое, хотя и не часто, но встречается в пермских говорах; употребительны такие сочетания, как *вешний ветер*. Ср. также название праздника — *вёшний Никола*. Праздники всякие были: *благовещенье — престольный праздник, осенний Никола был, вёшной Никола* (С). Последнее словосочетание отмечено в речи обычно с постпозитивным определением: *Никола вёшной*. Как будто бы предсказуемое сочетание *вешний сев* нам, однако, не приходилось слышать; говорят *весенний сев*. Стало быть, здесь произошел разрыв словообразовательной соотносительности как

следствие синонимии мотивирующих прилагательных. Кроме того, слово *вёшна* (зафиксирована также форма *pluralia tantum вёшны*) не относится к синхроническому словообразованию потому, что не имеет адъективной парадигмы склонения, как и существительные *добро*, *тепло*. Исторически же, в диахронии, оно является, по-видимому, субстантиватом¹⁷.

Имя существительное *подрoсша*, подобно слову *вешна*, не имеет парадигмы прилагательного и синхронной словообразовательной мотивированности. Морфемная структура этого слова свидетельствует о том, что оно представляет собой производное причастия или прилагательного *подрoсший*, не зафиксированного в наших материалах; причастия в пермских говорах являются непродуктивными формами. Ответ на вопрос, когда и как возникло слово *подрoсша*, можно получить лишь в результате специального этимологического анализа¹⁸. В речи оно встречается обычно при описании прошлого. *Раньше та и работа была: напускают* (т. е. пустят в зиму, сохраняют приплод, молодняк) *подрoсшу, овёц — надо кормить чем-то; У каждого корова, у других-то подрoсша да как да. Осенью зарезут — мяско будет* (А).

Рассмотренному слову этимологически близко имя существительное *рoсша* (ж. р.) с вариантом *рoсше* (ср. р.), в произношении согласно законам русской фонетики *рошша* и *рошше*. Если субстантиват *подрoсша* не может быть соотносен с мотивирующим словом (его нет в системе диалекта), то *рoсша* семантически и структурно мотивировано причастием, а вернее — отглагольным прилагательным *росший*. Это слово по своей лексической сочетаемости одновалентно, употребляется только в сочетании *росший солод*. Лексическое значение его следующее: 'специально приготовленный и предназначенный для изготовления кваса (раньше — также суслы и пива)'. Название солод получил от способа изготовления: предварительно замоченное зерно ржи с целью образования в нем сахаристых веществ «растят», в местном произношении *рoссят*, т. е. прорастивают, в специальных открытых широких ящиках с низкими стенками — ростильниках, как называют их в районах, прилегающих к г. Перми (в северных районах — ростильник), затем сушат и мелют. *Рошша — жито пророшеное, рослое, сластит. На солод его* (В); *Не бросайте катанки на печку — там рошшой солод сушится; Смололи рошшой солод, на мельницу ездили. Сейчас рошшо есь и бражно есь* (Н). Бражно — это овсяный бражный солод (в северных районах — бражная мука) для приготовления в основном безалкогольной браги как ежедневного питья; к праздникам ее готовили с добавлением хмеля, изюма. Слово *бражно* является также диахро-

ническим субстантиватором, как и *росше*; оба слова склоняются как существительные.

Итак, мы рассмотрели ряд диахронических субстантиваторов различного происхождения, но с общими особенностями. В отличие от субстантиваторов синхронного плана это слова, не мотивированные омонимичными именами прилагательными или не имеющие адъективной парадигмы склонения.

Процесс синхронической субстантивации в диалектной речи, в отдельных словообразовательных типах, исконных для системы говора, протекает очень активно, вовлекая в словообразование огромное количество мотивирующих прилагательных. Диахронические же субстантиваторы не составляют значительных пластов в диалектной лексике.

Условные сокращения

- А — д. Акчим Красновишерского района Пермской области
В — Верещагинский район
К — Кишертский район
Кн — Кунгурский район
Кр — Краснокамский район
Н — Нытвенский район
О — Ординский район
П — г. Пермь
С — Сивинский район
Сл — г. Соликамск
Ч — Чердынский район

¹ Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 134.

² Немченко В. Н. Способы русского словообразования. Горький, 1979. С. 5.

³ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 6.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Светлова В. Н. Субстантивированные прилагательные в говорах Свердловской и Тюменской областей // Вопросы словообразования и синтаксиса. Свердловск, 1969.

⁶ Лопатин В. В. Способы именного словообразования в современном русском языке (Нулевая аффиксация, субстантивация): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1966; Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967; соответствующие разделы в Грамматике современного русского литературного языка (М., 1970) и др.

⁷ Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования. С. 207.

⁸ Там же.

⁹ Мошова А. А. Субстантивированные прилагательные цвета в акчимском говоре // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1979.

¹⁰ Отдельные особенности местной речи передаются орфографически средствами.

¹¹ См. список сокращений в конце статьи.

¹² Палевская М. Ф. Омонимия как следствие лексикализации отдельных грамматических форм и перехода слов из одной части речи в другую // Русский язык в школе. 1960. № 3. С. 17.

¹³ Примеры взяты из статьи: Лопатин В. В. Субстантивация как способ образования. С. 232.

¹⁴ О словах типа *братова, сватова, родова* см.: Азарх Ю. С. К истории собирательных типа *братья, зверье* в русском языке. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 207.

¹⁵ В такой же огласовке эти слова см.: Светлова В. Н. Субстантивированные прилагательные. С. 24. *Я на вершной не умею ездить; Она боронит на вершной, на вершну-ту залезет.*

¹⁶ Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования. С. 211. О производных способа нулевой суффиксации в пермских говорах см.: Мошова А. А. О взаимодействии литературного языка и диалектов на уровне словообразования // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1981.

¹⁷ А. Ф. Марецкая считает слово *вешна* второй производной основой от *весна*, в иной огласовке, но то, как данная производная основа образовалась, «требуется дополнительного анализа», что совершенно справедливо. См.: Марецкая А. Ф. Слова с корнем *весн(а)* в русских народных говорах // Диалектная лексика. Л., 1971. С. 88.

¹⁸ Ср.: *подроща* в Словаре В. И. Даля — «запоздалые всходом и ростом хлебные стебли, среди рослых. // Молодая лесная поросль, по вырубке или выжиге лесу. См. словарную статью «Подрастать» (М., 1956. Т. 3. С. 199).

А. И. КУЗНЕЦОВА
Московский университет

РЕЛИКТЫ ИСЧЕЗНУВШИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В докладе «О предмете исторической дериватологии» С. Ю. Адливанкин попытался очертить в области словообразования круг проблем, которыми должна заниматься историческая дериватология. Среди них, в частности, перечисляются такие взаимосвязанные проблемы, как история отдельных моделей словообразовательного процесса (образчик анализа такого рода можно найти у самого С. Ю. Адливанкина¹); формирование словообразовательных моделей, история способов словообразования; история «конкурентной» продуктивности; реальные деривационные акты и их историческое переосмысление и др.²

В решении одних вопросов лингвисты продвинулись уже достаточно далеко (много работ написано по истории отдельных моделей словообразования — см. исследования Ю. С. Азарх, В. Н. Виноградовой, И. В. Гореловой, Н. М. Шанско-

го; активно изучаются конкурирующие дублеты в истории языка — см. работу Г. Елитте об абстрактных существительных в древнерусском языке³ и т. д.); анализ других вопросов лишь начинается. Исследований по дистрибуции морфем в древности пока нет совсем. Между тем в древнерусском языке были возможны сочетания суффиксов, не встречающиеся в современном русском языке. Они указывали, например, на образование новых абстрактных существительных непосредственно от уже имеющегося в языке другого абстрактного существительного, в силу чего возникала большая дублетность (вариативность) производных форм в языке, ведущая к их конкуренции и постепенному исчезновению одних форм и сохранению других, причем обычно исчезали слова с большим количеством морфем, особенно имеющих одно и то же значение (абстрактности, лица и т. п.).

В словаре абстрактных существительных Г. Елитте, служащем приложением к их монографическому описанию, приводятся существительные, которые образуются с помощью суффикса *-ьств(о)* от существительных с суффиксами *-знь*, *-снь*, или *-ость*: *боязньство*, *богобоязньство*, *басньство* (ср. возможность образования в древнерусском прилагательных на *-ьск* от существительных на *-снь*: *басньский*), *укоризньство*, *приязньство*, *хытростьство* (и *хытростьство*); в Словаре русского языка XI—XVII вв., в словаре И. И. Срезневского, частотном словаре русского языка XVI—XVII вв. А. А. Грузберга, книге Ю. С. Азарх, примеры из которых даются в дальнейшем обычно без специальных отсылок на них, можно наблюдать аналогичные случаи: *безбоязньство*, *старостьство* (иногда встречаются явления наложения — *старостьство*⁴), *благодарностьство*, *уностьство*.

В монографии Ю. С. Азарх⁵ перечисляются *nomina agentis* м. р., образованные от других *nomina agentis* мужского рода, типа *делательникъ*, *благодетельникъ*, *блудничникъ*, *вратарьникъ*, *овчарникъ*, *служительникъ*, *исходатаиникъ*. Образование таким способом *abstracta nomina* и *nomina agentis* способствует возникновению словообразовательной модели с избыточным суффиксом деятеля или абстрактного существительного. Язык стремится избавиться от плюралистичного указания на одно и то же значение, в результате подобные формы не сохранились в языке. Зато класс существительных женского рода характеризуется наличием в слове двух суффиксов со значением деятеля, из которых второй обладает специфическим, дополнительным значением женскости. Таких слов было много в древнерусском языке, распространены они и в современном русском языке (в «Обратном словаре русского языка» их приводится около 270): *владетельница*,

вратарьница, *гадательница*, *кормительница*, *служительница*, *учительница*, *ходатаиница* и др.

Подобно тому как из языка исчезли словообразовательные модели, по которым образовывались *abstracta nomina* и *nomina agentis* от других *abstracta nomina* и *nomina agentis* (с двумя формально разными, но семантически одинаковыми значениями), были утрачены и рекуррентные модели словообразования, по которым образовывались, главным образом, наименования детенышей от названий детенышей путем удвоения форманта *-ичь*. Фактически уже на очень ранних этапах развития языка стало возможным говорить о сложном суффиксе *-ичичь*: *господичичь*, *кормичичь*, *кормиличичь*, *таимичичь*, *стричичь*, *богатичичь*⁶.

Можно привести примеры и других, отмеченных в древности, а затем бесследно исчезнувших словообразовательных моделей. Однако нередко словообразовательная модель не бесследно исчезает из языка, а сохраняется в морфемной структуре нескольких (иногда одного-двух) слов современного русского литературного языка. Так, типичным было образование абстрактных существительных с суффиксом *-ьств(о)* от прилагательных на *-лив*: *нестрашьливьство* (ср. *страшьливьствие*), *потакъливьство*. В современном литературном языке сохранилось лишь слово *прозорливьство*.

Большой интерес представляют слова современного русского языка, в которых (в отличие от только что приведенного примера) древние словообразовательные модели реализованы лишь в виде «осколков» суффиксов. Относительно статуса таких суффиксальных реликтов часто возникают споры. Как правило, эти «суффиксы»-монстры, оставшиеся в слове при морфемном анализе после «извлечения» из слова корня (*-алей*, *-вов*, *-евел*, *-елин*, *-евик*, *-ерд*, *-елив*, *-злив*, *-лан*, *-люг*, *-менн*, *-нин*, *-утк*, *-уточ*, *-харь*, *-чак*, *-чук*, *-чонок* — всего около 50 на 50 тыс. исконных русских слов и древнейших заимствований), зафиксированы в одном-двух, реже — в трех-четырех и совсем редко — в шести-семи словах. Подобные единичные суффиксы являются своеобразным сигналом того, что когда-то данное слово образовалось по модели, утраченной современным языком; эту модель можно пытаться искать либо в истории языка, либо в современных диалектах.

Например, в лингвистической литературе обсуждался вопрос о выделяемом в морфемной структуре слов *повествовать*, *целствовать*, *участвовать*, *властвовать* суффиксе *-вов*, не встречающемся с другими корнями. По предположению В. В. Лопатина, это результат наложения на корневую финаль *ств* суффикса *-ьств(о)* перед словообразующим глаголь-

ным формантом *-овать* (*участь + ьств + овать*), хотя доказательств данного положения не приводится⁷.

Действительно, в словарях Г. Елитте, А. А. Грузберга, книге Ю. С. Азарх содержатся примеры образования абстрактных существительных на *-ьств(о)* от существительных на корневую финаль *ств*, а от них — глаголов на *-овать*, в которых полная цепочка суффиксов и финали *ств* основы, т. е. последовательности *-ствствовать*, уже нигде не зафиксирована: *повЕстьство* → *повЕствовати* (но не **повЕстьствовати*; есть глагол *извЕствовати*, видимо, возникший по тому же образцу, но нет существительного **извЕстьство*), *властьство* (*четырьвластьство, языковластьство*) и *владьство* → *властвовати* (при наличии и *владствовати*) или *страстьство, простьство*, от которых глаголов не встречается. Обычно считается, что в этих глаголах современного русского языка не усекается корень, а сокращается суффикс: от суффикса остается лишь последний согласный *в*, слившийся с последующим суффиксом *-ов* в сложный суффикс *-вов*, хотя можно полагать, что суффикс *-ьств* не претерпел никаких изменений, а редуцировался корень (вместо *власт'* — *вла*, вместо *вЕст'* — *вЕ* и т. д.). Можно признать также существование в современном языке чередующихся алломорфов *влас-/влад-*, а не *власт-/влад-*, тогда суффиксом следует объявить не *-вов*, а *-твов*. Указанные примеры обращают на себя внимание несоответствием типичному инвентарю морфем современного языка и побуждают к изысканиям в области исторической дериватологии.

Между морфемной структурой слова и процессом словообразования существует определенная взаимосвязь: каждый новый словообразовательный шаг запечатлевается в составе морфем слова. В языке часто исчезает производящая основа, что ведет к процессу опрощения, а это, в свою очередь, связано с формированием сложных суффиксов, бинарность строения которых после утраты базиса (производящей основы) воспринимается с известным трудом. В качестве примера можно взять слова, имеющие в своем составе суффикс *-ej* (графически это может быть *-ея* или *-ей*), часто выступающий в последовательностях *-ейк, -ейн, -ейск, -еец, -ееч* как их составной элемент.

В «Обратный словарь русского языка» (1974) включено более 80 слов, кончающихся на *-ея*, и приблизительно столько же — на *-ей*. Среди 80 слов на *-ея* около 60 — иностранные, в них ударное *-ej(a)* обычно входит в корень (*камея, одиссея, рея, фея...*) или, реже, выступает в качестве суффиксального элемента, но не образующего слово, а выделяемого в его составе как результат вычленения корня

(*психея, галерея, музей...*). Из остальных русских или давно обрусевших слов около 10 имеют *ej* в корне: *шея, телогрея, затея, шлея, уклея* (ударение обычно падает на *-ej*, исключение составляют *шлея, ячея*). Наконец, в считанном количестве слов *-ея = -ej — (a)* — суффикс.

Модель на *-ея* считается непродуктивной⁸: существительные обозначают лицо женского пола (*швея, жнея, ворожея*⁹), производящее действие, названное мотивирующим глаголом несовершенного вида; конечная гласная инфинитивной основы отсутствует, ударение приходится на флексию. Хотя в основном с суффиксом *-ej (-ея)* встречаются существительные женского рода со значением лица¹⁰, с этим суффиксом возможны также существительные со значением предмета, животного, явления или процесса (*колея, верея, толчея*¹¹, *змея*).

В литературном языке слова с суффиксом *-ej (-ея)* представлены единичными примерами; большинство слов на *-ея* бытует в диалектах, где особенно много отглагольных образований со значением женскости (*варея, плетея, плясея, печея, писея, резея, смотрея, торчея, трясея, трусея, стряпея, качея, помазея...*) или предметности (*верея, веретея, колея, ледвея, мачазея, толчея...*), в меньшей мере — со значением животного (*индея, ищея* «ищейка» наряду со значением лица общего рода «кистец»), со значением абстрактности, процессуальности и др. В современных говорах образование существительных на *-ej(a)* изредка возможно не только от глаголов, но и от имен (*толстея, ханжея, грамотея, голея*). В древнерусском языке и в языке старорусского периода отменные образования встречаются значительно чаще¹². Так, в апокрифическом памятнике «Ложные слова, написанные еретиками на пакость невеждам попам и диаконам» есть ложные молитвы, из которых наиболее популярными были в свое время молитвы об изгнании лихорадочных болезней, представленных в виде 12 окаянных дев со следующими именами: *Гнетея, Трясея, Желтея, Пухлея, Огнея, Ледея, Холмея, Скорчея, Знобея, Сухотея, Невея*.

В словарях древнерусского и старорусского языков приводятся формы на *-ея (-ья)*, исчезнувшие не только из литературного языка, но и, видимо, из диалектов: *млЕя* «та, кто мелет», *зубрЕя* «ззубрина», *вохрЕя* «охра», *бархатЕя* «бумажный бархат», *мелея* «мельница», *поклажея* «поклажа» (ср. *келарея*) и др.

Суффикс *-ея* особенно широкое распространение, судя по фиксации в словарях, получил в старорусский период, когда начал использоваться даже для оформления собирательных существительных, например, *казачея* «казачество», и когда

появилось множество новых слов иностранного происхождения.

Из всех перечисленных слов с суффиксом *-ея* в литературном языке бытуют только существительные *швея, жнея, ворожея* (они даются в словарях современного русского языка без особых помет); одновременно функционируют и однокорневые с ними слова *швейный, жнейка, ворожейка*, где суффикс *-ея* с последующими суффиксами трактуется не как последовательность, сочетание суффиксов, а как единый суффикс *-ейк, -ейн, -ейск*. Наличие в этих сложных суффиксах элемента *ея* часто свидетельствует о существовании в древности или в современных диалектах слов на *-е[я]* или *-ей, -я(-ья)*. Так, в современном русском литературном языке есть слова *ищейка, лазейка, индейка, плетейный, швейный...* (ср. *ищя, лазя, индея, плетя, швея*). Точно так же наличие в слове сочетаний *-еец*, и *-ееч* указывает на то, что в современных диалектах или в древнерусском языке эти слова имели суффикс *-ея/-ей* (*лазеечка, путеец — лазя, путя*).

Особый интерес представляют иноязычные слова с указанными суффиксами: *армеец, армейский, линейка, лилейный, компанейский, библейский* и т. п. Как могли возникнуть такие формы с *-ея* при существовании современных слов *армия, линия, лилия, компания, библия*? В старорусский период и затем в XVIII в. были широко распространены дублиеты на *-ея/-Ея* и *иа/-ия*, что часто объяснялось источником заимствования: *армея*¹³ /*Ея/ей* и *армия* (из фр. *armée* или нем. *Armee*; ср.: пол. *armeja*, укр. *армЕя*). Окончание *-ия* Фасмер считает «ошибочной регуляризацией вместо старого *-ея*», которое в XVIII в. «воспринимается как вульгарное»; *лилЕя* — *лилия* (из пол. *lelija*, укр. *лелія*); *кампанея* — *компания*; *библея* — *библия*; *линея* — *линия, кацЕя/иа/ья* (из греч. *ιοτή* «жаровня») (ср. *лядвЕя* — *лядвия, колея* — *колия*). Точно так же наличие *-ея* в словах *адмиралтейский, канарейка, канарейка* легко объяснимы бытующими в XVIII в. формами *адмиралтея* и *канарея*.

Во всех приведенных и аналогичных им иноязычных словах *-ея* представляет собой не формант, а конец основы, заимствуемой русским языком из другого языка, и лишь позднее, в результате сопоставления со многими производными, появившимися уже на русской почве от данной основы, он выделился в качестве самостоятельного морфа; при этом нередко наблюдались случаи совпадения *-ея* с суффиксом языка-источника.

Таким образом, анализ слов на *-ея* (суффикс *-ея*¹⁴) показал, что хотя в настоящее время по этой модели новые сло-

ва не образуются, в прошлые века модель была достаточно активна. Свидетельство тому — большое количество современных слов с морфемной структурой, содержащей субморф *-ей = [-ej]* в сочетаниях типа *-еец, -ееч, -ейк, -ейн, -ейск, -ейств* и т. п., несмотря на то, что слов с суффиксом *-ея* или *-ей* в несвязанном виде сохранилось в литературном языке очень мало (3 — на *-ея* и около 20 — на *-ей*).

Когда в словах современного русского литературного языка выделяются единичные, редкие суффиксы, возникает мысль об утраченных моделях и о необходимости поиска их. Как правило, такие модели можно обнаружить, хотя порою с большим трудом, обратившись к материалам диалектов или к историческим данным. Например, в слове *низменность* однозначно опознается корень *низ-* и суффикс-формант *-ость*. Остаточный морф *-менн* — единичное явление в современном литературном языке. Выделение в слове *ячмень* суффиксального морфа *-мен* (ср. *ячевый*) позволяет предположить, что и в словах *низменный, низменность* были суффиксы *-мен-н* (ср. *яч-мен-н-ый*). Данные диалектов и древнерусского языка подтверждают существование модели, хотя и малопродуктивной: в древнерусских летописях зафиксированы деадъективы на *-мень* *сухмень, узмень, голомень, глухмень*, а также *житмень*, бытующие и в современных говорах¹⁵. Вероятно, встречалось и **низмень* (ср. прилагательное *низменьный*), но не сохранилось, а современный субморф *-менн* — реликт исчезнувшей модели (в современном языке, следовательно, вряд ли правомерно производить прилагательное *низменный* от прилагательного *низкий*, как это делает Русская грамматика (1980, § 675).

В Русской грамматике (1980, § 314) указывается на непродуктивный тип существительных, образованных от прилагательных с помощью суффикса *-ядь*¹⁶. Завершившийся в настоящее время процесс образования слов от прилагательных с помощью суффикса *-ядь* отражен в существительных *пестрядь, чернядь* (вариант *чернеть* «утка»), *рухлядь* и разговорном *мокрадь* (все слова имеют дублиеты на *-едь*). В этих словах суффикс выделяется однозначно, но квалифицируется как непродуктивный. В словаре И. И. Срезневского приводятся помимо перечисленных с этим же суффиксом слова *старядь, сирядь*, в Словаре русского языка XI—XVII вв. — *зернядь, крупнедь* и др. В монографии Ю. С. Азарх отмечаются также существительные *зароследь, ровнядь* (к этому же ряду можно отнести *площадь*, образованное от *плоский*), *быстредь*¹⁷; последнее слово бытует и сейчас в говорах Среднего Приобья¹⁸. В пособии по словообразованию «Опыт обратного диалектного словаря» (под ред. М. Н. Ян-

пенецкой. Томск, 1973) зафиксировано существительное *збледь* и т. д.

Суффиксы, представляющие собой остаточные (обычно единичные) морфы, в древности, а иногда и в настоящее время в диалектах, были словообразующими, т. е. с большей или меньшей активностью участвовали в процессе образования новых слов, о чем напоминают нам в современном языке нерегулярные, часто единичные, суффиксы, либо сохранившиеся в прежнем виде от прошлых эпох (*-ядь, -ej*), либо изменившие в ходе развития свой внешний облик — сросшиеся из двух (*-менн*) или испытавшие наложение (*-вов*)¹⁸.

Реликты исчезнувших моделей словообразования можно наблюдать в структуре русского слова и среди префиксальных морфем. В современном русском литературном языке в качестве остаточных морфем в словах *позволить, дозволить, обиход, обыденный, предисловие* и их производных выделяются морфы *з-, оби-/обы-, преди-*. В древнерусском языке и в современных диалектах можно обнаружить большие ряды слов, содержащих эти морфы. Следовательно, в языке существовали активные словообразовательные модели, по которым образовывались, например от глагольной основы, слова с префиксами *оби-/обы-*, приставочные или производные глаголы с префиксом *з-*. Префиксы *оби-/обы-* и *з-* в настоящее время даже не зафиксированы в Русской грамматике-80. Между тем в словаре Срезневского приводятся такие глаголы с приставкой *оби-*, как *обизаряти* «озарять», *обизрЕти* «осмотреть», *обишти* (-обити) «обойти», *обисияти* «окружить сиянием, сиять вокруг», *обистояти* «окружать, осиливать», *обиступати* «обступать», *обисЕсти* «окружить, обойти», *обитЕкати* «обходить», *обиходити* «обходить» (ср. *обиход* «правило, имущество»), *обихыщати* «захватывать, похищать», *обияти* (-объяти), *обиЕдание* «прожорливость»¹⁹. В основном эта приставка присоединялась к глаголам движения или глаголам видения.

Вариант *обы-* зафиксирован лишь в слове *обыденный* «однодневный». В говорах можно обнаружить (помимо глагольных) немало отыменных образований, причем круг производных значителен (*обизор* → *обизорный* и *обизоркий* → *обизорник* и *обизорница* → *обизорничать* → *обизорничанье*; ср.: *обыденный, обыденки* «сутки», *обыночный* и параллельно *обиночно* = *обночь* «в одну ночь, за ночь», *обымеки* «догадки»). Количество образований с *обы-* в говорах увеличилось. Например, если в древнерусском языке, судя по словарю Срезневского, существовал только глагол *обизрЕти*, то в диалектных словарях отмечаются глаголы *обызреть* «призреть,

приютить, помочь» (ряз.) и *обызреть* «увидать, усмотреть», распространенный в южных областях.

Выделяемый в глаголах *позволить, дозволить* и производных от них существительных субморф *з-*, как результат польского влияния (*z-, ze-*), пришел из украинского языка (*із-, з-*) и функционировал в древнерусском языке в качестве приставки вместо *из-* или *вз-* (позднее, по свидетельству В. И. Даля, префикс *з-*, пришедший из белорусского языка в тверской, псковский, калужский говоры, начал заменять также префиксы *с-, воз-* и др.: *зрадоваться* — *возрадоваться, звеселиться* — *возвеселиться*).

В словарях древнерусского языка можно обнаружить целые ряды слов с префиксом *з-*: *зволити, злихой, зливаться, зголовие* = *вззголови* «изголовье, нижняя подушка», *знемочи* «изнемочь», *знутри, здавна, зломить* «изломить», *здьрнүти* (вместо *вздьрнүти*, ср. *здьрнутая* «крюковой знак !»), *змыслити* (из пол. *zmyslic*), *змерлыи* (из пол. *zmarly*), *змиловати ся* и др. Приставки *з-* = *из-* в церковнославянских словах соответствуют народной русской приставке *вы-* (*зрасти* = *израсти: вырасти; збити* = *избить: выбить* и т. п.). В словаре А. А. Грузберга приведен глагол *здовоить* с метатезой приставок (вместо *дозвоить*).

В современных русских говорах (не только южных и юго-западных) широко бытует приставка *з-*, соответствующая литературным префиксам *из-* или *вз-*:

<i>збалмошный</i>	<i>збелениться</i>	<i>звестить</i>	<i>збавить</i>
<i>звизгивать</i>	<i>здор</i>	<i>здержки</i>	<i>збаловаться</i>
<i>зволноваться</i>	<i>здымать</i>	<i>зволить</i>	<i>звинять</i>
<i>знуздать</i>	<i>звар</i>	<i>здалека</i>	<i>зранить</i>
<i>збудоражить</i>	<i>згрустнуть</i>	<i>зредка</i>	<i>ззябнуть</i>
<i>зрослый</i>	<i>зреветь</i>	<i>знурить</i>	<i>згальяться</i> и т. п.

В отличие от приставок *оби-/обы-*, *з-* префикс *преди-* (в существительных *предисловие, предисловицк*) был распространен в более позднее время (в старорусский период) и в меньшей мере. Он зафиксирован главным образом в причастных формах *предибудущий, предитекущий, предихотящий, предивышеннаписанный, предиписанный, предиглаголаный, предипомянутый, предипущенный, предиреченный*; ср. также: *предисловие, предисловейцо*.

Итак, обнаруженные в современном русском литературном языке единичные (нерегулярные, редкие, аномальные, омертвевшие и т. п.) морфы не являются в настоящее время

формантами, не служат средством образования новых слов. Они представляют собой реликты древних словообразовательных моделей (как продуктивных, так и малопродуктивных), позволяющие восстановить эти модели. В связи с этим может быть поставлен вопрос, существенный для исторической дериватологии: если в настоящее время есть морфы, которые не представляют собой форманты, то встречаются ли в языке такие морфемы, которые никогда не были регулярными, никогда не выступали в качестве форманта?

¹ Адливанкин С. Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке//Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.

² Адливанкин С. Ю. О предмете исторической дериватологии//Деривация и история языка: Тез. докл. Пермь, 1985. С. 3.

³ Jlitte H. Die abstrakten Nominalbildungen im Russischen. Frankfurt am Main, 1982. Т. I—II.

⁴ Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI — начала XVII в. Пермь, 1974.

⁵ Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 97—98.

⁶ Кузнецова А. И. Словообразовательный круг в русском языке//Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. М., 1973. Вып. 6. С. 149—150.

⁷ Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 38.

⁸ В Русской грамматике (М., 1980) речь идет о процессе словообразования, однако очевидно, что такие слова, как *швея*, *жнея*, не образуются заново от глаголов *шить*, *жать*, а наследуются целиком от прошлых эпох; не случайно в подобных ситуациях в Русской грамматике говорится о том, что «суффикс выделяется», а не «с помощью суффикса образуется»...» (с. 298).

⁹ В деловом языке старорусского периода слово *ворожея* принадлежит к именам общего рода. Оно употребляется обычно со словами, уточняющими пол называемого лица: баба *ворожея*., *ворожей*, мужиковъ и бабъ (Азарх Ю. С. Указ. соч. С. 119).

¹⁰ Отмечены корреляты м. и ж. р., например, *ворожея* — *ворожей*, *грамотея* — *грамотей* или, в старорусский период, *золотошвея* — *золотошвей*. Помимо коррелятов по роду в старорусский период (реже — в древнерусский) встречались варианты рода на *-ея*-*-ей*: *брижалея*, *-ей* «краска», *армея*, *-ей*; ср.: *зодЕя*, *-Ей* «каждое из созвездий зодиака».

¹¹ В литературном языке *толчея* означает «мельница ударного действия и (разг.) «давка, толкотня». В говорах Среднего Приобья *толчея* — «то, чем толкут» (Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья)/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982—1983).

¹² Аналогично, если в современном русском языке образования на *-ба* только отглагольные (*ходьба*, *бороньба*, *резьба*), то в древнерусском языке они могли быть мотивированы и именами (*нечистьба*, *прЕдьстражьба*) или имели двойную мотивировку (*льстьба*, *лЕчьба*). Реликтом этой модели является морф *-ебн* (*лечебный*).

¹³ В древности существовал омоним *армея*, *армеа* «вид солений» (болг. «квашеная капуста»).

¹⁴ Суффикс *-еј* в древнерусском мог выступать как *-ьј*. С помощью суффикса *-ьј* также образуются в древнерусский и старорусский периоды существительные со значением женскости от существительных с суффик-

сом *-(а)ль*, *-унь* и другими и от заимствований; модель малопродуктивна, но все-таки появление слов на *-ля* было живым процессом: *ткаля* «ткачиха», *бралья* «ткачиха, изготвляющая браную ткань», *купалья*. В современных говорах представлен также этот модификат суффикса *-ей*, *спалья*, *ткаля*, *пряля*, *вралья* и др. См.: Мотивационный диалектный словарь/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982—1983; Словарь русских народных говоров. Л., 1965—1986. Вып. I—21; Опыт обратного диалектного словаря/Под ред. М. Н. Яценецкой. Томск, 1973; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. В современном русском литературном языке суффикс *-ј(а)* после основ на *-аль* не встречается, но является продуктивным средством образования существительных со значением лица женского пола (после суффикса *-ун-*).

¹⁵ Азарх Ю. С. Указ. соч. С. 17.

¹⁶ Едва ли правильно называть подобные суффиксы (*-ядь*, *-еј/-ея* и др.) современного литературного языка формантами, т. е. словообразующими, поскольку с их помощью в настоящее время уже не образуются новые слова. В Русской грамматике, с одной стороны, говорится, что это — словообразовательные суффиксы, т. е. суффиксы, участвующие в создании хотя и непродуктивных, но новых моделей словообразования; с другой стороны, во всех случаях, когда речь идет о редких, единичных суффиксах, указывается: «выделяются суффиксы... в словах...», что возможно в случае морфемного анализа.

¹⁷ Азарх Ю. С. Указ. соч. С. 187.

¹⁸ История языка знает случаи «оживления» какой-либо утратившей активность и продуктивность словообразовательной модели (Кузнецова А. И. Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов (на материале русского языка)//Деривация и семантика: слово — предложение — текст. Пермь, 1986. С. 47).

¹⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1893—1903. Т. I—III.

Б. С. ШВАРЦКОПФ
Институт русского языка АН СССР

О ХАРАКТЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Закономерно процесс фразеологического словообразования связывать с деривацией, понимаемой как механизм образования более сложных из более элементарных единиц. Основание для этого дает языковая природа фразеологической единицы (далее — ФЕ), сама ее сущность (еще Е. Д. Поливанов считал фразеологию «соизмеримой» с синтаксисом, а объектом фразеологии — «индивидуальные значения конкретных словосочетаний»¹). При этом мы будем опираться на два такие основополагающие тезиса теории деривации, как а) интеграция единиц низшего уровня в составе единицы высшего уровня (Э. Бенвенист) и б) преобразующий характер интеграции, когда значения или функции более сложно организованных единиц не сводимы к значениям или функциям их составляющих (Е. Курилович)². Тем самым фразеологическое образование можно рассматривать в качестве процесса формирования ФЕ как вторичных единиц.

Поскольку базой для образования ФЕ являются не отдельные лексемы, а словосочетания, в процессе фразеообразования можно видеть два последовательных этапа развития: I) процесс объединения отдельных лексем (двух, трех ...) в свободную синтаксическую единицу, обычно словосочетание (этап формирования исходного словосочетания), и II) процесс фразеологизации свободной синтаксической единицы. Фразеологизация — центральный во фразеообразовании процесс, процесс формирования из свободного конкретного исходного словосочетания единицы фразеологического состава как знака вторичного образования. В свою очередь, фразеологизация включает в себя три параллельных процесса:

1) стабилизацию состава и формы ФЕ, их закрепление в языке. Благодаря этому ФЕ может выступать как готовое языковое средство. Стабилизация состава и формы ФЕ сопровождается ограничением парадигматики ФЕ³ и специализацией внешних синтаксических связей ФЕ⁴;

2) переосмысление исходного словосочетания, представляющее собой такое семантическое преобразование, результатом которого — формирование обобщенно-переносного значения ФЕ. Процесс переосмысления может иметь различный объем: а) охватывать значение ФЕ целиком (переосмысление исходного словосочетания в целом, образуется номинативно-целостное значение ФЕ, ср.: *ни в зуб толкнуть, держи карман шире*); б) распространяться на какой-либо один элемент исходного словосочетания (в составе ФЕ оказывается лексема, обладающая фразеологически связанным значением, а сама ФЕ характеризуется номинативно-расчлененным значением, ср.: *бреющий полет*);

3) формирование идиоматичности как сущностного свойства ФЕ. Идиоматичность состоит в немотивированности отношений между значениями целого и его частей (сумма значений составляющих ФЕ не равна значению целого).

Идиоматичность ФЕ — следствие процесса переосмысления исходного словосочетания. Результатом такого переосмысления являются фразеологические сращения и фразеологические единства, в которых обобщенное значение ФЕ не может быть выведено из значений компонентов, ср.: *съесть собаку* и *плыть по течению/против течения*. Обратим внимание на специфику фразеологических единств, заключающуюся в сочетании таких свойств, как 1) невыводимость обобщенно-переносного значения ФЕ из значений компонентов и 2) мотивированность обобщенно-переносного значения ФЕ его внутренней формой — образом, лежащим в основе семантической структуры ФЕ, ср.: *выносить сор из избы*⁵. В основе

подобной мотивации лежит сопоставимость значений ФЕ (обобщенно-переносного) и соответственного свободного словосочетания с идентичными лексическим составом и синтаксической конструкцией (прямого). (Наряду с этим можно указать еще одну возможность мотивированности обобщенно-переносного значения ФЕ — на основе обобщенного исходного контекста⁶, как, например, в крылатых выражениях).

Результат рассмотренных трех процессов, составляющих вместе процесс фразеологизации свободных исходных словосочетаний, закрепляется в языке в качестве его фразеологического состава. Общей характерной чертой, определяющей «индивидуальность» традиционных ФЕ, является то, что они связаны с фиксацией лексико-компонентного состава (единственно возможного компонента или возможных вариантных компонентов).

Однако процесс стабилизации свободных исходных словосочетаний может идти и другим путем: закрепляемым может быть не лексический элемент, а синтаксическая схема такого словосочетания; в подобном случае в качестве стержневой части ФЕ может выступать не лексема, а синтаксическая конструкция, идиоматизируется сама конструкция ФЕ, а результатом фразеологизации окажутся конструкции с грамматической (синтаксической) идиоматикой.

Один из существенных параметров таких конструкций — соотношение «синтаксическая схема — лексические компоненты»; в этом плане намечаются два стремящихся к полярности типа: (1) закрепленной фразеологизированной конструкции соответствуют нормативно закрепленные за ней лексемы, ср. тавтологические *ревмя реветь, ливня лигь*; (2) фразеологизированной конструкции соответствует открытый ряд лексического наполнения (последнее выступает как переменная величина), ср. тавтологическую конструкцию «им. пад. ед. ч. + р. пад. мн. ч.» со значением «первый, выдающийся в каком-либо ряду явлений» (*книга книг...*), конструкцию с начальным *ну и ...* в значении «высокая степень чего-либо» и т. п.⁷

Такие единицы по-разному характеризуются в лингвистической литературе. Их считают «пограничными»⁸, «промежуточными»⁹ между синтаксисом и фразеологией. Д. Н. Шмелев так квалифицирует фразеосхемы: «Они обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов»¹⁰.

Невзирая на значительную пестроту фразеосхем могут интерпретироваться — с известной долей условности — как

автономная специфическая (грамматическая) сфера русской фразеологии. Основным аргументом в пользу такого взгляда — то обстоятельство, что рассматриваемые типы подобных конструкций представляют собой закономерный результат параллельной возможности во фразеологизации исходных словосочетаний: стабилизации формы (а не состава или не только состава) и соответственно идиоматизации синтаксической схемы. Так единство деривационных процессов — несмотря на противоречивость и пестроту типов ФЕ — обнажает общность их языковой природы.

¹ Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для языковедных вузов. Л., 1928. С. 60—61; Он же. За марксистское языкознание. М., 1931. С. 119.

² См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 134, 135, 137; Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 28—29, 61.

³ См., например: Шварцкопф Б. С. Морфологическая парадигматика фразеологической единицы и норма // Грамматика и норма. М., 1977.

⁴ См.: Тагнев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка (Опыт исследования фразеологических оборотов. М., 1978. С. 8. (О различии между мотивированностью и выводимостью см. там же).

⁵ Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978. С. 8 (О различии между мотивированностью и выводимостью см. там же).

⁶ См.: Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973. С. 93 и след.

⁷ См.: Мелкумова И. А. Фразеосхемы современного русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1972.

⁸ См. Ройзензон Л. И. Указ. соч. С. 88—90.

⁹ См.: Телия В. Н. Идиома // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 90.

¹⁰ Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 233.

В. П. ГУБАРЕВ

Московский полиграфический институт

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Задачей исторической фразеологии как лингвистической дисциплины¹ является описание исторических преобразований фразеологического состава как непрерывного процесса изменений соответствующей подсистемы языка, обусловленного действием внутренних и внешних факторов. Она призвана представить факты исторических изменений во фразеологии как проявление общих закономерностей и специфических черт языковой системы того или иного языка в их неразрывной связи с условиями существования данного языка и дать историческое объяснение основных особенностей современ-

ной фразеологической системы, сложившейся в результате многовекового развития.

Предметом немецкой исторической фразеологии может быть как становление и развитие фразеологической системы немецкого языка в целом (диахронный аспект), так и фразеология того или иного периода развития немецкого языка (синхронный аспект). С учетом принятой периодизации истории немецкого языка² может быть выделена фразеология четырех периодов: 1) древневерхнемецкого (770—1050), 2) средневерхнемецкого (1050—1350), 3) ранневерхнемецкого (1350—1650), 4) новонемецкого (1650—настоящее время). Основными, а иногда и единственными источниками исследования фразеологии трех первых периодов истории немецкого языка являются памятники письменности: литературные произведения, сборники проповедей, деловых документов, указов, переписка городов и др.

Первые шаги в изучении фразеологии сделаны в работе Н. И. Рахмановой³, посвященной анализу фразеологического материала проповедей Б. Регенсбургского (XIII в.).

Как показали исследования, основными путями развития и обогащения фразеологического состава немецкого языка являются

- 1) первичное фразеобразование, т. е. образование новых фразеологических единиц (ФЕ) на базе отдельных слов или переменных словосочетаний, ср.: die Grüne Woche «зимняя сельскохозяйственная выставка», weg vom Fenster sein «утратить всякое значение, стать неактуальным»;
- 2) фразеологическая деривация (вторичное фразеобразование), т. е. образование новых ФЕ на базе уже существующих, ср.: Weg und Steg «дорога, тропинка» < Armut findet alle Wege und Stege (посл.) «голь на выдумку хитра», nach einem rettenden Strohalm greifen «ухватиться за последнюю надежду» > der rettende Strohalm «последняя надежда»;
- 3) развитие нового значения при сохранении прежнего, т. е. расширение семантической структуры ФЕ, ср.: Phantasie mit Schneegestöber «плод фантазии, вымысел», «еда, приготовленная из остатков разных блюд»;
- 4) заимствование из других языков, ср.: heiße Höschen «очень короткие дамские шорты» < англ. hot pants; der Zahn der Zeit «всесокрушающая рука времени» < англ. tooth of time (из пьесы Шекспира «Мера за меру»).

Фразеологический корпус современного немецкого языка представляет собой результат существования указанных путей развития фразеологии. Он продолжает развиваться в этих направлениях, хотя их удельный вес в разные периоды эволюции языка был, естественно, различен.

Как показали наблюдения, генетически в основе формирования фразеологического значения могут лежать четыре семантических процесса: 1) полная семантическая трансформация (метафорическая или метонимическая) раздельноформленной деривационной базы; 2) частичная (неполная) семантическая трансформация деривационной базы; 3) абстрагированный синтез индивидуальной семантики переосмысленных и непереосмысленных компонентов деривационной базы в соответствии с их семантической валентностью; 4) структурно-семантическая модификация производящей ФЕ в акте вторичной фразеологизации. Первый из названных процессов участвует в формировании фразеологических единств и фразеологических выражений⁴, взаимодействие второго и третьего процессов характерно для образования фразеологических сочетаний, четвертый процесс способствует формированию семантики фразеологизмов-дериватов (обычно это фразеологические единства вторичного образования). При этом в качестве деривационной базы могут выступать отдельные лексемы, переменные словосочетания с предикативной и непридикативной структурой, а также устойчивые комплексы исконного и иностранных языков.

Как известно, ФЕ (устойчивые словесные комплексы с полным или частичным переосмыслением компонентов) представляют собой исторически изменчивую, подвижную единицу языка. Изменяться могут не только ее структура, значение, семантико-этимологические связи с другими ФЕ и словами, но и фразеологический состав в целом — как качественно, так и количественно. Четко прослеживаются две тенденции в исторических изменениях фразеологического состава немецкого языка:

1. Устаревание целого, ряда фразеологических наименований в связи с утратой актуальности, несоответствием их образно-мотивационных баз новым представлениям об обозначаемых явлениях действительности. Прежде всего это ФЕ, внутренняя форма которых строится на представлениях античной и религиозной мифологии, устаревших и всеми забытых традициях и обрядах, незначительных исторических фактах и т. п., ср.: *den Acheron überqueren* «умереть» (букв. «пересечь Ахерон», реку подземного царства), *in Abrahams Schoß sitzen* «жить беззаботно, счастливо, в очень хороших условиях» (букв. «сидеть в лоне Авраамовом»), *den Schwedentrunk erhalten* «подвергаться нечеловеческим пыткам» (букв. «получить шведский напиток», вид пытки, применявшейся шведами в период Тридцатилетней войны).

2. Появление в языке новых фразеологических наименований в связи с развитием всех сфер общественной жизни;

материального производства, науки, техники, культуры, межнационального общения и др., ср. следующие фразеологические неологизмы последних лет: *eiserne Kollegen* «роботы, автоматы», *der elektrische Hirt* «электроизгородь» (букв. «электрический пастух»), *Heißer Punkt* «очаг международной напряженности», *in die roten Ziffern kommen* «нести убытки» и т. п. Другую группу неологизмов составляют ФЕ, представляющие собой новые, более экспрессивные наименования уже известных явлений действительности и имеющие, как правило, лексические и/или фразеологические синонимы, ср.: *etw. auf lange Welle schalten* «откладывать что-либо в долгий ящик», *das Handtuch werfen* «сдаваться, капитулировать перед трудностями», *am Ball sein* «быть активным, деятельным».

Для каждого синхронного среза в истории немецкой фразеологии характерны свои фразеологические архаизмы и неологизмы, что свидетельствует о динамичном развитии фразеологического корпуса языка. Так, в ретроспективном плане в качестве неологизмов литературного языка могут рассматриваться и ФЕ, заимствованные им из немецких диалектов и социолектов, ср.: *Wasser in die See tragen* «заниматься бесполезной работой» (из нижненемецких диалектов), *altes Haus* «дружище, старина» (из студенческого жаргона).

Кроме экстралингвистических на обновление фразеологического состава языка оказывают влияние и некоторые лингвистические факторы: узуальная и окказиональная вариативность ФЕ, потенциальная способность к структурно-семантической автономизации группы компонентов ФЕ как следствие их структурной раздельноформленности, относительная регулярность фразеобразовательных процессов, что создает определенную языковую базу для проявления в языке новых, более экспрессивных вариантов существующих ФЕ, ФЕ-дериватов, фразеологических неологизмов.

В целом причисление той или иной ФЕ к относительно устойчивым или исторически подвижным элементам фразеологии зависит от наличия и степени проявления ее структурных, семантических и мотивирующих связей с другими ФЕ (образование по продуктивным фразеологическим моделям, наличие синонимов, антонимов, гипогиперонимов, деривационные отношения, прозрачная внутренняя форма и др.), а также от ее коммуникативной значимости для членов данного языкового коллектива.

Процессы образования и узуализации ФЕ протекают в языке на протяжении многих десятилетий. В настоящее время можно считать установленным тот факт, что образование ФЕ в языке происходит по определенным моделям, т. е.

имеет относительно регулярный, закономерный характер⁵. Диалектический подход к фразеологическому корпусу предполагает рассмотрение фразеологических моделей как в синхронном, так и в диахронном планах. С точки зрения синхронии они являются моделями фразообразовательной структуры ряда сосуществующих ФЕ, с точки зрения диахронии — моделями продуктивных фразообразовательных процессов. Изучение фразообразования как сложного и многопланового процесса позволяет предложить следующую типологию фразеологических моделей:

1) синтаксические модели ФЕ, отражающие структурную организацию фразеологизмов как сочетаний слов, ср.: «имя существительное + глагол» (die Nagelprobe machen, Kohldampf schieben, das Licht scheuen);

2) логико-семантические модели ФЕ, в которых репрезентируется тот или иной принцип логико-семантической организации фразеологизмов: антитеза, сравнение, алогизм, ср.: alt und jung, stark wie ein Bär, zwei linke Hände haben;

3) мотивационные модели ФЕ, т. е. инварианты внутренней формы ряда фразеологизмов, в обобщенном виде фиксирующие какие-либо дифференциальные признаки объекта номинации и положенные в основу нескольких раздельнооформленных наименований данного объекта, ср. мотивационную модель «когда произойдет что-либо невозможное», по которой образуется ФЕ с общим значением «никогда»: wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen, wenn zwei Sonntage in eine Woche kommen, wenn die Sonne stillsteht, wenn es Gulden regnet, wenn die Elbe brennt, wenn der Hahn Eier legt и многие другие;

4) структурно-семантические модели ФЕ, т. е. комплексные инварианты синтаксической структуры, внутренней формы, актуального значения соотносимых компонентов и глобальной семантики ряда ФЕ, конституирующих одну фразеологическую микросерию, ср. модель «как + существительное с общим значением «животное» + в + существительное с общим значением «корм» + сидеть», наполняемую ФЕ с общим значением «жить в довольстве, в достатке»: wie der Hase im Kraut sitzen, wie die Maus im Speck sitzen, wie der Vogel im Hanf sitzen, wie die Made im Speck sitzen, wie die Laus im Schorf sitzen, as de Mius oppet Kommisbräud sitten (диалект);

5) деривационные модели.

Остановимся на фразеологической деривации и ее моделях, поскольку после первичной фразеологизации она является важнейшим источником пополнения фразеологического

фонда немецкого языка. Так, если рассмотренные типы фразеологических моделей связаны прежде всего с процессами изначального образования ФЕ, то деривационные модели отражают процессы фразеологической деривации, а также парадигматические связи производных и производящих фразеологизмов в системе языка. Оказалось возможным выявить следующие деривационные модели ФЕ как вариации общей макро модели фразеологической деривации $ФЕ_1 (+ ФЕ_2) > ФЕ_3$:

а) модель структурно-семантического обособления (автономизации) группы компонентов производящей ФЕ, ср.: j-m Sand ins Getriebe werfen «мешать, препятствовать кому-либо» > Sand im Getriebe «помеха, препятствие»; lügen, das sich die Balken biegen «обманывать без зазрения совести» > die Balken biegen sich «кто-то обманывает»;

б) модель структурно-семантического поглощения производящего фразеологизма производным, ср.: kaltes Eisen «меч» > am kalten Eisen stecken «погибнуть от меча» (XVI—XVII вв.); Hand in Hand «рука об руку, вместе» > Liebe und Verstand gehen selten Hand in Hand (посл.) «любовь и разум рука об руку не ходят»;

в) модель структурно-семантической контаминации производящих ФЕ, ср.: leben wie ein Gott «жить припеваючи» + leben wie ein Herr in Frankreich (то же значение) > leben wie Gott in Frankreich (то же значение);

г) модель структурно-семантического варьирования компонентного состава производящей ФЕ, ср.: den Schalk hinter den Ohren haben «быть себе на уме» > es hinter den Ohren haben (то же значение); alles in einem Topf kochen (устар.) «валить все в одну кучу» > alles in einen Topf werfen (то же значение);

д) модель фразеологической конверсии, т. е. изменения категориальной принадлежности производящей ФЕ с соответствующими изменениями в структуре и семантике, ср.: sich ins eigene Fleisch schneiden «навредить самому себе» > ein Schnitt ins eigene Fleisch «вред, причиненный самому себе»; auf und ab «вверх и вниз» > das Auf und Ab «взлеты и падения, успехи и неудачи».

В целом фразеологическая деривация служит образованию новых ФЕ с тем же или другим значением, а в ряде случаев ведет к «усилению» значения производящей ФЕ в ФЕ-деривате, ср.: es dick hinter den Ohren haben «быть хитрым и изворотливым» > es so dick hinter den Ohren haben wie die Sau die Läuse «быть очень (чрезвычайно, в высшей степени) хитрым и изворотливым» (компаративная ФЕ образуется на базе некомпаративной).

В некоторых случаях деривационные модели ФЕ могут иметь разнонаправленный и многоступенчатый характер, ср.:

(1) $\text{ФЕ}_2 < \text{ФЕ}_1 > \text{ФЕ}_3$, например: *glotzen wie ein abgestochenes Kalb* «вытаращить глаза от удивления» $< \text{Augen machen wie ein abgestochenes Kalb}$ (то же значение) $> > \text{gucken wie ein abgestochenes Kalb}$ (то же значение);

(2) $\text{ФЕ}_1 > \text{ФЕ}_2 > \text{ФЕ}_3$, например: *j-m die Zähne blecken* (устар.) «сопротивляться, угрожать кому-либо» $> \text{j-m die Zähne zeigen}$ (то же значение) $> \text{wer nich beißen kann, muß die Zähne nich zeigen}$ (посл.) «не можешь кусаться, зубы не показывай».

Представляется целесообразным рассматривать ФЕ, находящиеся в деривационных отношениях, как особое, деривационное гнездо. Примером такого гнезда могут служить ФЕ с общим значением «быть не совсем нормальным»: *einen Sparren zuviel haben* $< \text{einen Sparren zuviel oder zuwenig haben}$ $>$ (устар.) *einen Sparren zuwenig haben*. Внутри деривационного гнезда могут быть выделены два типа отношений между наполняющими его ФЕ: непосредственные (прямые) и опосредованные (косвенные) деривационные отношения. К первому типу относятся отношения между производящей и производной ФЕ, ко второму — отношения между ФЕ-дериватами, образованными от одного и того же фразеологизма-источника.

Наряду с лингвистическими важную роль в процессе формирования фразеологического корпуса современного немецкого языка играли и продолжают играть экстралингвистические факторы. Под экстралингвистическими факторами фразеологизации условимся понимать неязыковые феномены материальной и духовной жизни народа — носителя языка на протяжении всей его истории, оказавшие непосредственное влияние на формирование ФЕ и закрепленные в их внутренней форме. Они обуславливают национальную специфику фразеологии того или иного языка. Для немецкой фразеологии оказались релевантными следующие экстралингвистические факторы:

1) фрагменты античных мифов и представлений, ср.: *j-p an seiner Achillesferse treffen* «навредить кому-либо, используя его слабое место» (букв. «попасть кому-либо в ахиллесову пятю»), *ins Elysium eingehen* (устар.) «умереть» (букв. «войти в Элизиум», загробный мир в греческой мифологии);

2) христианская религиозная мифология, библейские мотивы, ср.: *der alte Adam* «старые привычки, взгляды, пережитки прошлого» (букв. «ветхий Адам»), *das A und O* «сущность, самое главное» (букв. «альфа и омега»);

3) древние обычаи и обряды немецкого народа, ср.: *auf*

dem Brett liegen (баварский диалект), *ufm Stro lijen* (эльзасский диалект) «быть мертвым» (по старому обычаю, умерших перед тем, как хоронить, клали на специальную доску или солому);

4) немецкие народные верования и поверья, ср.: *aufs Moog kommen* «умереть, так и не выйдя замуж» (букв. «прийти на болото», по поверью, болото — место пребывания и наказания незамужних женщин после их смерти), *unter einem glücklichen Stern geboren sein* «быть счастливым» (букв. «родиться под счастливой звездой»);

5) конкретные условия жизни, быт немцев, ср.: *von der Schnur leben* «проживать свое состояние» (обычай нанизывать сэкономленные деньги, монеты на шнурок), *auf Kreide leben* «жить в кредит» (обычай записывать долги мелом);

6) реальные исторические события из жизни немецкого народа, ср.: *nach Seife gehen* (устар.) «идти на верную гибель» (букв. «идти за мылом»; эпоха крестовых походов, участники которых — немногие оставшиеся в живых — обычно возвращались домой с иерусалимским мылом);

7) жизнь и деятельность известных личностей феодальной Германии (монархов, ученых и т. п.), ср.: *den dicken Wilhelm markieren* «вести расточительный образ жизни» (букв. «изображать толстого Вильгельма», прозвище прусского короля Фридриха Вильгельма II, известного своей полнотой и расточительным образом жизни), *nach Adam Riese* «если правильно посчитать» (букв. «по Адаму и Ризе», А. Ризе — известный в XVI в. в Германии составитель учебников по арифметике);

8) эмпирические наблюдения, типичные ситуации повседневной жизни, ср.: *auf der Bärehaut liegen* «бездельничать» (букв. «лежать на медвежьей шкуре»), *die weiße Maus* (шутл.) «регулирущик» (букв. «белая мышь», намек на цвет формы);

9) различные сферы деятельности людей (практические): наука, техника, искусство, спорт, сельское хозяйство, транспорт, военное дело, охотничий промысел, учеба и др., ср.: *j-m grünes Licht geben* «разрешить кому-либо что-либо» (букв. «дать зеленый свет»), *die erste Geige spielen* «играть ведущую роль» (букв. «играть первую скрипку»), *j-p aufs Korn nehmen* «иметь виды на кого-либо» (букв. «брать на мушку кого-либо»), *das Pferd beim Schwanz aufzäumen* «начинать дело не с того конца» (букв. «запрягать лошадь с хвоста») и др.

¹ См.: Селиванов Г. А. Фразеология русской деловой письменности XVI—XVIII вв.: Автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 1973; На-

зарян А. Г. История развития французской фразеологии. М., 1981.

² Москальская О. И. История немецкого языка. Л., 1969.

³ Рахманова Н. И. Устойчивые словесные комплексы в средневерхнемецкой прозе: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1982.

⁴ О классификации ФЕ см., например: Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.

⁵ См.: Палевская М. Ф. Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. Кишинев, 1972; Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980; Бурмистрович Ю. Я. Образование фразеологизмов как ономастологический процесс, осуществляемый по модели (на материале субстантивных фразем русского языка): Автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1982; Губарев В. П. Проблема семантики разнооформленных знаков прямой и косвенной номинации в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1981; Денисова О. И. Регулярность фразеобразовательных процессов в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1983; Рахмиров С. А. Антитеза как компонент фразеологической семантики: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1983.

Н. Ф. ПОНОМАРЕВ
Пермский университет

СТАТИКА И ДИНАМИКА В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Еще в 1952 г. академик В. В. Виноградов писал: «Вопросы словообразования должны возбудить глубокий интерес советских специалистов по самым разнообразным языкам мира»¹. В последние годы появилось множество работ, посвященных сопоставлению типологически родственных и типологически несхожих языков с целью выявления общего и специфического в структуре и функционировании их словообразовательных систем². Решение любой частной проблемы языкознания всегда дается в рамках какой-либо общей теории, и с этой точки зрения все подобного рода исследования можно разделить на два больших класса: «статические» и «динамические».

Лингвисты, отождествляющие статику языка с его синхронией, задачей языкознания считают изучение отношений между единицами языка. В основе подобных концепций лежит противопоставление не статики и динамики как результатов процесса функционирования языковой системы и самих процессов, а синхронии и диахронии как различных способов описания системы языка. Развитие (а функционирование есть лишь сторона развития, но сторона обязательная) отдается на откуп диахронии³. В частности, В. Н. Немченко пишет: «Историческое словообразование (или диахроническое словообразование. — Н. П.) — это учение о словообразовательных процессах, о закономерностях образования новых слов, об изменении структуры уже существующих произ-

водных слов, о формировании словообразовательной системы языка, ее изменении, развитии и т. п.»⁴. Исходя из этого строят различные классификации производных слов, выделяют типы словообразовательных мотиваций⁵, спорят о том, что такое словообразовательное значение, определяя его как некоторую промежуточную величину между лексическими и грамматическими значениями⁶. Суть механизма словообразования, по мнению этих авторов, — соотношение производных и производящих основ⁷. Иначе, сущностью процесса является отношение, возникшее в результате процесса. Предпринимаются попытки представить словообразование как синтез, правда, чисто механический, поскольку рассматриваются лишь морфологические и морфонологические ограничения при производстве новых слов, но и в таком случае словообразовательное значение есть «инвариантная семантическая часть аффикса»⁸, хотя еще Г. О. Винокур утверждал, что аффикс обладает значением «только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значении производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию»⁹.

Поиски словообразовательных значений как компонентов содержательной структуры производных и сложных слов привели Б. Ю. Городецкого к мысли о необходимости выделения основных семантических реляций, которыми связаны компоненты сложного слова. Автор не утверждает, что именно так порождаются сложные слова, он лишь использует данную методику в практических целях¹⁰. Выявление семантических реляций в ходе рассмотрения разнородного в типологическом отношении материала, несомненно, способствует более глубокому пониманию универсальных механизмов словообразования. С позиций лингвистической типологии исследуют композиты и Лаури Бауер: в основе классификации лежит сочетаемость семантических ролей компонентов субстантивных композитов английского, французского и датского языков¹¹.

Динамические теории словообразования также весьма разнообразны и порой противоречивы. В 1960 г. Р. Лиз, опираясь на положения трансформационной грамматики Н. Хомского, выдвинул гипотезу, согласно которой всякое сложное слово есть результат специальных преобразований некоторой глубинной структуры, лежащей в его основе¹². Однако эта гипотеза позже была отвергнута в силу, по крайней мере, двух обстоятельств. Во-первых, получалось, что одно и то же ядерное предложение порождает разные слова, а во-вторых, в рамках трансформационной грамматики нельзя объяснить появление в слове так называемых семантических

приращений, поскольку трансформации языковых структур не должны влиять на их семантику, в то время как «показателем отношений словообразовательной производности может считаться исключительно семантический сдвиг в производном слове»¹³.

П. А. Соболева выделяет три основных задачи словообразования, одной из которых является «объективация словообразовательной структуры слова», а в силу того, что такой структурой называется «множество шагов деривации, необходимых для порождения этого слова»¹⁴, мы можем назвать такой подход динамическим. Известное разграничение деривации на синтаксическую и лексическую, введенное Е. Куриловичем¹⁵, предстает как различие деривационных шагов на транспонирующие и идентифицирующие¹⁶. В связи с этим словообразование понимается как множество процессов применения операции аппликации к производящему слову, в результате чего возникают производные единицы — словообразовательные структуры, гнезда и ряды. Однако и такая модель не позволяет объяснить и предсказать появление многозначных производных. Кроме того, словообразовательные значения как конструкты модели имеют крайне обобщенный характер, вследствие чего оперирование ими в конкретном исследовании затруднено.

Чисто синтаксический взгляд на производные слова обнаруживает Е. Л. Гинзбург, согласно которому «производное является синтактико-морфологической формой производящего»¹⁷. При подобном «связывании» словообразования и синтаксиса доминирует синтаксис, изучаются результаты воздействия механизмов лексической деривации на функционирование слова в предложении.

Мысль о связи словообразования и синтаксиса не нова¹⁸. Гипотеза о том, что каждое производное соотносится с каким-то словосочетанием, активно используется многими лингвистами¹⁹, однако немногие пошли дальше констатации этого положения, ограничиваясь описанием структурно-семантических зависимостей между компонентами сложного слова на основе «обратной» трансформации в словосочетание²⁰. Развернутую характеристику словообразования с позиций психолингвистики дает Л. В. Сахарный²¹. С его точки зрения этот процесс происходит в два этапа — номинации и универбизации. На первом этапе возникает расчлененное наименование, в котором сочетаются идентифицирующий и дифференцирующий компоненты и которое на втором этапе «свертывается» в слово. Исходная номинация актуально членами. Автор выявляет условия сохранения в полученном таким образом универбе тематической или рематической части, делая

при этом важный вывод: «Чем больше свертывается тема развернутого наименования при универбизации, тем более важным фактором, определяющим точность осознания универба, оказывается контекст, в котором отражены элементы этой темы»²². Данная концепция имеет и экспериментальное подтверждение²³.

Онтологическая связь синтаксиса и словообразования очевидна, поэтому одной из задач последнего, по мнению В. М. Павлова, является изучение «участия словообразовательных моделей в синтаксисе как речевом процессе в качестве элементов включающих их в себя синтаксических конструкций и средств синтаксического конструирования на базе «готового» лексического материала»²⁴.

Более развернутую характеристику процессов словообразования предлагает Е. С. Кубрякова. Она исходит из положения о том, что «наречению предмета или другого явления действительности предшествует вынесение суждения о нем, основанное на приписывании ему определенных признаков и свойств»²⁵, однако в речевой практике возможны три типа словообразовательных процессов: аналогический, корреляционный и дефиниционный, среди которых главное место занимает последний. Под словообразовательной моделью понимаются «принятые обществом способы трансформации суждений об обозначаемых в их названиях»²⁶, а главной задачей словообразования как раздела языкознания признается выявление таких моделей, не застывших схем, а правил перехода.

Дальнейшее развитие словообразование получает в работах так называемой дериватологической школы²⁷, в которых оно предстает как один из конкретных разделов дериватологии, науки о процессах образования языковых единиц, динамической модели языка. С этой точки зрения лексическая деривация есть некоторый момент языковой коммуникации, процесс синтактико-семантический, непосредственно связанный с образованием предложения и текста. Слово является вторичной номинацией, в которой тематическая часть предшествующей первичной номинации — предложения — подвергается компрессии, и этим обеспечивается связность и компактность текста. Механизм образования сложного слова может быть передан формулой деривационного шага, который представляет собой процессуальную единицу²⁸.

Как видно, четыре последние концепции имеют много общего, хотя причины их возникновения различны. Это не случайно: современные процессы дифференциации и интеграции, как внутринаучные, так и межнаучные, позволяют посмотреть на, казалось бы, тривиальные истины критически.

Синхронно-динамический подход к языку позволяет проводить различие между онтологией его как объекта реальной действительности (в этом смысле язык динамичен, непрерывно существуя в процессах функционирования) и гносеологическими приемами его изучения (динамика языка «разрастается» в его диахронию, а изменения системных параметров, вызванные этим, могут учитываться лингвистом в той или иной степени).

Мы полагаем, что «динамические теории» применительно к словообразованию нуждаются не только в иллюстрациях, но и в последовательной проверке на материале разных языков. С этой точки зрения очень много может дать сопоставление исходных текстов, включающих интересующие нас единицы, с их переводами на языки различной типологии: позволит выявить специфику и общее в лексической деривации, взаимосвязь деривации лексической, синтаксической и семантической, отношения между типами деривации и т. п. Да и с диалектической точки зрения такой подход наиболее целесообразен.

¹ Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии//Исследования по русской грамматике. М., 1975.

² Отметим два последних больших сборника: Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (Проблемы сложных слов). М., 1985; Осложнение и полуаффиксация в научном стиле и литературной норме. Владивосток, 1982.

³ Аргументы в пользу такой точки зрения не очень убедительны: поскольку «способ словообразования непосредственно связан со словообразовательным процессом, так что любой способ словопроизводства диахроничен», то при синхронном подходе «исследователь имеет дело не с процессами, а с их результатом, т. е. с производными словами» (Балашкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование. Казань, 1985. С. 6—8). Авторы при этом имеют в виду известное высказывание Бодуэна де Куртенэ: «Нет неподвижности в языке. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика есть частный случай динамики или скорее кинематики» (Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. С. 349).

⁴ Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984. С. 5. Подобная точка зрения представлена также в кн.: Шанский Н. М., Тихонов А. И. Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М., 1981; Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

⁵ Можно назвать две наиболее характерные работы такого типа: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977; Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977.

⁶ В частности, в уже упоминавшейся работе В. Н. Немченко словообразовательное значение определяется как обобщенное значение производных слов определенной словообразовательной структуры, а слово-

образовательная структура — как свойство, которое зависит от словообразовательных значений производного.

⁷ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 68.

⁸ Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. С. 9.

⁹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию//Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

¹⁰ Городецкий Б. Ю. Полевое исследование синтагматической семантики//Вестн. Моск. ун-та Сер. Филология. 1971. № 6. Подобного мнения придерживается и Р. С. Манучарян: «Словообразовательное значение — это общая для ряда производных слов семантическая реляция их структурных компонентов, основанная на корреляции этих производных и соответствующих производящих» (Манучарян Р. С. Проблемы исследований словообразовательных значений и средств их выражения (на материале сопоставления русского и армянского языков): Автореф. дис... д-ра филол. наук. Ереван, 1975. С. 10—11).

¹¹ Bauer L. Grammar of Nominal Compounding. Odense, 1978. Vol. 4.

¹² Lees R. B. The Grammar of English Nominalization. Bloomington, 1960; Botha R. R. The Function of the Lexicon in Transformational Generative Grammar. The Hague, 1968.

¹³ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. С. 48.

¹⁴ Соболева П. А. Словообразовательная омонимия и полисемия. М., 1980. С. 6—12.

¹⁵ Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая//Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57—70.

¹⁶ Соболева П. А. Словообразовательная омонимия и полисемия. С. 39.

¹⁷ Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979. С. 33.

¹⁸ Еще Ф. И. Буслаев говорил о возможности сокращения предложения в отдельный член, см.: Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 281—283.

¹⁹ См. современные учебники по курсу английского, немецкого и французского словообразования.

²⁰ Чавчавадзе Т. Именное словосложение в новоперсидском языке. Тбилиси, 1981; Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. 2. Грамматическое словообразование. М., 1955; Пашковский А. А. Слово в японском языке. М., 1980.

²¹ Сахарный Л. В. Словообразование как синтаксический процесс//Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.

²² Сахарный Л. В. Структура слова-универба и контекст//Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1979.

²³ Сахарный Л. В. К экспериментальному исследованию осознания значения слова (соотношение лексического значения и словообразовательной структуры)//Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1972. Вып. 3.

²⁴ Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985. С. 276.

²⁵ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений... С. 36—38.

²⁶ Там же. С. 54.

²⁷ В Перми уже прошли две межвузовские научные конференции по дериватологии, которые показали, что даже в рамках одной концепции единого нет. Отметим сборники, связанные с этим направлением: Семантические аспекты слова и предложения. Пермь, 1980; Теоретические

аспекты дериватологии. Пермь, 1982; Деривация и текст. Пермь, 1984; Деривация и семантика: слово — предложение — текст. Пермь, 1986.
²⁸ Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984. С. 41—46.

Ю. С. АЗАРХ
Институт русского языка АН СССР

О СИНОНИМИИ ОДНОКОРНЕВЫХ СЛОВ

Однокорневые слова с полностью или частично совпадающими лексико-семантическими вариантами значения пока не имеют общепринятого наименования. В современной русистике их называют однокоренными синонимами; словообразовательными синонимами и параллелями, вариантами, вариантоидами, дублетами; лексико-словообразовательными вариантами; параллельными образованиями и параллелями; морфологическими синонимами и вариантами. Этот далеко не полный перечень номинаций, различающихся и по своему содержанию, отражает недостаточную разработанность и дискуссионность ряда положений, касающихся вариантности и синонимии слов и словообразовательных средств.

Мы ограничимся в этих заметках рассмотрением двух вопросов: 1) различия однокорневых и разнокорневых синонимов; 2) причины появления однокорневых синонимов.

И однокорневые, и разнокорневые синонимы могут иметь тождественное денотативное значение, соотноситься с одним и тем же предметом, явлением реальной или воображаемой действительности. Подобные слова называют полными синонимами, или дублетами. Для них характерны одинаковая сочетаемость и взаимозаменяемость, но возможны различия в экспрессивно-стилистической окраске и сфере употребления (ср.: *авиатор* и *летчик*, *пилот*; *жестяжник* и *жестяжник*¹). И однокорневые, и разнокорневые синонимы могут соотноситься с одним и тем же понятием о предмете мысли. Понятие о предмете мысли — категория отражательная, исторически развивающаяся. Отсюда возможность неполного совпадения семантического объема синонимов (частичная синонимия), различия в оттенках значения. Подобные синонимы нередко имеют разную сочетаемость (ср.: *заграничный* и *зарубежный*; *бой* и *битва*, *побоище*).

И однокорневые, и разнокорневые синонимы — всегда факт синхронии, хотя обычно они возникают в языке неодновременно. Синонимические ряды исторически изменчивы, что особенно характерно для рядов, члены которых являются по полному синонимами. Неправомерно, на наш взгляд, называть синонимическими лексемы, морфемы, словоформы, син-

таксические конструкции, употребительные в разные исторические эпохи или же свойственные разным функциональным стилям языка, не контактирующим друг с другом территориальным диалектам. Семантически полностью или частично эквивалентные языковые единицы разных синхронных срезов можно было бы называть историческими соответствиями при принадлежности их к одному функциональному стилю. Аналогичные единицы, свойственные разным функциональным стилям в диахронии и синхронии, можно было бы называть историческими функционально-стилистическими соответствиями, а при употребительности их в языке одной эпохи — функционально-стилистическими соответствиями. Подобные единицы в территориальных диалектах называют междиалектными соответствиями.

И для однокорневых, и для разнокорневых синонимов характерны синхронные и диахронные различия, в частности употребления. Эволюция однокорневых и разнокорневых синонимов одинакова. Им могут быть свойственны следующие этапы развития синонимических отношений: при полной синонимии — утрата одного из дублетов или развитие частичной синонимии; при частичной синонимии — утрата эквивалентных компонентов значения, разрушение синонимических отношений или усиление семантико-стилистической дифференциации синонимов. Разнокорневые синонимы, как правило, более устойчивы. Сосуществование однокорневых синонимов обычно кратковременно.

Различия между однокорневыми и разнокорневыми синонимами обнаруживаются в их парадигматических связях. Однокорневые синонимы принадлежат к одному словообразовательному гнезду, они связаны непосредственными или опосредованными словообразовательными отношениями. Однокорневые синонимы могут быть членами словообразовательной пары (*кроха* — *крошка*; *здоровый* — *здоровенный*; *брезгать* — *брезговать*; *давно* — *давненько*), словообразовательной цепи (*бодрить* и *взбадривать*; *бедный* — *бедный* сущ. — *бедняга* — *бедняжка*; *ветхий* и *обветшалый*), словообразовательной парадигмы (*председательница* и *председательша*; *бессвязный* и *несвязный*; *подгореть* и *пригореть*). Однокорневые синонимы могут быть производными от членов одной и разных словообразовательных парадигм (*гореть* — *подгореть*, *подгорелый* и *пригореть*, *пригорелый*; *владеть* — *владыка*, *власть* — *властелин*, *властити* — *властитель*²; *волочь* — *волочься*, *волочь* — *волочить* — *волочиться*, *влечь* — *влечься*). Все однокорневые синонимы принадлежат к одной словообразовательной категории, или группе словообразовательных типов, объединенных общим деривационным значением и од-

нотипной словопроизводственной базой. К понятию словообразовательной категории близко понятие «блок словообразовательных типов» у С. Ю. Адливанкина³.

И однокорневые, и разнокорневые синонимы являются членами тематических и лексико-семантических групп, функционально-семантических полей, синонимических и антонимических рядов. При многочленности синонимического ряда в него обычно входят как однокорневые, так и разнокорневые синонимы: *воодушевление, одушевление, увлечение, подъем, энтузиазм; брюзга, ворчун, воркотун; впалый, ввалившийся, запавший, ввалившийся, провалившийся, втянутый, подтянутый; испытать, изведать, отведать, узнать, познать, увидеть, увидеть, повидать, попробовать, вкусить, испить, хлебнуть, хватить*.

Однокорневые синонимы могут различаться фонемным составом корня: *горожанин, городской сущ.; любимый, излюбленный*. Они могут иметь разные производящие основы: *бунт-арь и бунтов-щик; загуб-ить и погуб-ить; немедлен-о и незамедлительн-о*. Однокорневые синонимы различаются словообразовательными морфемами производной и/или производящей основы, но это не является их отличительной особенностью. Словообразовательными аффиксами различаются и паронимы, и несинонимичные однокорневые образования с однотипным деривационным значением (ср. *писать, писарь и писец* с одинаковым словообразовательным значением 'той, кто имеет отношение к действию, названному производящей основой').

Однотипность общего словообразовательного значения (СЗ) еще недостаточна для установления синонимических отношений между однокорневыми словами одной части речи. Для однокорневых синонимов обязательна непосредственная или опосредованная мотивация одним и тем же лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) производящего при его многозначности.

При транспозиции, или синтаксической деривации, члены словообразовательной пары принадлежат к разным частям речи (глагол — существительное, прилагательное — существительное) и имеют одинаковое значение. В принципе все транспозиты — существительные от синонимичных глаголов или прилагательных — при мотивации производных одними и теми же ЛСВ производящих могут быть синонимами: ср. *нелепый, несуразный и нелепость, несуразность; приглядеть, присмотреть и пригляд, присмотр*. Синонимичными могут быть производные, мотивированные глаголом и существительным — транспозитом этого глагола: *лгун* от *лгать* и *лжец* от *ложь*. При актуализации у приставки значения предельности становятся синонимами транспозиты от бесприставочного и

приставочного глаголов: *месть, мщенье и отмщенье, отмстка*. У транспозитов прилагательных возможны однокорневые синонимы, различающиеся степенью проявления названного признака: *хитрость, хитроватость, хитринка, хитреца*. Подобные синонимы могут иметь наряду с непосредственной (*хитрый — хитрость, хитринка, хитреца; хитроватый — хитроватость*) и опосредованную мотивацию (*хитрый — хитроватость*). Транспозиционным СЗ могут обладать лишь имена существительные, так как ономаσιологическая природа этой части речи допускает возможность значения отвлеченного признака. Однокорневые транспозиты чаще являются частичными синонимами. При тождестве ЛСВ они различаются сочетаемостью и частотностью.

При мутации члены словообразовательной пары находятся в отношениях семантического пересечения. Мутационное СЗ указывает на отношение производящего к тому, что названо производящей основой. При мутации в лексическом значении производного обычно находят отражение наиболее типичные, социально значимые связи между референтами производящего и производного: данными предметом и признаком, предметом и процессом; признаком и предметом, процессом и предметом, процессом и другим предметом. Мутационное СЗ присуще производным всех знаменательных частей речи. При мутации члены словообразовательной пары принадлежат либо к разным частям речи, либо к различным в синхронии или диахронии лексико-грамматическим разрядам одной части речи: *белый — белок, белуха, белеть, белить, бело; бегать — бегун, беглый; песок — пескарь, песчаный, песочный, песочить*. Существование пар типа *рыба — рыбац* является следом функционирования категории лица/не-лица в русском языке XI—XVII вв. В синхронии производные одушевленные имена от одушевленных существительных, как правило, воспроизводятся, а не являются новообразованиями.

При мутации лексическое значение производного не связано непосредственно с его принадлежностью к определенному словообразовательному типу. Полная синонимия не характерна для однокорневых слов с мутационным СЗ. Их лексическое значение исторически изменчиво и подвижно в большей степени, чем лексическое значение транспозитов. Это обусловлено тем, что при транспозиции производящее и производное семантически тождественны, а при мутации степень семантической близости членов словообразовательной пары может быть различной как у разнокорневых слов однотипной структуры, так и у однокорневых слов разных словообразовательных типов.

В русском языке лексическое значение слова в синхронии определяется нормой употребления, узусом. Набор ЛСВ производного ограничен типом СЗ и семантикой производящего. Норма языковой системы при мутации предопределяет лишь значение отношения у членов словообразовательной пары. В разных языковых системах дериваты с тождественными производящей основой и формантом при общности у них мутационного СЗ могут быть лексическими омонимами (ср.: *блинник* 'тот, кто печет блины на продажу' в деловой письменности XVI в.⁴; в современных говорах разных регионов слово *блинник* отмечено в следующих значениях: 'любитель блинов' пск./Опоч., волог./Кадн., перм./Шадр.; 'посуда, в которой разводят тесто для блинов' ленингр./Лодейнопол.; 'сковорода для блинов' Ср. Урал.; 'сковородник' влад./Вязник.⁵).

Сохранение длительных отношений дублетности между однокорневыми словами с мутационным СЗ возможно при тождестве финалей их суффиксов. Степень информативности именных суффиксов возрастает к исходу морфемы, причем смысловозначительная роль согласных у именных аффиксов выше аналогичной функции гласных. Этим, видимо, объясняется полная синонимия в языке XIII—XVII вв. и ряде современных говоров однокорневых образований на *-ник* и *-чик/-щик* типа *красильник* и *красильщик*.

Количество полных или частичных однокорневых синонимов связано с числом функционирующих в языковой системе словообразовательных типов одной словообразовательной категории. Появление однокорневых синонимов предопределяют однотипность и недостаточную дифференцированность словообразовательной базы у разных словообразовательных типов. Отсутствие однозначной связи между суффиксом и типом семантического соотношения членов словообразовательной пары в тех случаях, когда суффикс не является показателем категориального грамматического значения, также обуславливает возможность появления однокорневых и разнокорневых синонимов. Синонимия производных слов может устанавливаться при тождестве или синонимии корней и общности морфологических показателей.

При модификации лексическое значение производящего полностью включается в семантику производного. Последнее отличается от производящего дополнительным семантическим компонентом. Производящие и их модификаты принадлежат к одной части речи и одному лексико-грамматическому разряду. Модификаты, отличающиеся от производящих одинаковыми дополнительными семантическими признаками (к таковым относятся уменьшительность, увеличительность, единичность, собирательность, невзрослость, женскость, субъ-

ективная оценка, степень проявления признака, кратность действия и т. п.), являются полными синонимами. Они могут различаться стилистической окраской: *гусенок* и *гусыньш*; *бобылка* и *бобылиха*; *офицерство* и *офицерье*; *хитроватый* и *хитренький*; *стегнуть* и *стегануть*. Однокорневые модификаты могут при тождестве словообразовательного и лексического значений различаться морфологическими показателями: грамматическим родом, словоизменительным классом (*солдате* и *солдатня*; *домина* и *домище*). Синонимические ряды модификатов обычно двучленны, что обусловлено полной синонимией членов таких рядов и ограниченностью словообразовательных типов с тождественным модификационным значением.

При утрате производящего или разрушении семантической оппозиции между членами словообразовательной пары производное утрачивает модификационное значение. Например, первичные уменьшительные *венец* и *венюк*, утратив модификационное значение в связи с неупотребительностью производящего *вен*, перестали быть синонимами. Развитие полисемии у производящего и/или производного также приводит к утрате модификационного словообразовательного значения и разрушению синонимических отношений у однокорневых модификатов: *дворец* и *дворик* в современном литературном языке при многозначности производящего *двор*.

При тождестве морфологической характеристики производящего и модификата у последнего может происходить угасание модификационного значения. Например, в разговорной речи и современных говорах наблюдается стирание семантических различий между производными уменьшительными, суффиксы которых имеют структуру «гласный + *ц* или *к*», и их производящими: *ведро* — *ведерко*, *ковш* — *ковшик* 'сосуд', *скамья* — *скамейка* и т. п. В функции деминутивов при этом начинают употребляться уменьшительные второй степени с уменьшительно-ласкательным значением: *ведерко* — *ведерочко*, *ковшик* — *ковшичек*, *скамейка* — *скамеечка*. При утрате производящего или развитии полисемии у производящего между первичными уменьшительными — однокорневыми дублетами могут устанавливаться отношения, аналогичные оппозиции членов словообразовательной пары: *пуговица* — *пуговка*; *скворец* — *скворушка*. Между производящим и его модификатом возможна контекстная синонимия, их взаимозаменяемость в тексте: *врач* пришла и *врачиха* пришла; остались одни *старик* и осталось одно *старичье*; *молодая* женщина и *молоденькая* женщина; *подменять* и *подменивать* сменщика.

Итак, тождество типа словообразовательного значения —

необходимое условие синонимии однокорневых слов. Эта возможность реализуется только при тождестве значений производящих у синонимичных транспозитов и модификатов. При мутации полностью или частично эквивалентные по смыслу однокорневые слова являются обычно соответствиями, характерными для разных языковых систем или подсистем.

Однокорневые синонимы не возникают в результате словопроизводства, основным назначением которого служит создание номинаций с новым содержанием. Отношения синонимии между однокорневыми словами развиваются как следствие общности словопроизводственной базы у ряда словообразовательных типов с однотипным семантическим соотношением производящих и производных. Возможность выбора словообразовательного средства при номинации одного и того же предмета, явления, качества, процесса делает возможным появление однокорневых синонимов в языке континууме, состоящем из разных социально-возрастных групп.

Производное слово — готовая к употреблению лексема, которая уже в момент порождения включается в парадигматические отношения как в словообразовании, так и в лексике. С одной стороны, тождество корня, общность типа словообразовательного значения у ряда дериватов при относительной свободе выбора словообразовательных средств способствуют регулярному порождению однокорневых синонимов. С другой стороны, тенденция к специализации словообразовательных типов и средств приводит к неустойчивости явления синонимии у однокорневых слов, что особенно характерно для производных с мутационным СЗ, лексическое значение которых идиоматично. Однокорневые синонимы этого типа СЗ малочисленны.

Появление однокорневых дублетов может сигнализировать о конкуренции словообразовательных типов. Выбор одного из однокорневых дублетов зависит не только от продуктивности/непродуктивности его словообразовательной модели. Этот выбор может определяться частотностью слова, сложившейся нормой употребления дублетов. Например, в современном языке из функционировавших в деловой письменности XV—XVII вв. дублетов *заженщикъ*, *зажетчикъ*, *зажигальникъ*, *зажигальщикъ*, *поджигатель*⁶ сохранилось лишь последнее слово этого списка, хотя в синхронии значение лица актуальнее для дериватов с суффиксом *-чик/-щик*.

Чем дольше функционируют в языке однокорневые слова с мутационными или транспозиционными СЗ, тем реже отмечаются среди них дублеты и тем чаще у частичных синонимов наблюдаются различия в частотности и сочетаемости:

ср. *бег*, *беганье*, *беготня*, *бегство*. Для давно существующих в языке однокорневых синонимов характерно употребление их в синхронии в разных функциональных стилях: ср. *белизна* и типичные для поэзии *бель* и *белость*; *рыбак* и *рыбарь*.

Связана ли синонимия однокорневых слов с синонимией словообразовательных средств? Синонимия свойственна лексическим морфемам — корням и префиксам, а также усеченным связанным основам, выступающим в составе сложных слов. Эти морфемы могут быть омонимами лексем. Употребление суффикса в функции слова всегда окказионально и контекстно обусловлено. Едва ли правомерно говорить о синонимии суффиксов и потому, что они имеют всегда связанное значение. Это значение не выводимо ни из внутрисловного окружения суффикса, ни из контекста суффиксального деривата, ни из различия семантики производящего и производного. Суффиксы имеют абстрактное значение, что определяет возможность развития у производных слов регулярной многозначности, актуализации переносных значений.

Суффиксам могут быть присущи следующие функции:

1. Релятивная, указывающая на отношение слова к другому слову, на производность слова. Эта функция свойственна всем словообразовательным морфемам.
2. Дистинктивная, указывающая на формальное отличие производного от других однокоренных слов или словоформ одной лексемы. Эта функция также характерна для всех суффиксов.
3. Грамматическая, указывающая на принадлежность производной основы и производного к основам и словам определенной части речи. Этой функцией обладают лишь суффиксы, специфичные для словообразования одной части речи.
4. Морфологическая, указывающая на принадлежность производного к определенному словоизменительному классу, наличие у производного таких грамматических значений, которые определяют систему его словоформ. Суффиксы, обладающие этой функцией, являются формальными показателями рода и типа склонения существительных, качественности/относительности и возможности/невозможности форм компаратива у прилагательных, предельности/непредельности действия и формы будущего времени у глаголов. Эту функцию могут иметь только суффиксы, специфичные для словообразования одной части речи.
5. Семантическая, указывающая на тип семантического соотношения между членами словообразовательной пары — либо транспозиционный, либо мутационный, либо модификационный. Эта функция у суффиксов совмещается с морфологической.
6. Экспрессивно-стилистическая, преобразующая стилистически нейтральную производящую основу в стилистически ок-

рашенную, экспрессивную производную основу. Эта функция свойственна по большей части специфичным для части речи суффиксам. Суффиксы с максимальной функциональной нагрузкой — формальные показатели части речи, грамматического и словообразовательного значения выполняют роль классификационных морфем.

У полных и частичных однокорневых синонимов могут вычленяться функционально тождественные и различные суффиксы. Видимо, при установлении синонимических отношений у однокорневых слов различия в функциональной нагрузке суффиксов не играют существенной роли. У подобных синонимов практически возможен любой суффикс, регулярный в синхронии у слов одной словообразовательной категории. Ср., например, суффиксальные синонимичные образования (цифры в скобках указывают на порядковый номер функции): *бедняга* (1, 2, 3, 4, 6) и *бедняжка* (1, 2); *гусенок* (1, 2, 3) и *гусенуш* (1, 2, 3, 4, 5, 6); *турбинчик* и *турбинист* (1, 2, 3, 4, 5); *прямызна* и *прямота* (1, 2, 3, 4, 5); *ходьба* и *хождение* (1, 2, 3, 4, 5); *заливистый* и *заливчатый* (1, 2, 3, 4, 5); *фанатичный* (1, 2) и *фанатический* (1, 2, 3, 4, 5); *слабеть* и *слабнуть* (1, 2, 3, 4); *надрезать* (1, 2, 3, 4) и *надрезывать* (1, 2, 3, 4, 5). Требуется специальное исследование, чтобы решить, какую роль играет функциональное тождество суффиксов в устойчивости отношений синонимии у однокорневых слов.

В современном литературном языке у разнокорневых слов, образующих многочленные синонимические ряды, прослеживается тенденция к структурной однотипности. Нередко члены таких рядов принадлежат к одной-двум продуктивным словообразовательным моделям: *безжалостность, беспощадность, бессердечность, бесчеловечность, жестокость, бессердечие, жестокосердие; безвыходный, безнадежный, безысходный, беспросветный; боязливый, пугливый, трусливый, страшливый; ахнуть, бабахнуть, бахнуть, бацнуть, бухнуть, грохнуть, гроыхнуть, тарарахнуть, ухнуть, хлопнуть; болтать, лепетать, лопотать, щебетать*. Встречаются и двучленные синонимические ряды с разнокорневыми словами одного словообразовательного типа: *болтовня* и *трепотня*; *беловик* и *чистовик*; *волдырь* и *пузырь*; *вражеский* и *неприятельский*; *брюзжать* и *ворчать*. Однотипность структуры поддерживает синонимию разнокорневых слов.

Итак, однокорневые синонимы — разновидность лексических синонимов. Синонимия однокорневых слов обусловлена прежде всего тождеством лексической морфемы — корня. Этим определяется и возможность синонимии производящего и производного. Однокорневые слова одной словообразова-

тельной категории — результат словообразовательных процессов. Отношения синонимии у этих слов — следствие их синхронных парадигматических связей в лексике и словообразовании. Эволюция однокорневых и разнокорневых синонимов одинакова. Собственно деривационные особенности однокорневых синонимов (тип словообразовательного значения, продуктивность/непродуктивность модели, функциональная нагрузка суффикса) обуславливают лишь возможность синонимии однокорневых слов, но не обязательность реализации этой возможности. Однокорневая синонимия — периферийное явление для транспозиционных и мутационных словообразовательных типов. Она регулярна у слов с тождественными частными модификационными значениями.

¹ В статье использованы материалы Словаря синонимов (Ред. А. П. Евгеньева. Л., 1975) и Словаря русского языка, составленного С. И. Ожеговым (Ред. Н. Ю. Шведова. М., 1981).

² *Владыка* в синхронии мотивировано глаголом *владеть*. Этимологически оно является отыменным образованием. *Властелин* и *властитель* опосредованно связаны в древнерусский период с глаголом *власти*.

³ Адливанкин С. Ю. К вопросу о системности словообразования (на материале сложных существительных с опорными компонентами *-ход-*, *-лет-*, *-воз-*, *-вод-*) // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977. С. 54—55.

⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 242.

⁵ Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3. С. 24.

⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 193—194.

Л. И. ШИХАНОВА

Саратовский юридический институт

ДЕАДЪЕКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Известно, что признак предмета, образующий семантическую основу частеречного значения прилагательного, рассматривается как признак непроцессуальный, статический¹. Связь же предмета и признака, выраженная глаголом, напротив, охарактеризована временем ее существования. Глагол, как известно, определяется как часть речи, обозначающая процесс². Значение процессуальности и предопределяет использование глагола для обозначения явлений, отнесенных к конкретному моменту или периоду времени.

В процессе словообразования возникает новый номинативный знак, который приобретает категориальные показатели уже иного морфологического класса. В частности, при трансформации прилагательного в морфологический класс

Глаголов возникает новая номинативная единица — **деадъективный глагол** с присущим данному номинативному классу значением процессуальности. Таковы, например, **деадъективные глаголы** со значением постепенного перехода в какое-либо состояние, так называемые **инхоативные глаголы**, образованные путем трансформации прилагательного в морфологический класс глаголов: grün → grünep (зеленый → зеленеть), dunkel → dunkeln (темный → темнеть), hell → sich hellen (светлый → светлеть) и под.

Существует и другой способ актуального прочтения не процессуального признака, выражаемого прилагательным, когда последнее сближается по типу употребления с глаголом. Речь идет о фактах «оглаголивания» прилагательных, не сопровождающихся, однако, их трансформацией в морфологический класс глаголов. К числу подобных способов «оглаголивания» прилагательных относится так называемая **транзитивация прилагательного**, когда в состав предикации включается еще один участник ситуации. Например: Er ist böse auf mich (Он зол на меня). В подобном употреблении прилагательное выражает не свойство, постоянный признак субъекта, а скорее проявление его, приуроченное к определенному моменту или отрезку времени³.

Русский язык, кроме того, использует грамматическое противопоставление краткой и полной формы прилагательных в предикативной функции для дифференциации актуального/неактуального употребления прилагательного, т. е. для выражения признака конкретного, развивающегося во времени, в противоположность признаку постоянному, не развивающемуся во времени⁴. В немецком же языке отсутствует подобное грамматическое противопоставление краткой и полной формы прилагательного. Немецкий язык располагает иными средствами, а именно средствами синтагматики для преобразования не процессуального признака, свойственного прилагательному, в признак процессуальный, свойственный глаголу. К таким средствам, в частности, относится зафиксированная нами способность фазисных глаголов anfangen, beginnen сочетаться с глагольно-адъективными конструкциями «глагол werden + прилагательное», например: Der Himmel begann hell zu werden.

Рассмотрению этого лексико-синтаксического способа «оглаголивания» качественных прилагательных в немецком языке и посвящается предлагаемая статья. Данный способ вербализации прилагательных обнаруживает некоторые черты сходства с вербализацией прилагательных путем трансформации в морфологический класс глаголов. Применение обоих способов не предполагает изменений в материальном соста-

ве самих прилагательных. «Оглаголивание» прилагательных обоими способами регулярно происходит по имеющимся в языке моделям. Вербализация прилагательных путем трансформации осуществляется по модели «прилагательное + флексия инфинитива -ep». Отмеченный же лексико-синтаксический способ вербализации прилагательных в немецком языке реализуется через вхождение фазисных глаголов anfangen, beginnen в структуру предложений типа Der Himmel wurde hell и взаимодействие с ее конструктивными элементами, что можно представить в следующем виде: Der Himmel wurde hell → Der Himmel begann hell zu werden.

В то же время процессы «оглаголивания» прилагательных путем трансформации и посредством взаимодействия начинательных фазисных глаголов с конструкциями «werden + Adj» принципиально отличаются друг от друга по технике вербализации прилагательных. Трансформация прилагательных в морфологический класс глаголов в немецком языке происходит через соединение с категориальным показателем процессуальности — флексией инфинитива -ep. Причем немецкие прилагательные характеризуются высокой степенью избирательности относительно вербализации подобным образом. Так, не имеют соотносительных глаголов со значением перехода в какое-либо состояние прилагательные dick, stark, schwarz, taub и многие другие.

Что же касается лексико-синтаксического способа вербализации прилагательных, то он осуществляется в рамках взаимодействия начинательных фазисных глаголов с конструкциями «werden + Adj» через включение последних во временной план, определяемый фазисными глаголами. Причем неограниченный сочетаемостный потенциал начинательных фазисных глаголов позволяет сочетаться им с исключительно широким кругом прилагательных различных лексико-семантических групп. По нашим наблюдениям, в состав глагольно-адъективных конструкций, сочетающихся с фазисными глаголами anfangen, beginnen, входят прилагательные, обозначающие цвет: grau, blaß, schwarz (werden); воспринимаемые чувствами свойства и качества предметов: paß, hohl, weich (werden); внешние или физические, телесные качества людей: salopp, schwach, stark, taumelig, taub, brüchig, alt (werden); внутренние качества, качества характера, психологического склада: ruhig, unruhig, böse, faul, unsicher, argwöhnisch (werden).

Проиллюстрируем сказанное:

1) ... die unendliche Weite grünender und gilbender Felder, mit dem noch viel weiteren Blau des Himmels darüber,

das schon schwarz vom aufsteigenden Gewitter zu werden beginnt (Fall. III. 235).

2) Konsul Hermann Hagenström begann sehr stark zu werden, denn er lebte vortrefflich... (M. Th. 308).

3) Was ihre ungelehrte Schwester, Madame Kethelsen, anging, so begann sie neuerdings mit großer Schnelligkeit taub zu werden... (M. Th. 212).

Во всех примерах прилагательные schwarz (1), stark (2), taub (3) не имеют соотносительных однокоренных глаголов со значением процесса «чернеть» (1), «толстеть» (2), «глухнуть» (3). Включение же данных прилагательных, выступающих в составе глагольно-адъективных конструкций с глаголом werden — schwarz werden (стать/становиться черным), stark werden (стать/становиться толстым), taub werden (стать/становиться глухим), во временной план, определяемый фазисным глаголом beginnen с его ориентацией на выражение временных отношений, создает необходимые условия для вербализации названных прилагательных. В результате подобного взаимодействия признак статический, выражаемый прилагательным, преобразуется в признак процессуальный, динамический, выражаемый глаголом.

Приведенные примеры показывают, как немецкий язык, используя существующую в языке лексико-семантическую модель вербализации прилагательных, преодолевает и компенсирует недостаточную активность словообразовательной модели «прилагательное — деадъективный инхоативный глагол».

Указанный лексико-синтаксический способ вербализации прилагательных имеет еще одно достоинство: он открывает перед немецким языком дополнительные возможности реализации аспектуальных значений. Сочетание начинательного фазисного глагола с глагольно-адъективной конструкцией «werden + Adj» образует аспектуальный комплекс, в результирующее значение длительности процесса которого предельный глагол werden привносит дополнительный оттенок динамики, фазовой расчлененности. Во всех приведенных примерах этот аспектуальный комплекс выражает начало бурно развивающегося, динамического процесса. Причем в примере (3) значение динамики процесса усиливается предложно-падежной группой с адвербиальным значением — mit großer Schnelligkeit (с большой скоростью):

... Madame Kethelsen ... begann mit großer Schnelligkeit taub zu werden...

Приведем еще примеры лексико-синтаксического способа «оглаголивания» прилагательных в немецком языке:

4) ... die Entdeckung seiner ersten grauen Haare — er fing schon mit seinem dreißigsten Jahre an, grau zu werden... (Fall. IV. 299).

5) «Habe zu viel getrunken, denkt er (Kufalt), wie sein Magen so weich zu werden anfängt und sich langsam dreht (Fall. 11. 436).

В данных примерах прилагательные grau (седой) и weich (мягкий) имеют соотносительные однокоренные глаголы со значением процесса — grauen (седеть), weichen (смягчаться, размягчаться). Однако предпочтение отдается здесь, как видим, не лексико-грамматическому, словообразовательному, а лексико-синтаксическому способу вербализации прилагательных, и, видим, неслучайно. Именно лексико-синтаксический способ вербализации прилагательных позволяет сообщить описываемым процессам необходимый в некоторых случаях дополнительный оттенок динамики процесса.

Говоря о словообразовательном и лексико-синтаксическом способах вербализации прилагательных и о связанных с ними возможностях реализации аспектуальных значений, следует также добавить, что лексико-синтаксический способ «оглаголивания» прилагательных дает возможность представить описываемый процесс, когда это нужно, в нарастании степени признака. Последнее достигается благодаря использованию форм сравнительной степени прилагательных — компонентов глагольно-адъективных конструкций с глаголом werden.

Проиллюстрируем сказанное:

6) Der Himmel, an dem unbeweglich ein paar weiße Wolken standen, begann langsam blässer zu werden (M. Th. 81).

7) Seine (des Kommissars Escherich) eben erst wieder belebte Hoffnung begann von neuem schwächer zu werden (Fall, 1, 186).

Яркая картина процессуальности, усиленная дополнительным оттенком нарастания степени признака в приведенных примерах, не может быть передана неопределенными деадъективными инхоативными глаголами, так как они, как известно, не имеют для выражения данного значения соответствующих формальных средств выражения: Der Himmel begann blässer и Der Himmel begann zu blässen zu werden.

Таким образом, сочетания начинательных фазисных глаголов немецкого языка anfangen, beginnen с глагольно-адъективными конструкциями «werden + Adj» и сочетания тех же фазисных глаголов с однокоренными деадъективными глаго-

лами не дублируют друг друга в плане реализации аспектуальных значений, но позволяют описать языковыми средствами один и тот же фрагмент действительности, выделяя, однако, различные стороны описываемого объекта. Так, если первые призваны выразить начало процесса, представленного в динамике, а если это необходимо, то и в нарастании степени признака, то смысл существования вторых состоит в подчеркивании начала процесса, охарактеризованного лишь со стороны его длительности.

Подведем итоги.

1. В немецком языке есть два принципиально противоположных по средствам, но в равной мере регулярно применяемых по существующим в языке моделям способа вербализации прилагательных, не вызывающих изменений в материальном составе и лексическом значении последних. Один из них, безаффиксальный лексико-грамматический способ вербализации прилагательных, заключается в трансформации модели «прилагательное — деадъективный инхоативный глагол». Другой способ вербализации прилагательных, лексико-синтаксический, возможен на синтаксическом уровне при взаимодействии фазисных глаголов начинательной семантики с глагольно-адъективными конструкциями «глагол *werden* + качественное прилагательное».

2. Лексико-грамматическая модель «прилагательное — деадъективный инхоативный глагол», предусматривающая трансформацию прилагательных в морфологический класс глаголов, не обладает в немецком языке достаточной словообразовательной активностью.

3. Сочетания фазисных глаголов *anfangen*, *beginnen* с конструкциями «*werden* + Adj» в силу охвата ими широкого круга прилагательных создают благоприятные условия для вербализации последних и устранения наблюдающегося в немецком языке дефицита деадъективных инхоативных глаголов.

4. Лексико-синтаксическая модель вербализации качественных прилагательных является одновременно моделью, использование которой в немецком языке позволяет регулярно реализовывать аспектуальное значение начала динамически развивающегося процесса, а в случае необходимости — и его дополнительного оттенка: нарастания степени признака в длительности развития процесса.

¹ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 540; Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1978. С. 46.

² Русская грамматика. С. 582; Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении. С. 46—47.

³ Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 24.

⁴ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. С. 264—265.

Литературные источники

Fall. I — Fallada H. Jeder stirbt für sich allein. Berlin, 1955.

Fall. II — Fallada H. Wer einmal aus dem Blechnapf frisst. Berlin, 1958.

Fall. III — Fallada H. Wolf unter Wölfen. Berlin; Weimar, 1979. Т. 1.

Fall. IV — Fallada H. Wolf unter Wölfen. Berlin; Weimar, 1979. Т. 2. М. Th. Buddenbrooks. М., 1963.

Н. П. ПОТАПОВА
Пермский университет

ДЕРИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКЕ ПАДЕЖНЫХ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ В СРАВНЕНИИ С ФАКТАМИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Пространство и время тесно связаны между собой в объективном мире. Эта связь находит отражение в языке: в большинстве случаев языковые формы, передающие различные пространственные характеристики, используются и для обозначения времени. С развитием языка происходит постепенная замена одних способов выражения другими.

В статье рассматриваются способы отражения временных характеристик, определяется их специфика по сравнению со способами выражения пространственных отношений, а также прослеживается различие и сходство обозначенных способов выражения в древнерусском языке и современной диалектной речи: диалектная речь в большей мере, чем литературный язык, сохраняет древнейшие черты. Статья написана на материале речи жителей севера Пермской области. Основным источником сведений по древнерусскому синтаксису послужили «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского¹.

Семантика, выражаемая предложно-падежной конструкцией, в одинаковой мере зависит и от значения падежа, и от значения предлога². Кроме того, на семантику предложно-падежной конструкции влияет и значение существительного, от которого произведена падежная форма, и значение глагола-сказуемого. Представляется, что именно эти четыре

компонента в полной мере определяют семантику падежной и предложно-падежной конструкции.

Существующие в говоре пространственные и временные отношения могут быть переданы посредством 1) предложно-падежных форм, образуемых непроезводными, первообразными предлогами; 2) беспредложных падежных форм; 3) отыменных и наречных предлогов; 4) сложных, двойных предлогов.

Все пространственные отношения делятся на те, которые обозначают место действия, и те, которые передают направление движения.

Способы выражения места действия наиболее многочисленны, что объясняется необходимостью не только указать общее место действия, но и конкретизировать его, передать различные нюансы местоположения одного предмета относительно другого (впереди, позади, сверху, снизу, сбоку и проч.).

Сочетания с первообразными предлогами наиболее традиционны для передачи самых различных отношений, в том числе пространственных. Обращает на себя внимание то, что в диалектной речи при обозначении места обычно используются первообразные предлоги в сочетании с родительным, дательным, творительным, предложным падежами: *В доме чисто у нее; При деревне байку (вид материала) купишь; По тех мест была колокольня; На чердаке лопоть, одежда; За островом, выше острову — приверха; Дочь у леса живет* и др. Не отмечены сочетания с вин. п., передающие только значение места, без оттенка. Так, в предложении *Радио на площади говорит* сочетанием *на* + вин. п. указывается место действия, однако вин. п. сообщает действию направленность. То же самое фиксируется и словарями древнерусского языка: вин. п. при первообразных предлогах отмечается обычно в том случае, если указывается место, куда направлено движение (а не то, где оно происходит). Из 16 сочетаний, обозначающих место, лишь в состав трех входит вин. п.: *о* + вин. п., *с* + вин. п., *по* + вин. п. В наших говорах эти сочетания или вышли из употребления (*с* + вин. п.), или их употребление ограничено: *по* + вин. п. входит в состав устойчивого сочетания (*по эту сторону*); *о* + вин. п., хотя и употребляется в сочетании с существительными пространственной семантики, имеет скорее значения способа: *Болтает ногами о пол; О камень она ударяется*. В единичных предложениях отмечено сочетание *о* + пр. п.: *Там о стенке их, подле сторону полож*.

Однако первообразные предлоги были многозначны, поли-

функциональны уже в древнерусском языке, что обусловило некоторую их грамматикализацию. В результате появляются предлоги с более прозрачной этимологией. Словарь Срезневского отмечает наречные и отыменные предлоги *между, подле, около, промежду, возле, посреде, сквозе, среде, вскраи, окрест, стороне*. В большинстве случаев они сочетаются с род. п., в единичных случаях — с тв. п. (*между*). Сочетания с вин. п., передающие значение места, отмечены лишь с предлогами *возле, подле* (*Подле невесту — крестна; Поехали возле лес*). Однако постепенно на смену вин. п. и здесь приходит род. п. (*Подле невесты свахи; Возле школы стоит дом*). Замечено также, что род. п. предпочитается вин. п. в предложениях с глаголами в форме повелительного наклонения (*Поставь возле курятник*), здесь появляется семантика направленности, думается, что пока это происходит за счет формы повелительного наклонения.

Помимо предлогов, приведенных в словаре Срезневского, в рассматриваемых говорах употребляются наречные предлоги со значением места: *сзаде, взаде, позаде, позади, впереди, впереди, посреде, внизу, сверху, сверж, верх, выше, внутри, вокруг, вкруг, круг*, все в сочетании с родительным падежом (*Идет впереди вожака; Потому что это верх Акцима, вверх этой речки; В тако-то время уже посеред реки купались* и др.). Судя по имеющимся материалам, в качестве предлогов (а первоначально наречий) нередко функционируют различные формы одного слова (*сверху — сверж*), различные огласовки (*вокруг — вкруг*). Иногда наречные предлоги представляют собой уже сочетание различных предлогов и форм существительного (*сзаде, взаде, позаде; посреде; впереди*). Многие из этих предлогов однозначны, частота употреблений большинства из них очень низка (два — три раза), есть случаи единичного употребления: *Подызбица вот, внизу пола; Это наверх брюк накидать рабочим; Рукавицы опять, когда вверх испотки надеваются; Называем их верховицы: по течению, вверх деревни* (в последнем примере пространственные отношения переданы более четко). Можно думать, что при необходимости сказать более определенно (чем это возможно сделать с помощью первообразных предлогов), точнее обозначить расположение предмета относительно другого используются в качестве предлогов наречия, хотя в некоторых случаях такое употребление окказионально. Как показывают наблюдения над жизнью предлогов в говоре, он отражает общую для русского языка тенденцию к анализиру.

Новые предлоги, возникнув, вступают в синонимические отношения с предлогами, уже функционирующими. Напри-

мер, для обозначения предмета, непосредственно позади которого движется или располагается что-л., кто-л., употребляются предлоги *за*, *позади*, *взаде*, *после* (*Он позади всех идет; Он после меня стоит; Ты за нами иди. Мы впереди; Она взаде меня стояла; Вереха сзади плота*). Представляется, что в этом случае они выступают как абсолютные синонимы. Такие отношения между старыми предлогами и появившимися вновь возникают часто. Возможно, функционирование большого количества предлогов, конкретизирующих место действия, позволило первообразному предлогу *на* в сочетании с пр. п. стать обобщающим способом для обозначения места (места вообще): *На поле боронили; На пече спала; На улице бегают*. В таком значении он вступает в синонимические отношения только с предлогом *в*: *Она в огороде косила; На огороде они счас; Они на лугах сегодня косили; На улице комары да что едят; Оне обычно растут в улице*, при этом у предлога *в* нейтрализуется основное его значение 'внутри'.

Следует подчеркнуть, что все сочетания, обозначающие место действия, являются носителями статического начала.

При передаче значения места заметную роль в говоре играют двойные предлоги³. Их значения сложны, так как складываются из семантики двух предлогов. Использование их дает возможность показать положение (движение) предмета в двух измерениях, например, протяженность пространства и конкретное положение в пространстве предмета: *Лука-то по-за рябиной; По-за дому бежит вода; По-под забором весится; По-на улице бегают Юрка; С-по садочку шла*. Как показывают примеры, с одним и тем же предлогом могут быть употреблены различные падежи. В некоторых случаях пространственная характеристика более сложная. Так, в предложении *Лесничество было в-за рекой* предлог *в-за* указывает общее направление (предлог *в*) и более конкретное место, находящееся по другую сторону (предлог *за* и тв. п.). Однако в половине предлогов одним из составных элементов является *по*. Это связано, видимо, с его более широкой семантикой и тем, что значение 'протяженность' не вступает в противоречие с каким-либо другим. Двойным предлогам сложнее входить в синонимические отношения, но если в их составе есть предлог *по*, то синонимия возможна. Например, значение 'место, ниже указанного' может быть передано предлогами *под*, *внизу*, *по-под*: *Весло под досками лежало; По-под кровати ишши; Подызбича внизу пола*.

Появление в диалектической речи двойных предлогов (так же, как и новых наречных предлогов) рассматривается нами как своеобразная реакция на многозначность первообразных

предлогов, реализующаяся в стремлении к однозначности. Число двойных предлогов, сочетаний с ними пополняется.

Всего для передачи семантики места отмечено 52 предложно-падежных конструкции: 15 конструкций с первообразными предлогами, 8 — с двойными, 29 — с наречными.

В семантике направления меньше оттенков: кроме общего направления ('оттуда', 'туда') передаются направления 'снизу', 'вверх', 'вниз', 'изнутри', 'внутри'. В соответствии с этим существует и меньшее количество способов отражения направления — отмечено всего 15 предложно-падежных сочетаний. Самое значительное место среди них принадлежит конструкциям с первообразными предлогами: сочетаниям *в*, *на*, *за*, *под* с вин. п., *до*, *из*, *с*, *от* с род. п. и *в* + пр. п., *к* + дат. п. Двойные предлоги также участвуют в передаче семантики направления: *в-за* + вин. п., *из-под* + род. п., *на-под* + вин. п., *по-за*, *по-под* + вин. п., *из-под* + род. п., *на-под* + вин. п., *по-за*, *по-под* + вин. п. Как видим, в состав четырех предлогов (из пяти) входит вин. п. (*В-за реку бы переехали; Он из-под Чердыни приехал сам-от; На-под волосы буду класть; Надо по-за мыс ехать; По-под гору поехал*). В древнерусском языке для обозначения направления использовался беспредложный вин. п.; этот падеж входил в состав конструкций с 9 предлогами. В древнерусский период существовало больше словосочетаний для передачи направления. В словаре Срезневского в качестве средств передачи значения направления зафиксированы *в*, *въз*, *до*, *за*, *на*, *по*, *под*, *перед* + вин. п., *из*, *до*, *от*, *с* + род. п., *к* + дат. п., *по* + мест. п. Кроме того, могли быть использованы беспредложные конструкции с дат. и вин. п.⁴ Исследователи древнерусского синтаксиса также отмечают нейтрализацию сочетаний *в* + вин. п. и *на* + вин. п.: «Форма *в* + вин. п. в древнерусском языке постепенно занимала позиции форм дат. падежа, формы *к* + дат. п.; вместе с тем наблюдались колебания лексем между формами *в* + вин. п. и *на* + вин. п... Постепенно эта форма стала использоваться для названия населенных пунктов, значительных по размеру участков пространства, особенно покрытых растительностью»⁵. Таким образом, материалы словаря И. И. Срезневского и исследования по древнерусскому синтаксису свидетельствуют о постепенном увеличении числа употреблений вин. п. с целью передачи направления. Интересен факт редкого использования наречных предлогов для выражения семантики направления в древнерусском языке и диалектах. Словарь Срезневского фиксирует сочетания *мимо*, *сквозе* с вин. п., *върху*, *сrede* с род. п., *между* с тв. п. В наших материалах встретился лишь предлог *вплоть до*: *Всё туда, вплоть до снега проезжали*.

Вин. п., лишь в единичных случаях используемый для обозначения места, весьма активно употребляется при передаче семантики направления⁶. Возможно, происходит некоторая специализация формы вин. п. как формы, входящей в сочетания, которые выражают значение направления. Вероятно, здесь сказывается и та семантика направления, которая свойственна вин. п. беспредложному в древнерусском языке.

Передаче семантики направления обычно способствуют глаголы-оказуемые, обозначающие перемещение, семантики места — глаголы состояния, бытия, местоположения и под. Иногда происходит совмещение этих двух типов конструкций, а вместе с тем и некоторое смещение в семантике словоформ. Когда при сочетаниях, обозначающих место, появляются глаголы перемещения (или, наоборот, при сочетаниях со значением направления — глаголы бытия, состояния, местоположения), в предложении возникает нерасчлененное значение места-направления, например: *Когда прилетает под окном, то керкает; Машенька бросила гребенку позади себя и вырос густой лес; Вот провертили в потолок дыру; Корова убежала по-за гумнами*. Об особой, совмещенной, семантике таких словоформ свидетельствуют предложения, в которых сочетаются словоформы со значением места и значением направления, например: *Тут (место) постелемся на пол (направление)*. Думается, подобные предложения могут появиться в результате деривационных процессов.

Есть два обстоятельства, которые способствуют возникновению нерасчлененной семантики. Во-первых, наличие двойных предлогов, которые часто образуются из сочетания предлогов со значением места и направления. Одним из компонентов двойного предлога может быть, как уже сказано, предлог *по*, указывающий место, где происходит действие. Второй предлог, обозначая направление, способствует (вместе с падежом) созданию нерасчлененной семантики места-направления: *Утром бегаешь по-под окошко* (туда бегаешь или там бегаешь?). В некоторых случаях *по* в составе двойного предлога указывает на пространство как трассу действия, а второй предлог — на направление его: *Басская с-по полю шла; По-за стол зашли*. Встречается и более сложная нерасчлененная семантика: *На-под окошком буду косить*. Во-вторых, некоторая семантика глаголов, например 'изменение местоположения', способствующая созданию нерасчлененной семантики, так как в их семантической структуре совмещаются 'место' и 'направление': *Подле сторону положь; Не лег об огонь — искра не сожжет; Привязывали под потолок; Промежду облями вставляли; Устанавливают в углу, по-за печке*.

Таким образом, в изучаемых говорах способы передачи

пространственных отношений весьма разнообразны. Во многом говоры унаследовали древнерусские способы. Сохранились почти все (за исключением *взз, преди*) первообразные предлоги, хотя отдельные сочетания с ними в говорах не зафиксированы: сочетания *до, по, над, перед* + вин. п. Обращает на себя внимание то, что в словаре Срезневского они поданы как сочетания со значением места (не направления). По нашему мнению, этот факт связан с укреплением позиции винительного падежа как носителя динамической семантики, передающей направление.

При сопоставлении древнерусских и диалектных способов выражения пространственных отношений отмечено следующее: число наречных предлогов в целом в говоре больше; древнерусские наречные предлоги *мимо* (+ вин. п.), *подолог, стороне, вскраи, заде* (+ род. п.), указанные в словаре Срезневского, или никогда не были свойственны нашим говорам, или не сохранились. Данные предлоги не названы и в исследованиях В. И. Собиенниковой, З. Д. Поповой⁷. Десять предлогов наречного происхождения, отмеченных в словаре Срезневского, зафиксировано и в наших говорах (*верху, между, мимо, через, вокруг, около, посреде, промежду, между* + род. п.). Возможно, наречные предлоги в силу этимологической прозрачности (если она не нейтрализовалась) не являются устойчивыми элементами грамматики, состав их со временем поэтому может обновляться в поисках более точного (чем первообразные предлоги) способа выражения. Может быть, здесь проявляется противоречие между потребностями говорящих в однозначности (а следовательно, в сохранении прозрачной этимологии) и свойствами элементов грамматики (их абстрактностью).

Исследование способов выражения пространственных отношений в древнерусском языке показывает, что в этот период семантика места и направления была расчлененной: обозначалось место, где происходит действие, и место, куда оно направлено⁸. Случаи совмещенного значения, переданного словоформой в одном предложении, отражают черты современной бытовой разговорной речи (какой является и диалектная речь), в которой нередко наблюдаются факты контаминации двух (или трех) предложений.

Значение времени в словаре Срезневского имеют 25 сочетаний, включающих *в, за, на, о (об), по, с, через* + вин. п., *в, на, о (об), по, при* + мест. п., *к, по* + дат. п., *за, под* + тв. п., *до, из, от, перед, с* и наречные предлоги *выше, после, промежду* + род. п. Среди сочетаний с первообразными предлогами наиболее часто встречаются сочетания с вин. п. (8), менее часто — с мест. и род. (5), тв. и дат. (2). Однако благодаря

появлению наречных предлогов, сочетающихся с род. п., в число наиболее часто используемых входит и род. п.

В рассматриваемых говорах значение времени передается преимущественно с помощью первообразных предлогов (18 словосочетаний), а также сочетаниями с наречными (*вплоть до, около, перед, впереди, перед, после, сзади*) и двойными предлогами. В части сложных предлогов одним из элементов является предлог *по* (*по-под, по-за* + вин. п., *по-за* + дат. п., *за-по* + род. п.), который снимает излишнюю деталлизацию и тем способствует появлению более абстрактной семантики. В предлогах *с-под, из-под* + род. п. элементы *с, из* выражают временную направленность. Наречные предлоги, как и при передаче пространственных отношений, всегда сочетаются с род. п. Двойные предлоги сохраняют сложную семантику и при передаче времени, тем не менее они могут вступать в синонимические отношения. Начальная временная граница выражается сочетаниями *с* + род. п., *на* + пр. п., *от* + род. п., *с-под* + вин. п.: *С утра ходит по деревне; Это бывает от рождения; Мы выехали на свету; С-под вечер стал собираться.* В двойном предлоге элемент *с* подчеркивает, что сочетание *под вечер* является действительной границей временного отсчета. В примере *Из-под матери вырастили* семантика времени появляется как результат сжатия по крайней мере двух предложений (Сразу из-под матери взяли и вскормили, и вырастили).

Для обозначения временной конечной границы используются сочетания *к* + дат. п., *до* + род. п., *по-под* + вин. п.: *Он сделал это к празднику; Еще до начала сева съехались; По-под старость волосы вот почернели.* В последнем предложении элемент *по* в составе двойного предлога лишь усиливает семантику второго элемента, собственного же значения он не имеет. Для передачи конечной временной границы употребляется и предлог *вплоть до*: *Вплоть до колхозов пахали.*

Замечено, что двойные и наречные предлоги служат в основном для выражения временных границ: в частности, участвуют в передаче значений времени, предшествующего названному (*За год до вас были; Перед троицей вербы рвали; Может быть, наперед меня придете? Маленькая звездочка вперед всех восходит; В школу впереди его трое пойдут*), а также значений времени, следующего за названным (*После кина догонит меня; Они сзади нас пришли и берут; По-за мне два брата ишо были; По-за те годы не могло быть так*). Для выражения последнего значения первообразные предлоги в речи не зафиксированы, хотя в составе двойных предлогов значимым является лишь один (*за*), *по* лишь усиливает его значение. В то же время значения 'момент (по длительности

он может быть неопределенным) совершения действия, события' и 'отрезок времени, в пределах которого происходит событие' передаются преимущественно сочетаниями с первообразными предлогами и беспредложными сочетаниями; в число их входит сохранившееся древнее *о* + пр. п. В последнее время появилось, видимо, под влиянием литературного языка, сочетание *во время*, выступающее как предлог: 1) *У нас в прошлой год умерла; Прошлой год она вышла замуж; На утро он умер; С весны видел его; Под вечер уехали; Разве не тонут по распутью?; Среди бела дня;* 2) *Гледи, придут — в неделю примут; За день дошел до нас; На неделю носят дрова; Мы радивлее были при колхозе; Стоит в магазине по дню и под.*

Таким образом, значение времени появляется у сочетаний благодаря соединению с определенным типом существительных, имеющих отвлеченную семантику (год, неделя, день, утро, вечер и под.), называющих различные праздники (Октябрьская, Новый год, пасха и под.), события, определяющих ту или иную эпоху, тот или иной период (война, коллективизация, рождение, свадьба и др.). За исключением сочетаний с существительными, обладающими отвлеченным значением времени, все остальные сочетания приобретают (устойчиво или ситуативно) временную семантику в результате деривационных процессов: *Сделают к празднику* (ко времени, когда будет праздник); *После Октябрьской наступила оттепель* (во время, которое последовало после...). Временное значение могут получать даже конкретные существительные: *За ухой сегодня выпивал* (когда ел уху...).

Анализ способов выражения пространственной и временной семантики выявил их сложную динамическую систему. Для передачи пространственных отношений (места и направления) используется 75 падежных и предложно-падежных конструкций, для выражения временных отношений — 31 словосочетание.

Самым устойчивым пластом предлогов являются первообразные предлоги, хотя состав сочетаний с ними изменился; самые подвижные — наречные предлоги. По сравнению с древнерусским языком состав их иной, не полностью совпадает он и с составом таких предлогов в других говорах, в современном русском литературном языке. Двойные предлоги — преимущественно факт диалектной речи, это живое явление.

На лицо явный рост числа предложных, аналитических, конструкций. Но является ли этот факт отражением усиления аналитизма в анализируемых говорах? Большая часть новых предложно-падежных конструкций однозначна. Соче-

тание наречных предлогов только с род. п. увеличивает роль лексического фактора в них. Если одним из основных признаков аналитических единиц является стремление передать грамматическое значение средствами контекста⁹, то такое увеличение количества новых предложно-падежных сочетаний свидетельствует об усилении лишь «внешнего» аналитизма. «Глубинный» аналитизм в таком случае скрыт в предложно-падежных конструкциях с первообразными предлогами, которые необыкновенно многозначны, и значение их в полной мере обнаруживается только в контексте.

¹ Полная выборка способов передачи пространственной и временной семантики в древнерусском языке производилась на основе труда И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (СПб., 1893. Т. 1; 1895. Т. 2; 1903. Т. 3; далее — словарь Срезневского). В качестве справочного материала использовался Словарь русского языка XI—XVII вв. (1975—1987. Вып. 1—12).

На материале диалектной речи данный вопрос освещался в следующих работах: Гомонов И. Т. Предлоги в псковских народных говорах//Псковские говоры. Псков, 1962. Вып. 1; Лунцова Е. П. К вопросу об употреблении предлога *по* в русских народных говорах//Слово в русских народных говорах. Л., 1968; Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961. Способам выражения пространственных отношений посвящены специальные статьи: Скребнева А. Н. Соотношение предложно-падежных конструкций с пространственным значением//Псковские говоры. Псков, 1973. Вып. II; Кузьмина И. Б. Об употреблении *по* русским говорам предлогов *из*, *с*, *з* в конструкциях пространственного значения//Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

² Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1875. Т. II. С. 431; Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. С. 685.

³ О специфике двойных предлогов, их образовании, семантике см.: Тагамлицкая Г. Сложные предлоги как средство пополнения категории предлогов в славянских языках//Славянская филология. М., 1958. Т. III; Виноградов В. В. Указ. соч. С. 680. Применительно к диалектной речи см.: Скитова Ф. Л. Двойные предлоги и сочетания с ними в говорах Пермской области//Учен. зап./Перм. ун-т. Пермь, 1960. Т. XVI, вып. I; Гомонов И. Т. Указ. соч. С. 81.

⁴ Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. С. 64.

⁵ Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978. С. 369.

⁶ О преимущественном употреблении вин. п. (в сравнении с род. п.) в значении направления для древнерусского периода пишет Т. П. Ломтев: «...винительный падеж был употребительнее при глаголах направленного движения» (Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 295).

⁷ Собинникова В. И. Указ. соч.; Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Воронеж, 1969.

⁸ Историческая грамматика русского языка. С. 364—390.

⁹ Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 11.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕРИВАЦИОННО СВЯЗАННЫХ ВАРИАНТОВ РОДА В РЕЧИ

При обозначении лица женского пола по профессии из-за наличия двух вариантных планов выражения — номинаций мужского и женского рода — возникает нормативная проблема. В основе функционального подхода к деривационно связанным лексемам, нетождественным в плане содержания и в плане выражения, лежит возможность их объединения в определенных позициях инвариантным началом, которое актуализируется в речевом употреблении. Вне функционального задания — обозначение лица женского пола — лексемы типа *специалист* — *специалистка*, стоящие на разных ступенях деривации, становятся парадигматически несоотносимыми в качестве вариантов.

Вне контекста профессиональные номинации мужского и женского рода составляют грамматико-семантическую оппозицию, в которой морфолого-словообразовательная корреляция по роду выражает значимое противопоставление по полу. Но в языковой системе нет взаимного однозначного соответствия пола именуемого лица и рода номинации, его обозначающей. Профессиональные номинации женского рода содержат семантическую информацию об отнесенности именуемого лица к женскому полу, эксплицированную суффиксально. Номинации мужского рода универсальнее, их номинативные возможности шире: помимо наименования лица мужского пола они способны обозначать лиц женского пола, а также профессию вне отнесенности к полу.

Профессиональные номинации лица содержат в своей семантической структуре закрепленные в процессе деривации денотативно и сигнификативно ориентированные семы. Денотативное (интродуктивное, экстенциональное) употребление профессиональных номинаций закреплено, как правило, в позиции семантического субъекта. В этой позиции релевантна репрезентация признака принадлежности именуемого лица к экстралингвистической категории женского пола, см.: *борщица* работает у станка. Условия для вариантной замены коррелятивных номинаций мужского и женского рода в позиции семантического субъекта создаются только при условии денотативной ясности принадлежности именуемого лица к женскому полу. Диагностирующими показателями такой принадлежности кроме морфолого-словообразовательного

могут быть дополнительные маркеры пола: субъектные (в приложении с именем собственным женского рода типа *художник Серебрякова*); лексические (в составе аппозитивной конструкции с лексическим указателем на пол типа *женщина-врач*); синтаксические (в составе аналитической конструкции со смысловым согласованием по полу типа *физик выступила с докладом, молодая физик*).

Сигнификативное употребление профессиональных номинаций закрепляется в позиции семантического предиката. В этой позиции номинации мужского и женского рода не ориентированы на актуализацию пола именуемого лица, синтагматически нейтрализованы: она работает *сборщиком, сборщицей*. С передвижением коммуникативного фокуса с предиката на семантический субъект возникает необходимость в изменении рода профессиональной номинации: «М. Бобровская работала в Саратове *секретарем-машинисткой*... Говорят, хорошая *секретарша* — половина директора...», «Ее профессия *станочника* сама по себе нелегкая... От *станочницы* требуется предельная внимательность» (Работница. 1986).

В прошлой и современной речевой практике разграничение коррелятов рода по позициям нерегулярно. Ведь там, где действуют жесткие закономерности, нет вариантности. Но при сквозном диахронном анализе профессиональных номинаций женщин, в частности на материале публицистической периодики, прорисовываются достаточно устойчивые тенденции.

Соотношение номинативных потребностей и деривационных потенциалов в сфере профессиональных обозначений женщин прослеживается с середины XIX в. Экстралингвистическим фактором, способствовавшим активной деривации профессиональных номинаций женщин, стал допуск к образованию и расширение круга профессий, в которых могли быть заняты женщины. Грань неравенства между профессиональной деятельностью мужчин и женщин, существовавшая в социальном сознании, определяла особенности номинативного обеспечения лексики «женского вопроса». Экстралингвистически обусловленная потребность в экспликации принадлежности именуемого лица к женскому полу стимулировала в дооктябрьский период деривацию профессиональных номинаций с помощью малопродуктивных и непродуктивных средств: «В университете находятся *профессорша* астрономии, *профессорша* физиологии» (Женский вестник. 1867. № 4); «...учреждение особых курсов для приготовления ветеринарных *фельдшерш* и *лекарш*» (Женское дело. 1888. Кн. 1). В начале XX в. по-прежнему сохранялось влияние того же экстралингвистического фактора обособленности

женской профессиональной деятельности на выбор деривационных средств номинации. Коррелят женского рода предпочитался и при денотативном, и при сигнификативном использовании номинации: «Первая петербургская артель *касирш, бухгалтерш, конторщиц* возникла в 1893 г.» (Женское образование. 1902. № 4); «Бал *политехничек*», «За ними следуют *инженерки — химички, технологички*» (Женская жизнь. 1915. № 3). В дооктябрьский период в целом были реализованы все предоставленные системой средства деривации профессиональных номинаций женщин.

Становление нормы употребления профессиональных номинаций мужского и женского рода в послеоктябрьский период протекало в новых экстралингвистических условиях, порожденных социальными изменениями. Иной стала стилистическая ситуация с употреблением профессиональных номинаций женского рода, образованных по малопродуктивным словообразовательным моделям, осложненным добавочными стилистическими и семантическими коннотациями. Симптоматичны речевые ситуации, когда неприемлемость номинаций женского рода осознается через их этическое и эстетическое сопоставление с коррелятами мужского рода. Языковой авторитет профессиональных номинаций мужского рода связывается с социальным престижем профессии: «И кто бы мог подумать, что эта милая, приветливая *поэтесса* превратится в строгого властного *поэта*, ставшего неотъемлемой частью ленинградской эпопеи» (И. Гринберг. Право на стих. Об Ольге Берггольц); «Меня больше всего унижает, когда *секретаря* называют *секретаршей*. А ведь это первый помощник руководителя всего предприятия» (Собеседник. 1925. № 25).

Процесс стилистического пересмысления профессиональных номинаций женского рода, негативное оценочное восприятие многих из них отражают новую норму выбора, становление которой происходит в русле тенденции к росту употребительности номинаций мужского рода. Общая тенденция в некоторых случаях охватывает номинации мужского рода даже из состава патронимической лексики: «Она ведь стала первым простым *американцем*, которого Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства пригласило «прогуляться» в космос» (Советская Россия. 1986. № 54).

В послеоктябрьский период в целом укрепилась зависимость динамики вариантности рода от словообразовательных отношений в парах. Эволюция нормы употребления вариантов рода профессиональных номинаций, обозначающих лица женского пола, в значительной степени зависит от дерива-

ционного потенциала производящей основы мужского рода:

а) значительное преобладание номинаций мужского рода характерно для пар коррелятов, в которых деривация осуществляется по модели — присоединение суффикса женскости к непроемной основе мужского рода, основам на лексикоморфеме, а также к основам с интернациональными суффиксами, в частности *-р*, *-т* (бригадир, кандидат);

б) активная динамика вариантности рода с тенденцией к интенсивному росту употребительности номинаций мужского рода при обозначении лиц женского пола характеризовала пары коррелятов с иной моделью деривации — присоединение суффикса женскости к суффиксальным производным основам мужского рода на *-тель/-тельница*, *-ист/-истка* (руководитель — руководительница, методист — методистка);

в) преобладание коррелятов женского рода наблюдается в парах коррелятов с иной моделью, кодеривационной — заменой агентивного суффикса мужского рода на суффикс женскости: *-ник/-ница*, *-чик*, *-щик/-щица* (участник — участница, закройщик — закройщица).

В целом направление процесса вариантности рода профессиональных номинаций при обозначении лиц женского пола можно определить как стремление к отбору в узусе публицистики более экономных и рациональных средств номинации.

В. И. КАРАСИК

Волгоградский пединститут

О ПРОИЗВОДНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Изучение производности высказываний, выявление моделей умозаключений, по которым строятся высказывания в естественном языке, позволяет подойти к решению таких проблем, как выделение единиц и элементов общения, определение динамики отправления и получения информации, освещение процесса лингвистического кодирования, выявление типов языкового варьирования. Производность высказываний входит в общую теорию деривации, является одним из аспектов текстообразования¹. Моделирование умозаключений применяется при конструировании искусственного интеллекта, исследовании речемыслительной патологии с целью оптимизации обучения языку. Попытаемся выделить некоторые параметры, по которым строится алгоритм выводимости высказываний в диалоге.

Различные аспекты проблемы производности высказываний привлекали внимание логиков, психологов, лингвистов,

В логике детально разработана теория умозаключений, выявлены и описаны фигуры и модусы силлогизмов, инструментов дедуктивного мышления, позволяющих получить новые знания путем подведения частного под общее. Менее разработаны индуктивные и аналогические формулы умозаключений. Но задачи лингвистики не тождественны задачам логики: языковед изучает язык преимущественно как средство общения, логик же анализирует язык как средство познания. Для языковеда проблема истинности высказывания не является самодовлеющей, а представляется частью проблемы адекватности высказывания целям общения. Интересные выводы о типах силлогизмов в естественном языке получены А. Т. Кривоносовым².

Психологи подошли к умозаключениям с позиций бессознательного вывода, антиципаций, мотива, установки, эмоций, воли, апперцепций, ассоциаций, инсайта. Они изучили соответствия чувствований и действий, определили ступени становления умственного действия (предметное действие — интериоризованное действие — умственная операция), выявили специфику субъективно-психологической структуры мыслительного процесса по отношению к его объективно-логической структуре. Задачи психолога и лингвиста близки, но не тождественны: языковед анализирует язык как средство общения людей в их деятельности, психолог же исследует речь как социальный феномен отражательной деятельности мозга.

Взаимопроникновение логики, психологии и лингвистики позволяет получить лингвистически значимые формулы экстериоризации и интериоризации, т. е. перевода внутренней речи во внешнюю и наоборот.

В лингвистике моделирование умозаключений развивается в двух направлениях. С одной стороны, анализу подвергаются средства связи предложений и структурные схемы координации и субординации в синтаксисе и макросинтаксисе³. С другой стороны, изучаются пресуппозиции и импликации высказывания, т. е. кванты информативного фонда, лежащие в основе общения и вытекающие из высказывания, актуальные для получателя речи⁴. Моделирование умозаключений наиболее тесно связано с анализом пресуппозиций и импликаций, поскольку умозаключения в живом общении носят не структурно-абстрактный, а конкретно-эмпирический характер.

Э. Кинэн, разграничивая логические и прагматические пресуппозиции, т. е. истинностные и ситуативные обусловленности высказывания, выделяет логические модели выводимости на основе фактуальной пресуппозиции (Ложь Джона раздражает Мэри. — Джон лжет), ограничительной пресуп-

позиции (Мэри была удивлена правилами арифметики — Мэри — живой и умный человек) и др.⁵ К прагматическим пресуппозициям Э. Кинэн относит определение субъекта, адресата, аудитории, физической и культурной среды высказывания (например, речевой акт может быть частью ритуала, коммерческой сделки, песенного фестиваля и др.). Данные определения касаются статуса, возраста, пола, отношений между говорящими.

Иная трактовка производности высказываний может быть достигнута, если моделирование выводимости высказываний будет соотнесено с концепциями смысла предложения, выделенными и проанализированными В. В. Богдановым⁶. Мы исходим из того, что нет принципиальной разницы между бытовым и научным поиском информации: различие носит количественный характер. В противном случае придется отрицать необходимость использования умозаключения в общении, что было бы абсурдно. В. В. Богданов выделяет следующие концепции смысла предложения: 1) формально-синтаксическую семантику, 2) субъектно-предикатную, 3) предикатно-аргументную, 4) компонентно-комбинаторную, 5) концептуальную. Первая концепция нами не принимается во внимание, поскольку формальная схема высказывания вряд ли влияет на ход умозаключения. Остальные концепции соответствуют предлагаемым в данной работе моделям: субъектно-предикатной, предикатно-ролевой, семантико-импlicative. Особую модель производности высказываний составляет схема актуального членения. Названные модели умозаключений выражают преимущественно диктальный (или денотативный) смысл, которому противопоставляется модусный (или прагматический) смысл по Ш. Балли⁷. Концептуальная модель умозаключений является наиболее разработанной, однако и она нуждается в определенных уточнениях и дополнениях.

Субъектно-предикатная модель характеризуется последовательным уточнением субъекта, предиката и связки. Например:

Вам доводилось слышать курских соловьев? — Существуют соловьи. Соловьи — птицы. Соловьи поют. Соловьи поют красиво. Известно, что курские соловьи поют очень красиво.

Развертывание субъектно-предикатной модели выводимости высказываний можно отразить в вопросах: 1) существует ли (выделяется ли) X? 2) к какому классу явлений относится X? 3) чем характеризуется X? 4) каковы основные и второстепенные характеристики X? 5) каковы объективные,

т. е. внутренне присущие, характеристики X? 6) каковы субъективные характеристики X, т. е. какую реакцию у людей вызывает X? 7) каковы пространственные характеристики X, т. е. где находится X? 8) каковы временные характеристики X, т. е. когда проявляет себя X? 9) в связи с чем известно об X? Субъектно-предикатная модель представляет собой преимущественно денотативный, логический план уточнения информации.

Предикатно-ролевая или актантная модель характеризуется последовательным уточнением членов ролевой ситуации, к которым обычно относятся агенс, пациенс, экспериенсер, бенефициант, инструмент, цель и др. Например: Сергей нечаянно разбил бабушкину чашку чайником. Агенс: «Сергей» — человек. Пациенс: «чашка» — предмет. Экспериенсер: «бабушка» — человек. Инструмент: «чайник» — предмет. Цель (отсутствие цели): «нечаянно». Характеристика пациенса: «разбил» — прекращение существования. Время ролевой ситуации: прошлое. В данном случае модель поиска информации включает, по-видимому, следующие сведения: 1) агенсы могут действовать, т. е. являются источниками процессов, отражающихся на всех остальных членах ролевой ситуации; 2) действия могут вызывать изменения состояний пациенсов (типы изменений должны быть заданы); 3) действия могут вызывать изменения отношений между экспериенсером и другими ролями (типы изменений должны быть заданы); 4) действия могут характеризоваться наличием или отсутствием цели (типы целей должны быть заданы); 5) действия могут выполняться при помощи инструментов (типы связи между агенсом и инструментом должны быть заданы. Сравните: «открыть дверь ключом, рукой, силой»).

Семантико-импlicative модель характеризуется последовательным уточнением свойств денотатов и сигнификатов высказывания. Например:

— чашка — предмет определенной формы для определенной цели (вместилище для жидкости), изготавливаемый обычно из хрупкого материала;

— чайник — предмет определенной формы для определенной цели (нагревание чая), изготавливаемый обычно из твердого материала;

Сергей — имя собственное человека, мужчины, способного производить любые действия, собственные человеку;

— бабушка — соотносящее наименование человека, женщины, родственника старшего поколения, связанного, вероятно, с Сергеем;

нечаянно — непреднамеренно, не желая заранее.

Набор сем в словах, образующих данное высказывание, предполагает актуализацию некоторых общих и специфических признаков каждого слова: так, на первый план выступают в данном высказывании семы «хрупкость», «твердость», в слове «разбил» нейтрализуется вероятностная сема волеизъявления при сочетании со словом «нечаянно» и т. д.

Модель актуального членения характеризуется уточнением новой для получателя информации по нескольким параметрам: 1) нормативны ли (случаются ли) подобные события? 2) известны ли лица (предметы), о которых идет речь? 3) известны ли качества лиц (предметов), о которых идет речь? 4) известны ли обстоятельства события? 5) с какой целью сообщается об этом событии? Модель актуального членения занимает, вероятно, промежуточное положение между логическими и прагматическими умозаключениями.

Прагматические умозаключения выводятся на основании не истинностных, а межличностных сведений. Например: Я говорю Вам, что Сергей разбил бабушкину чашку, зная, а) что эта чашка подарена Вами бабушке, б) что Вы ждете от меня и Сергея неприятностей, в) что Вы желаете, чтобы Сергея наказали, г) что Вы боитесь гнева бабушки, д) что Вы мне не верите, е) что Вы считаете мои слова шуткой, ж) что Вы растолкуете мои слова как иносказание, намек, намордник и т. д. Прагматически ориентированные импликации у отправителя речи должны вызвать соответствующие умозаключения у получателя речи. Типология прагматических умозаключений определяется типологией прагматических значений, наиболее полно разработанной В. Г. Гаком⁸. Выделяются, в частности, следующие прагматические следствия (применительно к приведенному примеру):

- а) модальность: Может быть, не Сергей разбил чашку?
- б) коммуникативная установка: Пусть склеит!
- в) информативная установка (новизна информации): Чайником?!
- г) структура акта речи: Ты это сам видел или тебе кто-то сказал?
- д) условия акта речи: Ну и всыпят же ему! (он заслуживает наказания).
- е) эмотивность: Вот это да!

Необходимо отметить тесную связь прагматической и логической выводимости. Единство модуса и диктума прослеживается в разработанной Ч. Ригером модели концептуальной семантики, наиболее полно отражающей типы умозаключений в акте коммуникации⁹. Таковы, например, специфици-

рующее умозаключение (Джон поднял камень. Он ранил Билла. — ДЖОН РАНИЛ БИЛЛА КАМНЕМ); каузативное умозаключение (Джон ранил Мэри камнем. — ДЖОН ВЕРОЯТНО, БЫЛ ЗОЛ НА МЭРИ); результирующее умозаключение (Мэри подарила Джону машину. — У ДЖОНА ЕСТЬ МАШИНА) и др. Несомненна общность умозаключений Ч. Ригера и пресуппозиций Э. Кинэна. Достоинство цитируемых типов умозаключений — в широте охвата ситуаций, в использовании как дедуктивных, так и индуктивных выводов, в признании фактора неопределенности при прогнозировании умозаключения, вероятностном подходе к выводам и в элементах субъективной оценки посылок. Вместе с тем схема Ч. Ригера представляется не свободной от недостатков. К ним, на наш взгляд, относятся эклектизм умозаключений, включение разнопорядковых типов выводов в единую модель, отсутствие иерархии и алгоритма выводов.

Создание типологии умозаключений представляется весьма сложной задачей. Необходима предварительная разработка типологии человеческих реакций. Необходимо предварительное построение типологии интуитивных выводов. Необходимо предварительное выделение культурных и индивидуальных параметров в типовой структуре личности, участвующей в общении. Думается, что лингвисты вправе ожидать участия психологов в решении названных проблем. Вместе с тем в наиболее общем плане типология умозаключений как лингвистическая проблема, вероятно, должна строиться с учетом функций общения, языка, речи. Так, весьма продуктивная концепция речевых актов Дж. Остина¹⁰ основана на разграничении воздействующих и описательных высказываний, т. е. на выражении функции взаимодействия с окружающим миром и инструментальной функции¹¹. Кроме того, типология умозаключений должна разрабатываться исходя из экспериментального материала, показывающего психолингвистическую реальность моделей выводимости высказываний. Одним из возможных подходов к решению обозначенных вопросов может быть выявление алгоритма производности высказываний применительно к диалогу.

Позиция получателя речи требует выполнения следующих условий, выступающих в качестве следующих групп параметров: 1) параметры обеспечения получения информации; 2) параметры мощности воздействия говорящего на получателя речи; 3) параметры получения информации. Третья группа параметров требует операциональных, содержательных и формальных уточнений.

Восприимчивость и выводимость смысла являются параметрами обеспечения получения информации.

Восприимчивость выступает как материальный, а выводимость омысла — как идеальный параметр обеспечения получения информации. Если выводимость смысла блокируется, то стратегия поведения получателя речи, по-видимому, такова: 1) повторное осмысление высказывания; 2) попытки нестандартного увязывания высказывания с опытом (тезаурусом) говорящего и ситуацией общения; 3) переспрашивание; 4) ожидание подтверждения одной из интерпретаций высказывания в дальнейшем тексте; 5) переключение на фактическую речь и контроль содержательного контакта с отправителем речи.

Иллокутивная и фасцинативная мощносты представляют собой параметры воздействия говорящего на получателя речи: волевого и эмоционального. Иллокутивная мощносты¹² находит выражение в специальных словах (обычно глаголах) со значением обещания, предупреждения, запрещения, извинения и др. Фасцинативная мощносты¹³ проявляется, в частности, в формулах вежливости.

Информативносты в предлагаемом нами понимании есть принятие сообщения получателем речи. Это принятие может быть многоплановым, но основанным на иерархии ожиданий, т. е. существует последовательносты вероятностных признаков модусного и диктального характера. Так, известная фраза «Телевизор сломался» в разговоре матери с ребенком скорее всего имеет импликацию «Сегодня передачу смотреть не будем», а в разговоре жены с мужем — импликацию «Вызови мастера». Первая интерпретация носит преимущественно диктальный характер, разворачивается по принципу причинно-следственной связи, в то время как вторая — преимущественно модусный характер и входит в сложносокращенные умозаключения, близкие к эпихейремам: Телевизор сломался. — Он не работает. Для того чтобы он работал, его следует починить. Телевизоры ремонтируются мастерами из телеателье. Необходимо вызвать мастера. Ты хочешь, чтобы я вызвал мастера.

Информативносты является наиболее общим параметром получения информации. Все следующие ступени производности высказываний представляют собой, по-видимому, конкретизацию информативности в операциональном, содержательном и формальном планах.

Прозрачносты — это операциональная характеристика выводимости новой информации, соответствующая стандартности/нестандартности подтекста высказывания¹⁴. При соответствии ожидаемого и актуального подтекстов высказывание прозрачно для получателя речи, в случае непрозрачно-

сти высказывание содержит выводимый прагматический смысл:

— Телевизор сломался.

У меня болит голова. — Вызывай мастера сама.

Связанносты выступает как дополнительная операциональная характеристика выводимости новой информации¹⁵. Если новое высказывание связано с предшествующими по теме, то оно прозрачно. Если же связанносты не сразу обнаруживается, то такое высказывание для получателя речи непрозрачно и содержит выводимый прагматический смысл:

— Сергей разбил бабушкину чашку.

— Я деньги потерял. — То, что я говорю тебе, важнее, чем то, что ты говоришь мне.

Содержательные параметры получения информации включают тематическую и прагматическую прогнозируемосты.

Тематическая прогнозируемосты представляет общий план денотативной отнесенности высказывания, соответствующий членению понятийной картины мира. Подобно тому как существует макро- и микротема в тексте, существует макро- и микротематическое прогнозирование в диалоге. Макротематическое прогнозирование охватывает, по-видимому, такие темы, как «бытовая», «производственная», «морально-этическая», «художественно-эстетическая», «научно-познавательная» и др. Микротематическое прогнозирование позволяет уточнить макротему, например, в пределах производственной темы вероятны микротемы содержания производственной деятельности, взаимоотношения участников производства, роли субъекта высказывания в производственной деятельности. Микротемы могут прогнозироваться более конкретно, если участников общения объединяет не только культурно-социальный, но и групповой тезаурус¹⁶. При прогнозировании учитываются определенные тематические запреты, объявляемые социальными и психологическими нормами. Так, недопустимо переключение из области бытовой тематики в план морально-этической тематики в разговоре между незнакомыми людьми:

— Простите, который час?

— Без пяти семь. В чем смысл жизни?

Данный запрет объясняется закрытостью малых групп. По этой же причине не рекомендуется использование сниженно-го стиля в общении между незнакомыми людьми, жаргонизмов между иностранцами и т. д.

Уточнение диктальных характеристик общения заключа-

ется в пространственно-временной и дейктической определенности, которой в работах Ю. С. Степанова соответствует категория локации (уточнение по оси «Я — здесь — сейчас») ¹⁷.

Прагматическая прогнозируемость высказываний зависит от взаимоотношений говорящих, отношения говорящего к теме и способу высказывания. Наиболее существенными прагматическими компонентами значения, из которых выводится смысл высказывания, являются модально-оценочная, регистровая, статусная и эмотивная определенность, т. е. уточнение значения возможности, волеизъявления, положительной или отрицательной оценки, условий общения, определяющих стилистический регистр, отношений ролевого неравенства между участниками диалога, эмоционального состояния участников общения. Прагматические параметры общения представляют собой динамическое единство и подвергаются членению на компоненты с известной долей условности.

Универсально-специфическая и структурно-квантовая определенность выступает в качестве формальной параметра получения информации. Универсально-специфическая определенность затрагивает универсальные высказывания ¹⁸ (пословицы, сентенции, афоризмы) и их выводимый смысл. Этот смысл сводится к модальным импликациям возможности и долженствования ¹⁹. В диалогической речи использование говорящим пословиц может обусловить прагматическое статусное умозаключение получателя речи о ролевом неравноправии, поскольку универсальные высказывания, в концентрированном виде выражая опыт народа, несут в себе дидактический, поучающий, смысл.

Структурно-квантовая определенность связана с кодированием сообщения, которое может быть кратким и развернутым, простым и сложным по строению, тяготеющим к устной или письменной реализации. Несоответствие этого параметра ожиданию получателя речи маркировано прагматически.

Подведем некоторые итоги.

Изучение производности высказываний затрагивает логические, психологические и лингвистические аспекты проблемы. Логическая схема умозаключений позволяет выделить ступени сложности выводов, психологическая схема умозаключений дает возможность учесть нормальные условия общения. Лингвистический подход к умозаключениям сводится к анализу координативно-субординативных зависимостей, с одной стороны, и пресуппозиций и импликаций высказывания — с другой. Представляется целесообразным при моделировании умозаключений разграничивать логические и прагматические пресуппозиции по Э. Кинэну. Моделирование кон-

цепций выводимости высказываний соотносимо с выделением В. В. Богдановым смысла предложений. Каждая такая модель обладает автономным аппаратом поиска информации. Особую роль в выявлении выводимости высказываний играют факторы прагматики, описанные В. Г. Гаком. Оригинальную схему умозаключений применительно к моделям интеллекта предложил Ч. Ригер.

Одним из возможных подходов к изучению производности высказываний является построение алгоритма умозаключений. Такой алгоритм, по-видимому, включает три группы параметров: 1) обеспечения получения информации, 2) мощности воздействия говорящего на получателя речи, 3) получения информации. Получение информации складывается из взаимодействия трех подгрупп параметров: операциональных, содержательных и формальных.

Предлагаемый подход к исследованию производности высказываний открыт для модификаций и корректив.

¹ Мурзин Л. Н. Основы дериватологии: Конспект лекции. Пермь, 1984. С. 22.

² Кривонос А. Т. Некоторые типы коммуникативных единств и их логический статус // Коммуникативные единицы языка: Тез. докл. М., 1984. С. 67—72; Кривонос А. Т. Категории логики и семантического исследования языка // Семантические категории языка и методы их изучения: Тез. докл. Уфа, 1985. Ч. I. С. 42.

³ Dik S. C. Its implications for the theory of general linguistics. Amsterdam, 1968; Лосева Л. М. Межфразовая связь в текстах монологической речи: Автореф. дис... д-ра филол. наук. Одесса, 1969; Федорова А. К. Система подчинительных союзов в современном русском языке: Автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 1972.

⁴ Givon T. Forward implications, backward presuppositions, and the time-axis of verbs // Syntax and semantics. N. Y., 1972. Vol. 1. P. 29—50; Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976; Почепцов Г. Г. Семантическая организация предложения в аспекте пресуппозиции: Автореф. дис... канд. филол. наук. Киев, 1976.

⁵ Keenan E. L. Two kinds of presuppositions in natural language // Studies in linguistic semantics. N. Y., 1971. P. 44—52.

⁶ Богданов В. В. О перспективах изучения семантики предложения // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982. С. 22—38.

⁷ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 44—45.

⁸ Гак В. Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978. С. 19—26; Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Ин. яз. в школе. 1982. № 5. С. 11—17.

⁹ Ригер Ч. Концептуальная память и умозаключение // Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980. С. 152—277; Чарняк Ю. Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. М., 1983. Вып. XII. С. 300—301.

¹⁰ Austin J. L. How to do things with words. Oxford, 1962.

¹¹ Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. С. 32.

¹² Austin J. L. Op. cit. P. 99—101.

¹³ Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем. М., 1974.

¹⁴ Маркова А. К. Психология усвоения языка как средства общения. М., 1974. С. 66—68.

¹⁵ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

¹⁶ Vick C. F. Levels of individuation in semantic structures// Research designs in general semantics. N. Y., 1974. P. 41—45.

¹⁷ Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981. С. 242—243.

¹⁸ Шмарина В. И. К вопросу о категории обобщения и ее лингвистической интерпретации// Вопросы теории английского языка. М., 1975. С. 145—154.

¹⁹ Карасик В. И. Модальный смысл универсальных высказываний// Семантика и смысл синтаксических структур в контексте. Фрязный, 1983.

Н. В. КОСЦЕК
ВКШ при ЦК ВЛКСМ

ОБ ОТНОШЕНИЯХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

В отличие от языка логики, где смысл оператора отрицания всегда однозначен («неверно, что»), в естественных языках семантика отрицательных конструкций значительно варьируется. Это является результатом изменчивости правил «согласования на уровне смысла» отрицательных частиц и связанных с ними компонентов синтаксической конструкции¹. Сфера действия отрицательной частицы определяет ее связь с теми или иными словами или словосочетаниями внутри предложения, благодаря чему возникают семантически согласуемые компоненты.

Если отрицание стоит перед главным предикатом предложения, как обычно в старославянских текстах², то все предложение входит в сферу действия отрицания, что может стать источником многозначности отрицательных конструкций. Так, если исходное предложение представить в виде конъюнкции $P \wedge Act_1 \wedge Act_2 \wedge \dots \wedge Act_5$, то его отрицание $\sim S$ есть дизъюнкция отрицаний $\sim P \vee \sim Act_1 \vee \dots \vee \sim Act_5$, т. е. отрицание всего предложения может быть понято как отрицание P или одного из актантов (или даже сирконстантов). В любом связанном тексте эта многозначность снимается с помощью логического акцента, который служит формальным способом задания актуального членения предложения. Известно, что отрицание чаще всего «притягивается»

словом, на которое приходится логический акцент в предложении³. Это характерно и для старославянского языка.

В данной статье рассматривается язык древнейших старославянских текстов в сопоставлении с языком аналогичных текстов среднеболгарского периода — для выяснения тенденций развития отрицательных конструкций.

Применение деривационного подхода к анализу конструкций, содержащих отрицание, помогает пролить свет на многие вопросы семантики и синтаксиса в диахроническом аспекте. Л. Н. Мурзин справедливо замечает: «Трудно переоценить роль деривационной теории в приложении к истории языка... Деривационный анализ древних текстов позволяет более глубоко объяснить эволюцию языковой системы⁴.

Язык текстов традиционного содержания, каковыми являются и рассматриваемые евангельские тексты, не представляет собой однородной системы: с одной стороны, это язык переводов (наличие семито-греческих калек), с другой — язык текстов, подвергавшихся неоднократной редакторской правке. Поэтому, желая исследовать систему старославянского языка, необходимо прежде всего отделить от нее внешние наслоения, связанные с особенностями функционирования этих текстов как сакральных.

О результатах редакторской правки по отношению к отрицательным конструкциям нельзя судить однозначно: эти конструкции мало подвергались модификациям под рукой древних правщиков (ср., например, незначительные отклонения от старославянских канонических в правленных частях Банишского и Добрейшева евангелий), вместе с тем в евангельских текстах XIV—XV вв. сталкиваемся с повсеместной реставрацией мононегативных конструкций при препозиции местоименно-наречного компонента. Это относится в равной мере к среднеболгарским текстам и к текстам сербской и русской редакций, поэтому исключается объяснение анализируемого явления влиянием диалектных особенностей языка переписчика.

В старославянском языке имеется две формальные единицы для выражения отрицания: частицы *не* и *ни*. Составляя различные комбинации с относящимися к ним компонентами отрицательных конструкций, они служат причиной возникновения многочисленных семантических вариантов. Это можно проследить на примере конструкций с отрицательно-усилительным *ни*, которое отличалось в старославянском языке многозначностью. В форме *ни* разграничиваются следующие омонимы, регулярно употребляемые в старославянских текстах:

а) *ни* — «нет» (нечленимое предложение);

б) *ни* — «даже» (усилительная частица в отрицательных предложениях);

в) *ни* — «и не» (соединительный союз + отрицание, обычно в предложениях с однородными членами);

г) *ни* — оператор, превращающий неопределенный местоименно-наречный компонент в отрицательно-усилительный (сфера действия ограничена смыслом местоимения/наречия независимо от места, занимаемого частицей *ни* в линейной структуре предложения).

Подобно тому как *не* может сливаться в одно слово с глаголом: *нЕсмь, небрЕщи, негодовати, непщевати*; с именем: *недоучь, неправда, неприязнь, ни* образует усилительно-негативный дериват с местоимениями и наречиями: *ниединъ, никто (же), никогда (же), никъде (же)*.

Поскольку частица *ни* употреблялась в старославянском языке наряду с *не*⁵, причем обе частицы могли встречаться в рамках одного предложения, то, естественно, возникали различные варианты отрицательных и отрицательно-усилительных конструкций. Кроме того, греческие и семито-греческие кальки накладывали свою печать на язык евангельских текстов. Особенно сильно отрицательных предложений в древне-еврейском языке является опущение частицы *не* во второй части синтаксических узлов, связанных копулятивной связью. При переводе частица *не* вносится снова в текст в тех местах, где она нужна, по мнению переводчика, для сохранения первоначального смысла⁶. Это создает разноречивость в построении отрицательных конструкций.

В древнегреческом языке существовала только мононегативная конструкция с усилительно-отрицательным значением типа Ассеман.: *ни* (въ изли толики) вЕры обрЕть (Мт 8.10) — *ουδε ... ληστυ Εερου*. Аналогичные конструкции встречаются в старославянском языке регулярно, но наряду с ними широко распространены и предложения полинегативного типа, особенно часто в Мариинском и Зографском евангелиях. К. Мирчев отмечает регулярное употребление полинегативных конструкций в древнейших памятниках болгарского языка⁷.

А. Вайан считает, что при отрицательных местоимениях или наречиях перед глаголом всегда ставится отрицание, если этот глагол предшествует местоимению; отрицание бывает факультативным, когда глагол следует за местоимением. В целом для старославянского языка, по мнению А. Вайана, более характерно двойное отрицание: «Более обычно все же повторение отрицания»⁸. Таким образом, уже в самый ранний период развития славянских языков проявляется тенден-

ция к употреблению полинегативных конструкций. Например, в Мариинском евангелии при местоимении *никъто* конструкций с двумя отрицаниями — 43, с одним — 16; при местоимении *ниединъ* («никто») полинегативных конструкций 10, мононегативных — 5. В языке евангелия Кохно (XIII в.) тенденция к употреблению полинегативных конструкций выражена наиболее четко: словосочетаний с двойным отрицанием при местоимениях насчитывается около 60, а тех же конструкций с одним отрицанием — 13. И это, на наш взгляд, не только не противоречит общему архаическому облику памятника, особенно в области лексики, но и хорошо согласуется с ним: именно в более поздних среднеболгарских рукописях (XIV — XV вв.) мы обычно находим обилие мононегативных конструкций как следствие стремления к искусственному восстановлению мононегативизма по образцу греческих калек.

Частица *ни*, выступая в предложении самостоятельно, без слияния с какими-либо местоименными компонентами и при отсутствии отрицания *не* перед глаголом, несет двойную нагрузку: синтаксическую — способ выражения отрицания — и семантическую — значение усиления отрицания. Ее семантическая функция в этом случае полностью совпадает с усилительным значением частицы *даже* в утвердительных конструкциях.

В текстах среднеболгарских Евангелий такие отрицательные предложения, как правило, не сопровождаются введением отрицания *не* перед глаголом, если *ни* стоит в препозиции

к этому глаголу: *амии гля вамъ ни въ изли толики вЕры обрЕть* (Кохно, Мт 8.10). Эта конструкция значительно варьируется по памятникам. Вариант без отрицания, подобный отмеченному в евангелии Кохно, дают апракосы — Саввина книга, Ассеманиево евангелие, Мстиславово евангелие и Врачанское евангелие, а также более поздние тетры — Шафариково евангелие и евангелие Ивана Александра. В тексте Мариинского, Банишского и Търновского евангелий находим полинегативную конструкцию с отрицанием *не* перед глаго-

лом: *ни въ изли толики вЕры не обрЕть*. Та же конструкция выступает в мононегативном варианте в тексте Ассеманиева, Добромирова, Врачанского, Ивана Александра и Шафарикова евангелий, в то время как Саввина книга, Мариинское, Банишское и Търновское евангелия содержат конструкцию с *не* перед глаголом.

Если аналогичная конструкция, содержащая *ни* «даже», имеет глагол в препозиции по отношению к *ни* усилительно-негативно, то *не* перед глаголом становится обязательным компонен-

том, а употребление *ни* усилительного варьируется по памятникам, подобно тому как в словосочетаниях с препозицией *ни* по отношению к глаголу варьируется употребление *не*: Яко к тому не вѣмѣшати ся *ни* при двѣрехъ (Кохно, Мк 2.2), так же в Саввиной книге, Мариинском, Зографском, Мстиславовом, Врачанском, Добрейшевом евангелиях и евангелии Ивана Александра, но с изменением предложно-падежной формы; в Търновском, Шафариковом евангелиях зафиксировано *при двѣрехъ*; Ассеманиевом евангелии представлен вариант без *ни*: при двѣрехъ, Банишском — тоже без *ни*: *прдЕ двѣрѣми*. Такое же варьирование *ни/о* находим в аналогичных по структуре конструкциях старославянских и среднеболгарских памятников: не хотѣше (ни) очю възвести на небо (Л 18.13), не възможе (ни) единого часа побѣдѣти (Мт 26.40), и м.нЕ николиже не далъ еси козляте. Рассмотрим подробно последний случай. В тексте Мариинского евангелия, Саввиной книги, Остромирова евангелия представлен вариант без *ни*, во Врачанском находим *ни козлища*, Добромировом — *ни понЕ козляте*, Шафариковом евангелии — *ни козляте*, Ассеманиевом — *и козляте*. Особенно интересен вариант Ассеманиева евангелия с усилительной частицей *и*, употребляемой обычно только в утвердительных предложениях. Это свидетельствует о том, что сфера действия приглагольного отрицания *не* распространяется на всю группу сказуемого и тогда негативный компонент при имени становится избыточным; значение же усилительности передается отдельно с помощью частицы и без дополнительного отрицания.

Таким образом, отрицательные конструкции с препозицией глагола, в которых совмещаются форманты *не* и *ни*, являются дериватом предложений с *не* перед предикатом без усилительно-отрицательного *ни*, хотя семантически им тождественных. Взаимоотношения монологативных конструкций с препозицией *ни* — компонента и полинегативных с препозицией глагола могут быть представлены схематически:

НИ V → НИ (НЕ) V: НИ въ изли толики вѣры (НЕ) обрЕть;

НЕ V → НЕ V (НИ): НЕ далъ еси (НИ) козляте.

Таким образом, отрицательные частицы *не* и *ни* могут взаимозаменяться под давлением конструкции определенного типа.

Очевидно, именно к таким монологативно-усилительным конструкциям восходят словосочетания «нито + глагол», широко распространенные в болгарском языке XIX в.: Огнянов и докторът видеха, че са загашени, и нито помислиха за бягане... (И. Вазов); Н града той нито попита на каква цена върви житото (И. Йовков); Селското население още не е

въстанало и нито мисли да въстава (Г. Кирков). В разговорной разновидности современного болгарского языка эти конструкции также употребляются часто.

Теперь становится очевидным, что полинегативные структуры с отрицательными местоимениями и наречиями являются лишь частным случаем общеупотребительных в старославянском и среднеболгарском языках конструкций, содержащих два отрицания: *не* и *ни*. Они возникли в результате присоединения («приклеивания») усилительно-отрицательной частицы *ни* к местоименному корню и, соответственно, сужения сферы действия *ни* до семантики местоименного компонента.

В зависимости от того, как распределялись «сферы действия» *не* и *ни* в предложении, существовали монологативные или полинегативные конструкции трех различных типов: 1) монологативная конструкция с препозицией *ни*; 2) полинегативная конструкция с препозицией *ни*; 3) полинегативная конструкция с постпозицией *ни*. Четвертый логически возможный тип — монологативная конструкция с постпозицией *ни* — в старославянском языке отсутствует в отличие, например, от современных европейских языков. Вместо нее формируется монологативная конструкция, ср.: не вѣмѣшахъ ся при двѣрехъ или не далъ еси и козляте.

Глубоко специфично употребление частиц *не* и *ни* в предложениях с однородными членами. В них совмещается семантическая отрицательно-усилительная функция частицы *ни* с функцией синтаксической, копулятивной. В языке древнейших канонических вариантов *и не* мог выступать в явной форме как синоним *ни*. Так, в Саввиной книге читаем: *не* видѣти его *ни* знаати его (И 14.17. Л. 26), а в том же стихе на л. 100 находим: Яко не видя (тъ сего *и*) *не* разоумЕЮ-юсть его. Лексически эту конструкцию повторяют Банишское и Добрейшево среднеболгарские евангелия, но в модифицированном виде — с *ни* вместо *и не*: Яко не видЕ яго ни разоумЕ яго. Такая конструкция с *ни* перед вторым из однородных членов широко употребляется в старославянском языке, а также в среднеболгарском и древнерусском. Однако по памятникам конструкция эта варьируется. Рассмотрим, например, предложение: никто не можааше емоу ѿ вѣшати словесе ни смЕ кто ѿ того дне въпросити его к тому (Мар Ас Сав Остр Кохно — Мт 22.46, в Сав: и никтоже емоу можааше, в Бан: ни смЕ ѿ дне того въпросити). Добрейшево евангелие содержит модифицированный вариант: никтоже ѿ того дне въпроси его к тому, где *ни* выступает как словообразовательный формант отрицательного местоимения и, соответственно, сфера действия усилительно-отрицательного *ни* ограничивается только смыслом этого местоимения.

В целом же среднеболгарские Евангелия сохраняют древнюю модель НЕ V₁ НИ V₂. С точки зрения варьирования отрицательных частиц представляет интерес конструкция: еже не оубиеси ни прЕлюбы твориши, ни оукрадеши, не лъжъсвЕдЕтель будеши (Кохно. Л. 32. 16—19). В различных евангельских текстах форма употребления частиц *не* и *ни* изменяется от *не...не* в евангелии Ивана Александры до *ни...ни* в Шафариковом евангелии; в Банишском и ряде других они употреблены смешанно, такое же варьирование наблюдается в древнейших кодексах старославянского языка. Это свидетельствует об отсутствии в старославянском и среднеболгарском языках стабильной сочинительной конструкции с несколькими однородными членами — глаголами. Если в конструкциях с повторяющимися глаголами оказывается возможным варьирование *ни/не*, то при наличии однородных членов — имен — оно уступает место чередованию *ни/и*, ср.

в Евангелии Кохно: Яко не познаша ѿца и мьне 856.4 — на месте более обычного в канонах *ни мене*. В выражении: не может боу работати ни мамонЕ, отмеченном в текстах среднеболгарских Евангелий, варьируются *ни/и*. Во Врачанском евангелии вариант *ни мамонЕ* Б. Цонев рассматривает как ошибочный. Если, однако, учесть регулярно возникающую в древних текстах синонимию *и не/ни, ни/и*, то это словосочетание не следует интерпретировать как ошибочное; напротив, оно представляет собой норму употребления соответствующих конструкций с однородными членами: не можете работать Богу и не (можете работать) Мамоне, что оказывается при таком понимании синонимичным соответствующему пассажи с союзом *и*. Следует отметить, что модель НЕ V₁ НИ V₂, широко употребительная в евангельских текстах, сохраняется в болгарском литературном языке XIX в., иногда она встречается и в современном болгарском языке: ... никой *не* е видЕл, *ни* чуль, за да ви прЕдаде после? (И. Вазов); Тъстът на Великия Дявол — от години *не* пил, *ни* ял — излапал сто паницы гостба (Н. Райнов).

С точки зрения семантической деривации различных типов отрицательных конструкций, а также их функционирования в речи особый интерес представляют предложения с несколькими отрицаниями, относящимися к разным актантам или сирконстантам. Такие предложения — не редкость в древнейших кононических текстах: никомоуже ничъсоже не ръци (Кохно. Л. 54 и др.); гробъ новъ въ немъже николиже никтоже не бЕ положенъ (Кохно. Л. 93; в старославянских канонах не варьируется).

Подобные примеры свидетельствуют о том, что полинега-

тивные конструкции были обычным и весьма распространенным явлением как в старославянском языке, так и в среднеболгарских текстах. В этом можно, на наш взгляд, видеть стремление говорящего «усилить» действие отрицания, подчеркнув, что оно не может не распространяться на какой-либо из названных актантов или сирконстантов. В естественном языке в отличие от логики отрицание не всегда означает «не-А»; часто оно может значить «мало, недостаточно» или «плохой» («недостаточный по качеству»). Очевидно, чтобы исключить такое понимание, и добавляются дополнительные отрицательные форманты. Слово *нет* в значении «да, но немного» («не» — «мало») отмечено, например, в предложении: не имамъ зе тъкмо пять хлЕбъ и двЕ рыбЕ (Кохно 27.9—10, так же в остальных старославянских и среднеболгарских канонах).

Двойное семантическое отрицание встречается часто, хотя логически оно должно было бы означать утверждение (снятие отрицания): и запрЕти имъ да никомоуже не повЕдятъ (Кохно, 566) — в соответствии с Мариинским и Зографским: онъже запрЕти има не повЕдЕти никомоуже бывъшаго (Л. 8.56). Глагол *запрЕтити* означает «велеть не делать (чего-либо)», т. е. отрицание входит в его семантическую структуру. Поэтому второе отрицание — при глаголе *повЕдятъ* — оказывается излишним, что явно не согласуется со смыслом данного высказывания. Возможность такой конструкции, на наш взгляд, является косвенным свидетельством широкого распространения конструкций с несколькими отрицаниями в старославянском языке.

При словах — аналогах квантора общности в предложении, как правило, употребляется только одно отрицание перед глаголом: всЕкъ живыи вЕроуя и въ мя не оумреть въ вЕкы (Кохно, 596). И в текстах старославянского языка, и в среднеболгарских Евангелиях отрицательные конструкции предложений с квантором общности встречаются лишь как исключение: в Мариинском евангелии из 45 конструкций с *всЕкъ* только 4 употреблены с отрицанием перед глаголом-сказуемым, в евангелии Кохно (краткий апракос) — 2. В подавляющем большинстве случаев отрицание, семантически взаимодействуя с аналогом кванторного слова, превращает его в отрицательное местоимение *никто* (*ничто*). Оба типа конструкций, как можно судить по их функционированию, семантически тождественны, действие отрицания распространяется в них и на глагол-сказуемое, и на его актанты. Различие их заключается лишь в частотности употребления; генетически же конструкция с *никто не* является дериватом мононегативной конструкции с *всЕкъ не*. Это снова подтверж-

дает тезис о том, что полинегативные конструкции находились в рассматриваемый период в процессе развития.

- ¹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974. С. 81—82.
- ² Miklosich Fr. Die Negation in der Slavischen Sprachen. Wien, 1869. S. 2.
- ³ Падучева Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. Вып. 12. Anderson S. R. How to get even//Language 2. 1972. V. 48. P. 4.
- ⁴ Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984. С. 52.
- ⁵ Вайн А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 7, 391.
- ⁶ Steuergnagel C. Hebräische Grammatik. Leipzig, 1961. S. 116.
- ⁷ Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1963. С. 226.
- ⁸ Moszynski L. Miejsce partykuły przeczacej «ne» w zdaniu starocerkiewnosłowiańskim//Studia palaeoslovenica. Praha, 1971.

М. Н. ЛИТВИНОВА
Пермский университет

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОРЫ

В основе деривационного подхода к метафоре лежит принцип динамизма (процессуальности). С деривационной точки зрения метафорическое высказывание представляет собой результат контаминации двух исходных предложений¹ — ассоциативно связанных семантических структур, одна из которых — интродуктивная — вводит в тему высказывания, другая — базовая — сообщает информацию о субъективном видении ситуации, описанной интродуктивной структурой². Например: «Как все больные, Лиза заполняла бессчетные часы лежания раздумьями. Это были медленные облака, проплывавшие перед взором из конца в конец прожитых лет» (К. Федина). Интродуктивная структура «раздумья ... прожитых лет» уподобляется базовой структуре «медленные облака, проплывавшие перед взором» на основе общего признака, выполняющего «роль шарнира»³ между ними. «Этот признак не обозначается отдельным знаком, а представляется нерасчлененно («скрыт») в составе слова, означающего яркого носителя признака»⁴. Однако для исследования механизма образования метафоры несущественно выявление всего объема семантического потенциала признака сравнения исходных структур. Важно, что этот признак приписывается обоим структурам на этапе их объединения в сравнительную конструкцию. Назовем его интегрирующим предикатом, а сравнительную конструкцию, образованную с его участием, —

глубинной семантической структурой метафоры (ГССМ). Такое понимание метафоры служит основой изучения процесса ее перевода как одного из важнейших видов вторичного порождения текста.

Материалом для статьи послужили произведения Л. Леонова, К. Фебина, Ю. Бондарева и их переводы на английский язык, а также произведения Р. Олдингтона, Р. Брэдбери и Ф. С. Фицджеральда и их переводы на русский язык. Было проанализировано около 1200 индивидуально-авторских метафорических высказываний и столько же соответствующих им переводов. Оказалось, что метафорические высказывания, содержащиеся в тексте на исходном языке (ИЯ), могут переводиться метафорами, сравнительными конструкциями и автотологическими высказываниями в тексте на языке перевода (ПЯ).

Прежде чем перейти к анализу деривационных процессов при переводе метафоры, следует отметить, что в акте двуязычной коммуникации, где посредником между отправителем сообщения на ИЯ и получателем на ПЯ является переводчик, сначала происходит процесс восприятия текста ИЯ переводчиком (рецептором ИЯ), а затем — порождение текста ПЯ переводчиком (источником текста ПЯ). Таким образом, проблема деривационной характеристики процесса перевода метафоры имеет два аспекта: во-первых, описание деривационных процессов при восприятии метафоры; во-вторых, исследование деривации при порождении соответствия метафоре текста ИЯ в тексте ПЯ.

Для решения поставленной задачи необходимо иметь данные о промежуточной единице, которая является результирующей для процесса восприятия метафоры и исходной для порождения соответствий перевода. Эта единица находится на глубинном уровне переводческой коммуникации, аналоге внутренней речи⁵, и поэтому не может быть объектом непосредственного наблюдения. Она представляет собой модель продукта восприятия и одновременно мыслительной структуры, определяющей «начальную фазу порождающего процесса»⁶ — глубинную семантическую структуру метафоры. Схематично, в самом общем виде процесс перевода метафоры можно передать так:

На схеме пунктирной стрелкой обозначен процесс восприятия метафоры, в ходе которого переводчик осознает глубинную

семантическую структуру метафоры, а сплошной — порождение соответствия метафоре текста ИЯ в тексте ПЯ. Движение происходит от ГССМ к ее вербальному, т. е. поверхностному, представлению в тексте перевода. Рамки статьи не позволяют подробно описать деривационные особенности процесса восприятия метафоры. Что касается порождения соответствия текста ПЯ, то с помощью деривационного анализа мы можем моделировать процесс образования соответствия ПЯ из ГССМ текста ИЯ. Рассмотрим текст, в котором говорится о человеке, разбирающем книги: «Он копал и копал эти горы, прорывая в них туннели: в глубине могли таиться дорогие сердцу имена» (К. Федин). ГССМ — «он рылся в книгах (разбирал книги) так, как будто копал горы». Перевод: «He dug deeper and deeper into the mountains, tunnelling through them in the hope that he might find some name dear to his heart hidden in their depths».

ГССМ перевода — «he looked through the books as if he dug deeper and deeper into the mountains». Сравнение ГССМ оригинала с ГССМ перевода позволяет обнаружить их полное структурное и лексическое подобие. Высказывания оригинала и перевода имеют одинаковую синтаксическую организацию, изменения в лексическом наполнении базовой структуры отсутствуют. Следовательно, метафора текста ПЯ получена в процессе деривации метафоры оригинала, как порождение из ГССМ текста ИЯ, по тем же правилам, что и порождение метафоры оригинала. Назовем такую вторичную деривацию реставрацией.

Процесс реставрации, однако, могут осложнить следующие факультативные деривационные операции.

1. Модификация способа синтаксической организации метафорической синтагмы без изменения соотношения между эксплицитными и имплицитными компонентами метафорического высказывания. Например: «They looked over a broad, flat, grey — green plain, dotted with ruined villages, *seamed with the long, irregular lines of trenches*» (Р. Олдингтон).

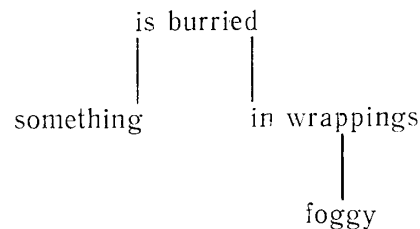
В процессе восприятия данной метафоры образуется ГССМ «a plain covered with the lines of trenches looked as somebody, who was seamed», на основе которой в тексте перевода создается следующая метафора: «Дальше расстилалась серо-зеленая *равнина*, усеянная пятнами разрушенных селений, *иссе-ченнная длинными кривыми шрамами окопов*».

Сравнение ГССМ текстов ИЯ и ПЯ — «a plain covered with the lines of trenches looked as somebody who was seamed» и «равнина покрыта окопами, как нечто (некто) шрамами» — обнаруживает их совпадение, но в тексте они реализованы разными синтаксическими типами метафор. Предикат базо-

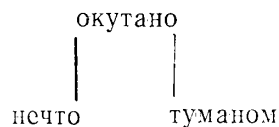
вой структуры метафоры оригинала выражен глаголом *seamed*, в переводе ему соответствует существительное *шрамы*. Это изменение, по-видимому, обусловлено влиянием системы языка перевода. Его можно квалифицировать как межъязыковую конверсию. Аналогичным образом происходит перевод предикативной метафоры генитивной и генитивной метафоры — предикативной и атрибутивной.

Наряду с конверсией процесс реставрации может осложняться компрессией компонентов базовой структуры.

«An England morally burried in great foggy wrappings of hypocrisy and prosperity and cheapness» (Р. Олдингтон). Для того чтобы регенерировать глубинную семантическую структуру метафоры, следует устранить смещение: England is morally burried —→ English morals are burried. Получаем ГССМ «English morals consist of hypocrisy and prosperity and cheapness as something burried in great foggy wrappings» и сравниваем ее с переводом «Англия, чей дух окутан плотными туманами лицемерия, благополучия, ничтожности» и с ГССМ перевода «дух Англии погряз в лицемерии, благополучии, ничтожности, как нечто, окутанное плотными туманами». Очевидно, что в процессе перевода изменились связи между компонентами базовой структуры метафоры перевода. В тексте ИЯ семантические связи компонентов в базовой структуре метафоры могут быть представлены так:

В метафоре перевода связи изменились:

В базовой структуре метафоры перевода произошло как бы сгущение смысла словосочетания «burried in wrappings» в одном слове метафоры ПЯ — *окутано*. Это вызвало конверсное преобразование прилагательного в существительное: foggy —→ *туман*.

Таким образом, процесс реставрации метафоры в переводе может сопровождаться конверсией и компрессией. Эти операции порождают в качестве соответствий перевода метафоры, в которых обнаруживаются изменения способа синтаксической организации метафорической синтагмы и всего метафорического высказывания.

2. Изменение лексического наполнения какого-либо основного структурного компонента базовой структуры с сохранением интегрирующего предиката интродуктивной и базовой структур в метафоре перевода. Например:

«... *разрезав* массивным утюгом своего плотного живота текущий мимо окон поток мужчин» (Ю. Бондарев).

«... *parting* the torrent of men flowing past the windows with the massive *pro* of his solid stomach».

В метафоре оригинала образ создается базовой структурой «разрезать ... массивным утюгом», а в переводе — «to part ... with the massive pro». На первый взгляд *утюг* и *pro* (нос судна, самолета) не имеют ни одной точки соприкосновения, но они имеют общий интегрирующий предикат, который включен в эксплицитные предикаты базовых структур «разрезать» и «to part» (разделять, отделять, делить на части). ГССМ оригинала — «его живот вклинивался в поток мужчин так, как будто разрезал его утюгом». Поскольку передняя часть утюга по форме напоминает нос судна, можно сделать вывод о том, что, несмотря на разные лексемы, создающие базу образа в оригинале и переводе, ГССМ перевода построена на основе того же общего признака, что и метафора оригинала: «his stomach divided the torrent of men as the pro parted the air (water etc.)». В процессе реставрации метафоры в переводе была реконструирована ГССМ оригинала, изменения в лексическом наполнении базовой структуры не повлияли на глубинную семантику метафоры текста ПЯ, так как в переводе сохранился общий для исходных семантических структур интегрирующий предикат.

Реставрация может сопровождаться компрессией, декомпрессией и метафорической иррадиацией. Особенность компрессии при порождении метафоры перевода состоит в том, что она изменяет отношения между эксплицитными и имплицитными компонентами исходных структур метафорического высказывания. Компрессии могут подвергаться компоненты обеих исходных структур. Рассмотрим компрессию субъекта интродуктивной структуры (синтагматическую компрессию). «Тут желтый свет берез бесшумно играл и осыпался наземь с листвою, и грустно и сладко было молча шагать по золоченому коврику дороги» (К. Федин).

«The light played soundlessly with the yellow birches and fell

to the ground together with the leaves and it was both bitter and sweet walking in silence over this golden carpet».

Двухкомпонентная метафора-сравнение *коврик дороги* переведена однокомпонентной метафорой *carpet*. Для того чтобы понять причину компрессии субъекта интродуктивной структуры в переводе, сравним ГССМ оригинала и перевода: «дорога, усыпанная желтыми листьями, похожа на золоченый коврик» и «the ground covered by the yellow leaves looked like the golden carpet». Субъект интродуктивной структуры метафоры перевода *the ground* эксплицирован методом регенерации, однако, на наш взгляд, слово *дорога* в переводе не опущено, а компрессировано, и для доказательства проанализируем контекст метафорических синтагм оригинала и перевода.

В тексте ИЯ «желтый свет берез ... осыпался наземь», а в тексте ПЯ «the light ... fell to the ground», т. е. в переводе, вместо наречия *наземь* появляется существительное *ground* (земля, поверхность земли). Поскольку же метафорическое высказывание порождается как органическая часть текста, возникновение в переводе метафоры «the golden carpet of the road», в которой был бы эксплицитно выражен субъект интродуктивной структуры, создало бы определенную избыточность информации, потому что *road* и *ground*, как показывает сравнение словарных дефиниций, имеют общую сему — «поверхность, по которой ходят, ездят». Устранение избыточности не привело к информационным потерям в переводе.

Процесс синтагматической компрессии довольно редко затрагивает интродуктивную структуру, поскольку она содержит наиболее существенную для коммуникативного процесса информацию о денотате. Кроме субъекта интродуктивной структуры компрессии могут подвергаться дескриптивы, входящие в эту структуру:

«... оконца подмигивали солнечными зайчиками» (К. Федин).

«... windows winked blithely».

Сравнение ГССМ оригинала и перевода — «окна светились солнечными зайчиками, как будто кто-то подмигивал» и «windows reflected light as if someone winked blithely» — показывает, что опущение дескриптива интродуктивной структуры метафоры оригинала *солнечными зайчиками* есть результат компрессии, поскольку в базовой структуре метафоры перевода появляется дескриптив *blithely* (счастливо), который несет ту же положительную оценку, что и компрессированный компонент интродуктивной структуры. Следовательно, компрессии подверглась лишь сигнификативная информация дескриптива *солнечными зайчиками*, а прагмати-

ческая информация переместилась в базовую структуру метафорического высказывания. Представляется возможным сделать вывод о том, что при реставрации метафоры в переводе происходит парадигматическая компрессия, как устранение «лишних» в данном контексте сем. Компрессия как деривационный процесс при порождении метафоры перевода отражает универсальную тенденцию к экономии языковых средств. Поскольку в каждом языке эта тенденция действует по-своему, некоторые элементы в тексте оригинала могут оказаться избыточными при перенесении в текст перевода. В процессе перевода метафорического высказывания такие информационно «излишние» элементы компрессируются: двухкомпонентная метафора переводится однокомпонентной, устраняются дескриптивы в базовой структуре, и часть их информации передается в «свернутом» виде в интродуктивную структуру метафорического высказывания.

Декомпрессия, как и компрессия, изменяет отношения между эксплицитными и имплицитными компонентами метафорического высказывания, но в противоположном направлении, т. е. эксплицитирует некоторые имплицитные компоненты глубинной семантической структуры исходной метафоры, выводит их на поверхностный уровень в метафоре перевода. Вследствие декомпрессии однокомпонентная метафора текста ИЯ переводится двухкомпонентной метафорой в тексте ПЯ.

Например:

«Та же река донесла Полю вместе с ее госпитальным табором до покинутой прифронтовой деревушки» (Л. Леонов).

«The same river of life carried Polya together with her hospital caravan to an abandoned front-line village».

Субъект интродуктивной структуры метафорического высказывания оригинала «та же река донесла» не выражен в его ближайшем контексте. Сравнение жизни с рекой, а героини романа с песчинкой проходит как сквозная метафора через весь текст. При восприятии читателем метафоры *река* в его сознании возникает ГССМ «жизнь привела Полю в покинутую прифронтовую деревушку подобно тому, как река несет куда-то песчинку». В процессе реставрации метафоры субъект интродуктивной структуры *река* декомпрессируется и переходит в категорию эксплицитных компонентов метафорического высказывания перевода. В результате декомпрессии облегчается восприятие метафоры для читателя перевода, снимаются некоторые трудности ее понимания.

Декомпрессия отдельных компонентов интродуктивной

структуры может иметь место при переводе развернутой метафоры:

«Вождение маломаневренных драматических галер по рифам безденежья и провалов ...» (К Федин).

«Piloting the little manoeuvrable drama companies through all those straits that threatened bankruptcy and failure ...».

Этот пример позволяет увидеть связь процессов компрессии и декомпрессии в ходе реставрации метафоры перевода. Для того чтобы выявить эту связь, обратимся к ГССМ оригинала и перевода, рассмотрим компоненты, отличающие одну структуру от другой: «руководство драматическим коллективом в условиях безденежья и провалов похоже на вождение маломаневренных галер по рифам» и «managing the drama companies through all those difficulties that threatened bankruptcy and failure is like piloting the little manoeuvrable ships through all those narrow straits». Замена слова *галеры* в метафоре оригинала на слово *companies* в метафоре текста ПЯ показывает, что при порождении перевода произошла компрессия компонента базовой структуры *галеры* и одновременно декомпрессия компонента интродуктивной структуры *companies*. Компонент *галеры* в компрессированном виде перешел в разряд имплицитных компонентов семантической структуры метафоры и может быть регенерирован как *ships* (суда) — слово, в котором компрессии подверглась часть родовых сем. Вследствие взаимосвязи компрессии и декомпрессии при порождении метафоры перевода происходит перераспределение эксплицитной и имплицитной информации между исходными структурами метафорического высказывания. Эксплицитно выраженная информация интродуктивной структуры расширяется, и одновременно сужается эксплицитно выраженная информация базовой структуры.

Процесс декомпрессии при порождении базовой структуры метафоры перевода обусловлен прежде всего семантическими особенностями лексики, наполняющей эту структуру. Слова текста ИЯ, имеющие широкую семантику, с помощью декомпрессии раскрывают свое содержание в тексте ПЯ. Например: «And what does the word *quality* mean? To me it means *texture*» (Р. Брэдери).

Texture обладает следующими словарными значениями: 1) строение ткани; 2) спец. текстура, строение. Из контекста понятно, что с помощью слова *texture* автор создает базу образа метафоры: речь идет не о качестве издания, а о содержании книги. В метафоре перевода используются оба значения этого термина: «А что значит *качество*? Для меня это *текстура, ткань* книги». Процесс декомпрессии затрагивает

базовую и интродуктивную структуру, эксплицируется компонент книги.

Кроме декомпрессии компонентов интродуктивной и базовой структуры метафоры при переводе возможны случаи декомпрессии интегрирующего предиката исходных структур, того общего признака, на основе которого происходит их сопоставление. Рассмотрим метафорическое высказывание «He stood in a swarm of fireflies» (Р. Брэбери). Здесь *swarm of fireflies* (рой светляков) принадлежит базовой структуре и замещает имплицитные компоненты интродуктивной структуры *искры, вылетающие из огня*. Общий признак субъектов интродуктивной и базовой структуры — красный цвет искр и светляков — присутствует в ГССМ: «sparks are as red (bright) as fireflies». При порождении метафорического высказывания перевода интегрирующий предикат декомпрессируется: «Он шагает в рое огненно-красных светляков». Дескриптив *огненно-красные* в равной степени относится к интродуктивной и базовой структурам. Необходимо отметить, что часть дескриптива *огненно-* выполняет в метафорическом высказывании перевода сразу несколько функций: во-первых, как часть интродуктивной структуры это слово декомпрессирует один из ее компонентов — *огонь*; во-вторых, как компонент базовой структуры оно оживляет внутреннюю форму слова *fireflies* (огненные жуки), образ ИЯ, отличающийся от образа ПЯ — *свет — светляки*.

Следовательно, декомпрессия при порождении метафоры перевода вербализует имплицитные компоненты глубинной семантической структуры метафоры. Декомпрессия, как и компрессия, обусловлена наличием имплицитного уровня в семантической структуре метафоры. Основным фактором, приводящим в действие силы компрессии и декомпрессии, является подчиненность процесса перевода цели коммуникации. Она направлена на создание такого текста перевода, метафоры которого были бы достаточно понятны и интересны читателю.

Процесс метафорической иррадиации заключается в том, что в ходе реставрации метафоры текста ПЯ ее базовая структура продолжает разворачиваться. В перевод вносятся добавления или уточнения, определяемые ситуацией, логически и ассоциативно с ней связанные и не противоречащие информации о референте, которая содержится в интродуктивной структуре. Приведем пример: «A double row of huge old poplars beside the narrow brook swayed and danced in the gales» (Р. Олдингтон). «Старые великаны-тополя, выстроившиеся в два ряда вдоль узкой речушки, то раскачивались и плясали под музыку зимних бурь, то ...». Добавление

к базовой структуре метафоры перевода «некто плясал» компонента *под музыку* вызвано представлением переводчика о наиболее типичных, нормативных атрибутах объекта, входящих в широкую пресуппозицию говорящих⁷. Ситуация в базовой структуре описана чрезвычайно сжато, она предполагает логическую связь танца и музыки. На этой основе метафора может быть продолжена за счет развертывания (иррадиации) базовой структуры. Метафорическая иррадиация — это деривационный процесс, свойственный переводу как своего рода интерпретации текста оригинала. Основой метафорической иррадиации является наличие глубинного уровня в семантической структуре исходной метафоры, что создает возможность синтагматического развертывания базовой структуры метафоры текста ПЯ на логико-ассоциативной основе. Метафорическая иррадиация вызвана стремлением переводчика обеспечить целостность на уровне метафорического высказывания. Для достижения этой цели он вносит изменения в направление развертывания высказывания.

Таким образом, при порождении метафоры перевода происходят следующие деривационные процессы: реставрация метафоры текста ИЯ, компрессия и декомпрессия компонентов ГССМ и метафорическая иррадиация. Реставрацию можно определить как вторичную семантическую деривацию по отношению к процессу порождения метафоры исходного текста, интерпретацию ГССМ текста ИЯ переводчиком с целью получения в тексте ПЯ определенного функционального соответствия. Реставрация как основной деривационный процесс может сопровождаться компрессией, декомпрессией или метафорической иррадиацией.

Процесс перевода метафор текста ИЯ структурно-неэквивалентными соответствиями — сравнениями и автологическими высказываниями — имеет деривационные отличия. Они состоят в том, что ГССМ как продукт восприятия исходного текста не реставрируется в переводе. Рассмотрим, как происходит порождение сравнения в тексте ПЯ: «Белые руки их пониже плеч были помечены, как бутылки коньяка, тремя звездочками оспенной прививки» (К. Федин). «Their white arms showed below the shoulders three vaccination marks like the stars on brandy bottles». В оригинале метафора «три звездочки оспенной прививки» тесно связана со сравнением «как бутылки коньяка». Особенностью этой метафоры также является ее спаянность с метонимией: на звездочки похожи шрамы от оспенной прививки. В переводе устраняется метонимия, и декомпрессируется субъект интродуктивной структуры *marks*, субъект базовой структуры метафоры *stars* входит в сравнение.

Процесс перевода метафоры сравнением, как правило, характеризуется декомпрессией компонентов интродуктивной структуры, опущением компонентов базовой структуры метафоры и синтаксической перестройкой метафорического высказывания, а иногда и его ближайшего контекста.

Другой вид структурно-неэквивалентного соответствия метафоре в переводе — автологическое высказывание. Оно создается из ГССМ путем полной деметафоризации, т. е. эксплицитные компоненты базовой структуры метафоры заменяются декомпрессированными компонентами интродуктивной структуры. Наиболее отчетливо этот процесс прослеживается при переводе однокомпонентных метафор. Поддержка текста позволяет однозначно эксплицитировать субъект интродуктивной структуры: «Ты любишь, когда тают от твоих акварелей» (К. Федин). «You love to have people melt under those violet eyes of yours». От ГССМ оригинала «глаза — лиловые, как акварели» в переводе остается только интродуктивная структура, подвергнутая контаминации и конверсии, — *violet eyes*. Есть основания полагать, что при переводе метафоры автологическими высказываниями передача интродуктивной структуры метафоры текста ИЯ носит деривационный характер, поскольку она не репродуцируется, а интерпретируется переводчиком; компрессия и декомпрессия, конверсия и контаминация включаются в этот деривационный процесс.

Итак, как показал анализ процесса перевода метафоры с точки зрения деривации, перевод есть сложный межъязыковой деривационный процесс, в результате которого изменяется план выражения исходной единицы. Что касается плана содержания соответствия метафоре в тексте перевода, то изменения может претерпевать его структура, особенно на сигнификативном уровне, куда относятся всевозможные модификации в базовой структуре метафоры. При порождении метафоры перевода происходят те же типы деривационных процессов, что и при порождении оригинальной метафоры, но деривационный процесс перевода не всегда тождествен деривации метафоры оригинала в силу лексико-синтаксических закономерностей языка перевода, действующих при текстопорождении. Особую роль в переводческой деривации играют компрессия, декомпрессия и метафорическая иррадиация, внося вклад в обеспечение связности и цельности текста перевода. При переводе метафоры сравнением и автологическим высказыванием деривационные процессы в интродуктивной структуре сочетаются с недеривационными в базовой (функциональное упрощение).

деривации предложений (к постановке вопроса)//Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972. С. 365—366.

² Симашко Т. В. Анализ метафорического высказывания в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1980. С. 9.

³ Дюбуа Ж., Мэнге Ф. и др. Общая риторика. М., 1986. С. 195.

⁴ Тарасова В. К. О метафорической номинации//Семантика слова и предложения в английском языке. Л., 1980. С. 41.

⁵ Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984. С. 33.

⁶ Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. С. 142.

⁷ Гак В. Г. Сопоставительные исследования и перевод//Тетради переводчика. М., 1979. Вып. 16. С. 19—20.

А. А. ГРУЗБЕРГ

Пермский пединститут

ОБ ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Деривация как процесс порождения приводит к появлению новых единиц на всех уровнях языка. Среди причин, вызывающих деривацию, определенное, пусть и незначительное, место занимают случайные причины, в том числе случайные фонетические совпадения. Покажем это на примере группы слов с корнем *-брак-* в речи жителей д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Материал для статьи почерпнут в картотеке словаря этого говора, хранящейся на кафедре общего и славяно-русского языкознания Пермского университета и насчитывающей около двух миллионов карточек.

В русском литературном языке существуют омонимы *брак*¹ и *брак*² разного происхождения. *Брак*¹ 'супружество' заимствовано из старославянского языка. Одной из наиболее достоверных гипотез происхождения этого слова О. Н. Трубачев считает следующую: *брак* — от *братъ* с помощью суффикса *-кѣ*¹. Связь между *брак*¹ и *братъ* еще заметна в выражениях *братъ замуж*, *братъ в жены*, в диалектном *братъся* 'жениться'. *Брак*¹ в русской письменности фиксируется очень рано. Это слово есть уже в Остромировом евангелии, памятнике XI в.

*Брак*² 'недоброкачественные предметы производства, изъян, повреждение' появилось в русском языке значительно позже. По свидетельству этимологических словарей *брак*² заимствовано в XVII в. из немецкого языка через польский. В значении 'оценка качества товара, определение его сорта' это слово встречается в памятниках деловой письменности XVII в.

¹ Мурзин Л. Н. Образование метафор и метонимий как результат

Тогда же появляется и глагол *браковать*. В Ревельских актах 1654 г. читаем: «И тотъ Костянтинъ... велель тотъ ево, Алексеевъ, товаръ браковать и, обраковавъ, скласть тому Ягану в свой анбарь». Здесь *браковать* значит 'оценивать качества товара, определять сорт товара'².

Судьба омонимов *брак*¹ и *брак*² в русском языке оказалась различной. *Брак*¹ принадлежит к книжной речи. М. Фасмер специально отмечает: «Слово не является народным ни в русском, ни в украинском»³. Немногочисленные производные слова (*брачный*, *брачность*, *бракосочетание*) и устойчивые выражения разной степени спаянности (*сочетаться браком*, *вступить в брак*, *расторгнуть брак*, *состоять в браке*, *узы брака*) имеют отчетливую книжную окраску. В диалектных словарях, в том числе в самом полном из них — Словаре русских народных говоров, можно найти лишь несколько областных слов, восходящих в *брак*¹: *брачить* 'сочетать браком', *брачиться* 'сочетаться браком' *бракщина* 'свадебное гулянье'.

*Брак*² в отличие от омонима *брак*¹ рано проник в народную речь и оброс там многочисленными производными. В Словаре русских народных говоров находим: «*браковать* — 'оббивать киркой негодные части (выступы) глыбы только что добытого в карьере мрамора'; *браковка* — 1. 'не вышедшая замуж девушка', 2. 'забракованный девушками парень'; *браковочка* — уменьш. к *браковка* 1 и 2; *браковщик* — 'бракодел'; *браковщица* — женск. к *браковщик*; *браковый* — 'испорченный, с браком'; *бракорь* — 'браковщик, сортировщик'; *бракун* — 'человек, который все бракует, которому все не нравится'; *бракур* — то же, что и *бракорь*; *забрак* — 'низший сорт товара'».

Своеобразно представлена группа слов с корнем *-брак-* в речи жителей Акчима.

В картотеке словаря их говора слово *брак*¹ встретилось только раз, причем в сочетании, которое, по-видимому, является преобразованием литературного *вступить в брак*: *Вошли в брак значит женились*. Есть несколько примеров с производным прилагательным *брачный*, преимущественно в терминологическом сочетании *брачная пора* (о диких животных, птицах): *Это у них брачная пора, они брачные перья наводят, гнезда вьют; Глухари, они токуют, когда у них брачная пора*. Далее следует рассказ о том, что в брачную пору глухари ничего не слышат и охотник может подойти к ним на близкое расстояние.

Таким образом, материал акчимской картотеки подтверждает вывод о том, что *брак*¹ до сих пор не стал достоянием

народной речи (Сказанное вовсе не означает, что жители Акчима не знают этого слова. Знают! И, как мы увидим, оно своеобразно воздействует на другие слова группы. Однако это слово существует в пассивном словарном запасе говора).

Корень *-брак-*² представлен в речи жителей Акчима целым гнездом слов: *брак*, *браковать*, *бракер*, *браковка*, *выбраковать*, *забраковать*, *побраковать*. Наиболее употребительное из этих слов — глагол *браковать*. Его значение отличается от литературного. Словарь русского языка в 4 томах (2-е изд. Т. 1. С. 111) содержит такое толкование: «1. Расценивать что-л. как брак²//Признавать негодным, отвергать. 2. Определять сорт товара, изделия по качеству». Исторически первичным является то значение, которое словарь приводит вторым. В словаре Даля оно еще стоит на первом месте: «Браковать что, разбирать товар по доброте, на разные сорта, руки; сортировать//Признавать негодным в дело. Ты за что мою работу бракуешь?»⁴. В современном же русском языке наиболее употребительным стало значение 'признавать негодным что-л.'. Словари иллюстрируют это значение цитатами из русской классической и современной литературы: «Отныне в рифмах буду брать глаголы, Не стану их надменно браковать. Пушкин. Домик в Коломне; Нанятая им (Вельчаниновым) в марте месяце квартира его, которую он так злорадно браковал и ругал..., эта квартира его была вовсе не так дурна и неприлична. Достоевский. Вечный муж. Редактор не понимал острот, не чувствовал сатирической соли и иногда браковал отлично написанные вещи. Никулин. Владимир Маяковский»⁵.

Эти и многие другие цитаты показывают, что в литературном языке *браковать* употребляется преимущественно по отношению к предметам, а не к людям. В акчимском говоре отмеченное явление также обычно: *У нас таку-то соль бракуют брать: нечиста она*. Но значительно чаще *браковать* используется по отношению к людям: *Нихто не сватался, у ё на лопатке горб ли чё ли, дак поди из-за ево бракуют ее, а так она хорошая; Чё-ко Лёньку всё девки бракуют, замуж не идут за ево*. — На что следует реплика: *А так ему и надо, браконьеру! Болбан настоящей! Где работать, дак нет ево, где ад драть, дак он туто!*

В говоре д. Акчим *браковать* — это прежде всего 'не брать в жены, мужья'. *Браковать* и производные от него широко распространены и в пермском городском просторечии: *Ты чё похлёбку бракуешь? Она такая вкусная!; Чё-то забраковали его на той работе, на другую теперь устраивается; В армию он не ходил: комиссия забраковала; И чего вы его все*

бракуете? Хороший парень!; Долго она ходили, а потом она его чё-то забраковала и не пошла замуж.

От разных значений глагола *браковать* в диалектном языке образовались два существительных-омонима: *браковка*¹ 'действие по глаголу *браковать*' и *браковка*² 'тот, кого не берут в жены, мужья': *Девку замуж не берут, называют браковка; Вот некоторый раз девка не выйдет замуж, сидит вот, говорят: девка-браковка (Акчим); Моя прялочка-винтовка, Не садись ко мне, браковка; Прялочка-ласковочка, Не садись, браковочка; Ты садись, парень такой, Хоть забригой, да любой (чапушки, Словарь русских народных говоров).*

Вероятно, в осознании и употреблении второго, «брачного», значения глагола *браковать* и производного от него *браковка*² сказалось воздействие литературного *брак*¹ 'супружество'.

Часто встречаются в народной речи и приставочные производные глаголы: *Выбракуют лошадь на мясо, а некоторые покупают в хозяйство; Вальке брала материал, да она чё-то не шила его, забраковала; Та девка лучше, я ее бы не забраковала и т. д.*

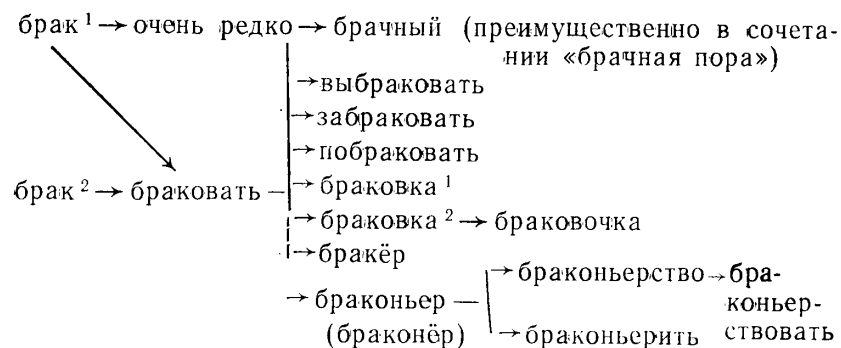
В говоре д. Акчим наблюдается еще одно интересное явление: слово *браконьер*, по происхождению никак не связанное с *брак*², воспринимается как родственное ему. По данным этимологических словарей, *браконьер* заимствовано из французского языка в XIX в. Происходит оно от французского существительного *brague* 'лягавая собака'. Акчимцам хорошо известно литературное значение этого слова: «*Браконьеры глушат рыбу, охоту крадучись бьют, петли насто-раживают, ловят сохатых.* (Здесь говорят не *браконьер*, а *бракенёр* — слово, нерусское по своему фонетическому облику, в народной речи часто преобразуется; в других говорах известны *бракорьер*, *бракондёр* и др.). Однако обычно слово *браконьер*, *бракенёр* используется в Акчимае для общей отрицательной характеристики человека: *Ох вы, браконёры, даром хлеб едите!* Бабушка в сердцах вполне может сказать внуку: *У, браконёр проклятушкой!* Один из жителей деревни так разъяснил значение этого слова: *Браконёр — это па-косник по-русски сказать.*

По-видимому, произошло следующее. Слово *браконьер* из-за близости по фонетическому облику к *браковать* стало восприниматься как образованное от него: *браковать* 'признавать человека негодным' → *браконьер* 'тот, кого признают негодным'. Перед нами довольно распространенный случай народной этимологии.

Глагол *браконьерствовать* приобрел в акчимском говоре более характерную для русского языка форму — *браконь-*

ерить (как свидетельствует словарь «Новые слова и значения: 70-е годы», глагол *браконьерить* известен разговорной речи).

Соотношение слов с корнем *-брак-* в речи жителей д. Акчим можно графически изобразить так.

Таким образом, случайное фонетическое сходство слов совершенно разного происхождения (*брак*¹, *брак*², *браконьер*) обусловило их взаимодействие, а это, в свою очередь, вызвало появление новых значений, т. е. привело к деривации на семантическом уровне.

¹ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

² Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 314.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 206.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 123.

⁵ Словарь современного русского литературного языка. М., 1950. Т. 1. С. 602.

А. Х. ОЗНЕВА

Ленинградский университет

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ДЕРИВАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ В ФОНОЛОГИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТОВ АНГЛИИ)

В настоящее время лингвисты изучают процесс образования не только слов, но и словосочетаний, грамматических форм слова, предложений, т. е. всех лингвистических единиц, начиная с фонемы и кончая текстом. Идея о распростране-

нии основного понятия дериватологии — производности — на область фонетики, область обнаружения отношений производности между фонетическими единицами¹ представляется весьма плодотворной.

Действие закона дериватологии в фонематике по сравнению с другими уровнями языковой системы не изучалось систематически. Вместе с тем при описании динамики фонологических систем большое значение придается выяснению вопроса о механизме образования новых фонем. Появление в фонологической системе новой единицы — процесс длительный и сложный, проследить его этапы — задача трудная. По сложности данный вопрос адекватен проблеме причинности звуковых изменений. Еще более проблематичным представляется создание моделей фонологизаций. Среди существующих в настоящее время моделей такого рода следует выделить модели фонологизации аллофонов, подакцентных гласных и согласных и др.

В статье предпринята попытка рассмотрения модели фонологизации через пустую клетку. Впервые предложенная и примененная к конкретному историческому материалу А. Мартине, она в дальнейшем получила широкое распространение в работах по диахронической фонологии.

Теория «пустой» клетки — центральный момент теории лингвистической экономии А. Мартине. По его мнению, принцип экономии определяет функционирование всей фонологической системы и является следствием постоянного противоречия между потребностями человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия как движущей силы языковых изменений². В идеале наиболее экономична система, которая обнаруживает большую симметричность структуры. Тенденция системы к симметрии проявляется в последствиях, важнейшим из которых является заполнение «пустых» клеток.

Идеальный пример «пустой» клетки можно видеть в системе типа

<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>
<i>m</i>	<i>n</i>	—

Двум звонким ртовым смычным соответствуют носовые корреляты. Фонема /g/ не имеет носового коррелята. Хотя /g/ включается в ряд смычных, в корреляции по признаку назальности фонема не участвует. Со структурной точки зрения такая ситуация может иметь два следствия: фонема /g/ либо исчезнет, либо приобретает коррелят и таким образом структурную устойчивость. Потенциальный партнер — фоне-

ма /ŋ/. Если она появляется в системе, говорят, что произошло заполнение «пустой» клетки. В плане экономии появление фонемы /ŋ/ вероятно, так как не сопряжено с увеличением числа релевантных признаков. А. Мартине и многие его последователи пытались посредством понятия «пустой» клетки смоделировать механизм изменений среднеанглийских фонем по Великому сдвигу гласных. В их построениях сдвиг получает характер цепной реакции, которая может быть вызвана двумя причинами: 1) среднеанглийская фонема /u/ переходит в дифтонг /au/ и оставляет «пустую» клетку, в которую перемещается /o/. В таком случае мы имеем так называемую цепь притяжения; 2) среднеанглийская фонема /o/ постепенно вытесняет фонему /u/ из ее клетки и /u/ под давлением /o/ переходит в дифтонг /au/ — цепь принимает характер «отталкивания».

Правомерность введения понятия «пустой» клетки при изучении звуковых преобразований не подвергалась фонологами сомнению. Признается, что возникновение новых фонем посредством заполнения «пустой» клетки — обычное явление в истории языков³. Вместе с тем некоторые исследователи не соглашались с утверждением об обязательности заполнения «пустых» клеток, указывая на то, что неизбежным следствием такой ориентации является конструирование довольно искусственных схем с «пустыми» клетками, специально предназначенными для заполнения⁴.

А. Мартине и его последователи находили подтверждение своей теории о ходе Великого сдвига гласных в норме английского языка, к фонологической системе которого действительно приложима схема, предполагающая наличие урегулированных и взаимообусловленных процессов дифтонгизаций и сужений долгих гласных. Однако для адекватной оценки рассматриваемой модели ее необходимо применить к более широкому языковому материалу. Литературный язык с его традиционностью, нормативностью и стилистической однородностью «задерживает» отдельные элементы системы во времени. Именно диалекты, в которых, по определению В. М. Жирмунского, реализуются наиболее непосредственно, последовательно и беспрепятственно общие тенденции языка⁵ служат источником для исследования динамической системы языка.

Предметом изучения мы выбрали северные диалекты Англии — Нортгумберленд, Дарем, Камберленд, Вестморленд. Данный регион характеризовался большей по сравнению с другими районами интенсивностью фонетических процессов. Здесь необходимо отметить, что мы придерживаемся утвер-

дившегося в настоящее время положения о том, что в качестве единственной фонологической реальности следует рассматривать фонологическую систему литературной нормы и отдельно взятого говора⁶. В связи с этим анализу подвергаются отношения, фиксируемые в вокалических системах отдельных пунктов.

Исследование ситуации, сложившейся в фонологических системах говоров указанных диалектов, позволило отвергнуть абсолютизацию фонологизации через «пустую» клетку как единственной модели образования новых фонем. Помимо цепей дифтонгизаций и сужений: /o/ → /u/, /u/ → /au/, которая отвечает требованиям механизма фонологизации через «пустую» клетку, в фонологических системах говоров севера Англии обнаруживаются отношения, свидетельствующие, что распределение фонем по клеткам не всегда имеет целесообразный и регулярный характер.

В системах большинства говоров среднеанглийские /o/ и /u/ развивались самостоятельно: /o/ регулярно переходит в /u/, несмотря на то, что /u/ не изменило своей реализации и продолжает занимать клетку в системе долгих гласных. В результате в вокалических системах фиксируется слияние фонем. Широкое распространение подобных переходов в большинстве говоров северных диалектов свидетельствует об ограниченной возможности использования модели цепных реакций при динамическом анализе фонологической системы. В наибольшей степени это касается такой разновидности цепей, как цепь «отталкивания». Наличие приведенных пар смещений позволяет не только отрицать существование цепей «отталкивания» в данных говорах, но и пересмотреть общетеоретическое обоснование возможности их функционирования.

Во-первых, в соответствии с данной моделью процесс образования новых фонем носит постепенный, длительный характер: фонема, видоизменяясь, через последовательные ступени вынуждает другую фонему реализоваться в ином «фонологическом пространстве». Преувеличенная механистичность подобного построения достаточно очевидна. Но особые возражения вызывает наделение характером постепенности цепной реакции «отталкивания». Здесь постепенность предстает в виде строгой очередности и ступенчатости, при которой фонема принимает фонетический облик вытесняемой фонемы. Например, новоанглийский дифтонг /ai/ реконструируется с помощью следующего механизма образования из среднеанглийского /I:/:

$I: > i\dot{i} \rightarrow e\dot{i} \rightarrow \varepsilon\dot{i} \rightarrow a\dot{i}$

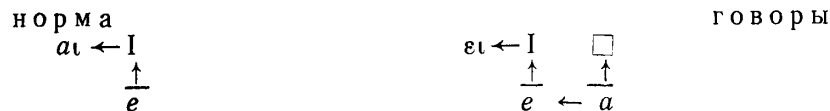
Как показали многочисленные исследования диалектов различных языков, в системе языка наблюдается не постепенное изменение звука путем смены одного его аллофона другим, а одновременное существование последних. Материал диалектов Англии представляет собой ценный источник для изучения динамических процессов, происходящих в фонологии. Современная диалектная ситуация в Англии отмечена чрезвычайно широкой вариативностью гласных⁷. Материал диалектов с его своеобразной «избыточностью» свидетельствует о потенциальных возможностях фонологической системы, ее способности порождать большое количество разнообразных вариантов. Следовательно, важным для описания динамики фонологических систем является изучение вариативности составляющих их единиц. Каждый оттенок фонемы оказывается в потенции новой самостоятельной единицей. Таким образом, в языке постоянно существуют предпосылки звукового изменения, обусловленные неоднородностью звукового выражения⁸. Материал говоров позволяет установить возможные в данном языке и допустимые в исторической перспективе перемещения с фонетического уровня на фонематический и обратно⁹.

Теоретическое положение, на основе которого постулируются цепные реакции «отталкивания», состоит в следующем. Утверждается, что при фонологических изменениях фонемы стремятся избегать слияний друг с другом. А. Мартине формулирует этот постулат так: если звуковая реализация одной фонемы окажется в опасной близости к центру тяжести другой фонемы, то последняя покинет свою клетку, с тем чтобы избежать слияния с первой¹⁰. Регулярные слияния рефлексов среднеанглийских /o/ и /u/, а также /I:/ и /a:/ в говорах северных диалектов, среднеанглийских /e/ и /e/ в литературной норме свидетельствуют о том, что слияние фонем — обычное свойство фонологических систем, и заполнение/незаполнение «пустых» клеток не связано строго с распределением функциональной нагрузки между фонемами.

Вместе с тем в говорах северных диалектов наблюдается ситуация следующего типа. В вокалических системах говоров Халтуистл, Аллендейл (графство Нортумберленд), Хансонби, Госфорт (графство Камберленд) среднеанглийское /u/ продолжает занимать клетку, и среднеанглийское /o/, сдвигаясь, приобретает рефлекс в виде /ɪd/, /ɪw/, /iγ/, что предположительно может быть объяснено стремлением /o/ избежать слияния с фонемой /u/.

Примером возможной корреляции распределения функциональной нагрузки между фонемами и направления изменения системы может послужить модель поведения фонем в

говорах Эмблетон, Троптон, Эллингтон (графство Нортумберленд), Бригхам (графство Камберленд). В них наблюдается цепь изменений:

Данная группа переходов может интерпретироваться следующим образом. Так же, как и в норме, в говорах наблюдается равномерное распределение фонем по клеткам. Однако рефлекс среднеанглийских фонем в вокалических системах говоров отличаются от нормативных. Появляется новая фонема /e/, что традиционно могло бы быть объяснено притяжением «пустой» клетки. Лакуна образовалась вследствие перехода среднеанглийского /e/ в /I/. Одновременно оказывается невозможным переход среднеанглийского /a/ в /ei/, поскольку соответствующая клетка оказывается занятой в результате переходов среднеанглийского /I/ в /ei/, а не в /ai/, как это произошло в литературном языке.

Параллельно с описанными целесообразно рассматривать говоры Эардсон в Нортумберленде, Лонгтаун в Камберленде, своеобразие систем которых обусловлено тем, что среднеанглийский /a/ не переходит полностью в /ei/. Широкая вариативность рефлексов /a/: ea, id, e:, ei затрудняет ответ на вопрос, какой из аллофонов сдвигающейся фонемы фонологизируется. Если мы квалифицируем ситуацию соответствующих говоров как переходную, то перспектива ее изменения не может определяться исключительно на основании модели систем, в которых функционирует монофонг /e/. Дело в том, что в говорах Вашингтон, Эбчестер, Эглстон графства Дарем фонологизация рефлексов среднеанглийских гласных прошла следующим образом: /I:/ → /I /, ə/a/ → /eə/. Фонемы изменяются независимо друг от друга, возможные «пустые» клетки не заполняются. Переходные случаи, аналогичные описанным, подтверждают важное положение о допустимости неединственности решения при интерпретации сложных фонологических ситуаций.

Не «экономной» является структура говоров Госфорт в Камберленде, Уорхед в Дареме. В соответствующих системах фиксируются такие перемещения: среднеанглийское /u/ → /au/, среднеанглийское /o/ → /tə/, но не /u/, как того требовал бы закон заполнения «пустых» клеток.

Анализ фонологических систем говоров позволил оценить модель фонологизации через «пустую» клетку. Фонологиза-

ция аллофонов посредством заполнения «пустой» клетки не является непременным условием функционирования системы. Наличие в системе «пустой» клетки не означает, что в ее пределах обязательно произойдет образование новой единицы. Структурная возможность, возникающая в системе, не всегда реализуется. Вместе с тем известно, что фонемы являются в системе, не имеющей «пустых» клеток. «Поведение» фонем, их окончательное распределение в системе часто противоречит приписываемому ей принципу симметричности и регулярности.

Идея «пустой» клетки в контексте лингвистической экономии, предполагающей по возможности полную реализацию всех фонологических возможностей, тенденции восстановления равновесия системы не противоречит понятию системы фонем. Всякая система стремится к устойчивости, и многие лингвисты признают, что более симметричная система имеет «больше шансов» достичь этого. Однако императивный характер «пустой» клетки, заполнение которой призвано обеспечить симметричность и урегулированность системы, так же как и принцип большей/меньшей симметричности, имеет ограниченное значение. Закономерность заполнения/незаполнения «пустой» клетки носит вероятностный характер. Другими словами, она существует как тенденция.

Языковая общность чаще является структурно разнородной, следовательно, необходимо представлять язык в качестве сосуществующих систем и исследовать закономерности вариантов структур. Одна модель фонологизации не может отразить сложность языкового динамизма. Вариативность изучаемых отношений показывает, что в данном случае обнаруживается гораздо более сложная системность, чем отраженная посредством клеток, кубиков, матриц и тому подобных примитивных способов¹².

¹ Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984. С. 8.

² Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. С. 129.

³ Степановичус А. Основы диахронической фонологии. Вильнюс, 1984. С. 12.

⁴ Vоgоnkoвa J. V. Steblin-Kamenskij. The Phoneme — a bundle of PF? //Linguistics. 1957. N 2. P. 87—88.

⁵ Жирмунский В. М. Существовал ли общегерманский язык-основа //Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 278.

⁶ Кузьменко Ю. К. Факторы фонологической эволюции скандинавских языков: Автореф. дис... д-ра филол. наук. Л., 1984. С. 4.

⁷ В настоящее время утвердилась теория, в соответствии с которой Великий сдвиг гласных в английском языке и обусловленная им вариативность долгих гласных явились следствием установления в языке просодической корреляции слогового контакта. При такой корреляции противопоставляются гласные слабого контакта (неусеченные) гласным плотного

контакта (усеченным). Неусеченным гласным свойственно развиваться в позиции свободного контакта самые разнообразные препозитивные и постпозитивные глайды. О наиболее последовательном приложении данной теории к фонологическим системам диалектов Англии см.: Мячинская Э. И. Отражение Великого сдвига гласных в современных английских диалектах. Л., 1979.

⁸ Зиндер Л. Р. О звуковых изменениях // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 72.

⁹ Колесов В. В. Введение в историческую фонологию. Л., 1982. С. 46.

¹¹ Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. С. 29.

¹² Воронкова Г. В. Проблемы фонологии. Л., 1981. С. 71.

Л. Н. МУРЗИН, Н. П. ПОТАПОВА, Ф. Л. СКИТОВА
Пермский университет

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ДЕРИВАЦИИ В РАБОТАХ С. Ю. АДЛИВАНКИНА

Соломон Юрьевич Адливанкин был не только исключительным лектором, увлеченным лингвистикой и увлекавшим своих коллег, учеников и студентов, но и незаурядным исследователем. Он способен был входить в самую суть сложной концепции, по-своему ее интерпретировать, вскрывать логические противоречия и т. п. Умение глубоко критически оценить сделанное коллегами — одна из сильных сторон С. Ю. Адливанкина как ученого. В этом проявлялся аналитический склад его ума. В своем научном творчестве Соломон Юрьевич всегда уделял огромное внимание скрупулезному анализу конкретных фактов. Вместе с тем он всегда стремился «поднять» факты на уровень теоретического их осмысления. И в этом можно видеть другую сторону таланта этого ученого.

Научные интересы С. Ю. Адливанкина лежали в области истории языка и словообразования. Правда, его увлекали и фонетика, и стилистика; вспомним тезисы его доклада «Язык писем и устная разговорная речь» (Пермь, 1980). Много внимания он уделял лексике и ее описанию. Но какой бы материал ученый ни анализировал, он осмыслял его в аспекте функционирования, исторического становления и развития. Это обнаружилось уже в его кандидатской диссертации, где, описывая систему одного из южнорусских говоров, он обращался к вопросам по существу диахронического характера. На основе диссертации была написана большая статья «Вокализм группы южнорусских говоров на севере Романского района Саратовской области» (Учен. зап./Адыг. пед. ин-т. 1957. Т. 1. С. 201—232).

С. Ю. Адливанкин в ряде серьезных работ ставит весьма сложные проблемы истории русского и других славянских языков. В 1962 г. появилась статья «К вопросу об истории зияния в русском языке» (Учен. зап./Перм. ун-т. Языкознание. Пермь, 1962. Т. XXII, Вып. 1), в которой впервые это явление в целом получает обстоятельное объяснение.

В Пермском университете С. Ю. Адливанкин читал курс старославянского языка. Фактически он разработал его как две самостоятельные дисциплины: «старославянский язык» и «история праславянской фонетики». Историю праславянской фонетики он преподносил как движение языковой системы, развивающейся по определенным законам. Эволюцию некоторых сторон фонетической системы он осмысливал по-своему, придавая большое значение как речевым фактам, так и языковой системе, уделяя большое внимание взаимовлиянию явлений и процессов (ср., например, историю сочетаний типа *tort*, историю изменений гласных). С. Ю. Адливанкин считал важнейшими проблемами, которые необходимо раскрыть перед студентами, проблемы противоречий в языке и причинности изменений.

На основе читаемого курса было создано три учебных пособия по праславянской фонетике: Адливанкин С. Ю. Краткий очерк праславянской фонетики. Пермь, 1971; Адливанкин С. Ю., Фролова И. А. История праславянской фонетики. Ранний период. Пермь, 1978; Адливанкин С. Ю., Фролова И. А. История праславянской фонетики. Поздний период. Пермь, 1979. Позднее оно было переработано и издано в соавторстве с И. А. Фроловой как учебное пособие по спецкурсу. В нем последовательно проводится «хронологический принцип изучения фактов праславянской фонетической эволюции». При написании учебника Соломон Юрьевич намеренно упрощает объяснение фактов, ограничивается изложением того, что, по его мнению, наиболее аргументировано. В результате студенты получили великолепный учебник по праславянской фонетике.

Глубокий научный интерес С. Ю. Адливанкина к истории языка, учет исторических процессов и при рассмотрении явлений языка в синхронном аспекте, принципиальное видение диалектической связи диахронии и синхронии характерны были для позиции, которую он занимал как один из самых активных создателей Акчимского словаря.

С. Ю. Адливанкин очень серьезно относился к решению вопроса о типе регионального словаря, создание которого в 50-е гг. планировали диалектологи Пермского университета. Он аргументированно поддерживал идею создания **недиффе-**

ренциального словаря говора одной деревни, так как понимал, что исторические процессы наиболее отчетливо обнаружатся в словаре, отражающем цельную лексическую систему говора. Для ученого было ясно, что именно в словаре такого типа проявится роль народных диалектов как своеобразных музеев старины, с одной стороны, и как кузницы нового — с другой. Материалы такого словаря помогут глубже проникнуть в процессы взаимодействия русских говоров, говора и русского литературного языка, русских говоров и говоров других языков. Полный словарь одного говора высоко ценился им и как источник, позволяющий уточнить решение дискуссионного вопроса о социально-культурно-возрастном расслоении носителей говора. Сам С. Ю. Адливанкин был глубоко убежден, как и ведущие диалектологи Саратовского университета, в реальности такого расслоения.

Будучи членом редколлегии, Соломон Юрьевич принимал активное участие в разработке теоретических основ Акчимского словаря. Он подготовил и прочел несколько глубоко содержательных докладов по ряду теоретических вопросов лексикологии и лексикографии. К ним относится доклад, посвященный малоизученному вопросу стилистической дифференциации лексики говора.

С. Ю. Адливанкин внес большой вклад в исследование лексики акчимского говора. Он принимал активное участие в первой лексической экспедиции в д. Акчим, задачами которой являлись определение состава основных информантов — носителей говора, практическая проверка методики сбора лексикологических материалов и правил составления словарных карточек. В последующие годы он был руководителем ряда диалектологических экспедиций.

Интерес С. Ю. Адливанкина к вопросам дериватологии содействовал отражению в Акчимском словаре лексической системы говора во всем своеобразии ее функционирования. Им проделана огромная работа, позволившая обнаружить функционирование в говоре особого лексико-семантического разряда слов отглагольно-причастного образования: его *убито*, замки *найде́но* и т. п. Такого рода слова, структурно совпадающие с краткими причастиями, отличаются от них семантически, ибо не содержат в себе процессуально-результативной характеристики предмета, а лишь фиксируют результативную ситуацию. Для их обозначения в словаре принят термин «результатив». Страдательный отглагольный результатив отличается от причастия морфологически и синтаксически: это слово неизменяемое, выступающее в качестве сказуемого безличного предложения. Результаты рассматриваются как отдельные лексические единицы. Итоги рабо-

ты отражены в статье С. Ю. Адливанкина и Н. П. Поталовой «К вопросу о лексико-семантическом статусе предикативных несогласуемых глагольных словоформ на -но, -то» (Пермь, 1979).

При разработке научных основ словаря и при решении вопроса о вариантах очень важную роль сыграли исследования С. Ю. Адливанкина по словообразованию. На московском диалектологическом совещании в 1965 г. получил высокую оценку доклад «К вопросу об изучении словообразования в связи со сбором материала для областного словаря», в Новосибирске — доклад «Системность словарного состава и словообразование» (см.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1967).

Теоретическим проблемам словообразования С. Ю. Адливанкин стал уделять большое внимание с начала 60-х гг. В 1964 г. выходит в свет его статья «Некоторые вопросы словообразования существительных со значением лица (по материалам говоров Пермской области)». Она во многом оказалась определяющей для формирования словообразовательной концепции автора. В работе намечены те идеи, которые он развивал в 70-е и 80-е гг. Прежде всего здесь достаточно эксплицитно выражена мысль о том, что словообразовательная система — не формальная система производных слов, а функциональная и семантическая система самого процесса образования слов. Именно поэтому С. Ю. Адливанкин исключил из словообразовательной системы говора заимствования из литературного языка производных слов и некоторые «случайные» типы слов, которые лишь «структурно приравниваются к определенным словообразовательным моделям» (см.: Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964. Вып. 1. С. 67).

Важнейшим в словообразовательной концепции С. Ю. Адливанкина было положение о том, что словообразование не укладывается в рамки статической системы языка и поэтому не может рассматриваться в качестве особого уровня (яруса) языка. Словообразование не принадлежит ни грамматике, ни лексике, хотя и связано с последними; ибо оно процессуально, динамично по своей природе. Не случайно ученый резко выступал против трактовки словообразования как явления чисто синхронного, как учения об отношениях существующих единиц (см.: О типологическом статусе словообразования // Семантические аспекты слова и предложения. Пермь, 1980. С. 10—29). Словообразование С. Ю. Адливанкин считал одним из видов речевой деятельности человека, а именно актом номинации, актом создания слова. Исходя

из такого понимания словообразования, он и пытался принципиально переосмыслить многие установившиеся в нашей науке деривационные понятия (словообразовательный тип, словообразовательная модель, словообразовательная единица и др.). Он стремился наметить этапы словообразовательного процесса, описать схему создания нового слова и тем самым заложить основы динамического представления о словообразовательной системе как компоненте динамической модели языка.

В статье «К вопросу о системности словообразования» С. Ю. Адливанкин вводит целую систему новых терминов, призванных, по мысли автора, более адекватно представить предмет лингвистического описания. В посмертно опубликованной статье «Модели словообразовательного процесса и способы словообразования» он уточняет свое представление о словообразовании. Отталкиваясь от известных способов словообразования, выделенных еще В. В. Виноградовым, учитывая их содержательную сторону, ученый строит три модели словопроизводства: модель кодифицирующих наименований, соответствующую морфологическому, семантическому и некоторым другим способам, модель аббревиации или универбизации (в узком смысле этого слова) и модель лексико-синтаксического и конверсионного способов. Функционирование всех трех моделей автор иллюстрирует достаточно убедительными примерами. Но, разумеется, эта трехмодельная словообразовательная система нуждалась в интерпретации на широком фактическом материале.

Пытаясь постичь сущность словообразования как процесса, С. Ю. Адливанкин искал «истоки» этого процесса в речевой деятельности. Не случайно в последнее время он интересовался внутренней речью и ее соотношением с внешней. По мнению исследователя, именно во внутренней речи, в вербально недостаточной оформленной семантике зарождается слово. Не потому ли в ряде статей и выступлений он настойчиво проводил мысль о том, что универбизация как преобразование одной формальной единицы в другую имеет весьма ограниченную сферу функционирования — аббревиацию (см.: Адливанкин С. Ю. К вопросу об универбизации и универбах // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Гродно, 1982. Ч. 1. С. 7—8). С. Ю. Адливанкин видел сущность словообразования в переходе от чисто семантических, односторонних категорий к категориям двусторонним, языковым. Достаточно широко и решительно эту проблему он обсуждал в статье «К вопросу о производстве наименований аналитической и синтетической структуры» (Лингвистика и модели речевого поведения. Л., 1984).

Разрабатывая общую теорию словообразования, С. Ю. Адливанкин естественным образом выходил за ее пределы, в область более широкой лингвистической теории — дериватологии. В статье «О типологическом статусе словообразования» он настаивает на необходимости создания не одной, а целых трех наук вместо традиционного словообразования: дериватики, дериватологии и структурологии. Позднее он объединил дериватику и структурологию как статические дисциплины, а дериватологию рассматривал в качестве своего рода метадисциплины словообразования. Этот свой взгляд на динамическую природу дериватологии и характер отношения к ней словообразования он схематично выразил в докладе на конференции в МГПИИЯ им. М. Тореза в 1981 г., посвященной проблемам слово- и фразообразования. Однако развернутость и обоснованность указанная мысль приобрела в статье «О предмете и задачах дериватологии» (Деривация и текст. Пермь, 1984). Здесь совместно с Л. Н. Мурзиным он сформулировал основные постулаты дериватологии как науки. В своем, к сожалению, не состоявшемся докладе на 2-й дериватологической конференции С. Ю. Адливанкин предполагал связать синхронную дериватологию, которой он преимущественно и занимался, с исторической грамматикой: как историк языка, он не мог не видеть внутреннего родства этих двух динамических дисциплин (см. тезисы в сб.: Деривация и история языка. Пермь, 1985).

Нельзя не заметить того, что все работы С. Ю. Адливанкина отличаются внутренней логикой и единством. Его научные интересы были постоянно направлены на динамическую сторону языка. Чем бы он ни занимался — фонетикой, грамматикой, лексикой или словообразованием, какие бы ни решал проблемы: системы, типологии или специфики единиц языка, всегда обнаруживалось стремление проникнуть в сущность языкового явления или языка в целом, а сущность эта понималась в духе динамики, истории языка или речевой деятельности говорящих. Работы С. Ю. Адливанкина заключают в себе много интересного, много новых, порой неожиданных и парадоксальных мыслей. Его научное творчество требует должной оценки.

В очень многих публикациях лингвистов Пермского университета есть значительная доля труда С. Ю. Адливанкина, который обладал удивительным умением, не щадя себя и своего времени, приходить на помощь при первом обращении к нему.

Настоящий сборник посвящен памяти нашего замечательного коллеги, незабываемого человека и талантливого ученого-лингвиста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение разных сторон функционирования языка в историческом плане или синхронии в последнее время приобрело все более широкий размах. В этом отношении данный сборник вполне соответствует требованиям времени. При разнообразии поднятых вопросов все работы сборника объединяются общим направлением, пафосом деривационно-исторического подхода к исследованию языка.

Можно утверждать, что публикуемые материалы существенно дополняют известные положения, касающиеся законов развития языка и правил образования лингвистических единиц, вносят определенный вклад в разработку таких общелингвистических проблем функционирования языка, как соотношение синхронии и диахронии, статики и динамики, онтологии и гносеологии языка.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Мурзин Л. Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах	4
Михайленко В. А. Синтаксическая деривация в диахроническом аспекте	10
Преображенская М. Н. Синтаксические функции причастия и членимость древнерусского текста на предикативные единицы	22
Мошева А. А. Субстантивация в синхроническом и диахроническом аспектах	29
Кузнецова А. И. Реликты исчезнувших словообразовательных моделей в морфемной структуре русского языка	37
Шварцкопф Б. С. О характере фразеологической деривации	47
Губарев В. П. Историческая фразеология и фразеологическая деривация	50
Пономарев Н. Ф. Статика и динамика в словообразовании	58
Азарх Ю. С. О синонимии однокорневых слов	64
Шиханова Л. И. Деадъективные глаголы и их функционально-семантические эквиваленты	73
Потапова Н. П. Деривационные связи в пространственной и временной семантике падежных и предложно-падежных форм в диалектной речи в сравнении с фактами древнерусского языка	79
Дмитриева О. Л. Семантическая обусловленность функционирования деривационно связанных вариантов рода в речи	89
Карасик В. И. О производности высказываний	92
Коссек Н. В. Об отношениях семантической деривации в отрицательных конструкциях старославянского языка	102
Литвинова М. Н. Деривационные процессы при переводе метафоры	110
Грузберг А. А. Об одной из причин деривационных процессов	121
Озиева А. Х. О функционировании деривационных моделей в фонологии (на материале северных диалектов Англии)	125
Мурзин Л. Н., Потапова Н. П., Скитова Ф. Л. Вопросы истории языка и деривации в работах С. Ю. Адливанкина	132

ДЕРИВАЦИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Межвузовский сборник научных трудов

Редактор **Е. А. Огиенко**

Технический редактор **Л. Г. Подорова**

Корректоры **Л. В. Хлебникова, О. В. Белодед**

Темплан 1987, поз. 1730

Сдано в набор 22.06.87. Подписано в печать 02.10.87.
ЛБ06311

Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 9.
Тираж 700 экз. Заказ 421. Цена 1 р. 30 к.

Редакционно-издательский отдел Пермского университета. 614600, Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского университета. 614600. Пермь, ул. Букирева, 15